

УДК 340(075)

ББК 67.3я7

Г 12

*Министерство образования и науки РК
Казахский национальный университет им. аль-Фараби*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Муталипов Ж. М. — доктор философских наук

Абирова Б. И. — доктор философских наук

Габитов Т. Х. — доктор философских наук, профессор

Г 12 Философия права: Учебное пособие для юридических вузов. — Алматы: Издательство «NURPRESS», 2010. — 228 с.

ISBN 9965-813-83-3

В данном учебном пособии в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта даны основы философии права. В нем использованы отдельные материалы из следующих опубликованных книг: Нуржанов Б. Г., Габитов Т. Х., Ибраева А. С., Айдарбаев С. Ж. и др. На пути к культуре мира. Алматы: КазГУ, 2000; Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов — Москва, Щит и меч, 1998; Букреев В. И., Римская И. Н. Этика права — М., 1998; Габитов Т. Х. и др. Основы этики — А., 1997.

Пособие предназначено для студентов юридических специальностей вузов и колледжей РК, всем интересующимся проблемами философии права и правовой этики.

УДК 340(075)

ББК 67.3я7

ISBN 9965-813-83-3

© Габитов Т. Х., 2010.

© Издательство «NURPRESS», 2010.

Содержание

Введение.....	3
----------------------	----------

1 раздел. Предмет философии права

1.1. Понятие философии права.....	9
1.2. Философские проблемы права.....	12
1.3. Правосознание: Содержательный и функциональный анализ.....	29
1.4. Правовое равенство и свобода.....	52
1.5. Права человека и правовое государство.....	57

2 раздел. Философские проблемы исторических типов права

2.1. Обычай, миф и право.....	68
2.2. Каноническое право и мораль.....	71
2.3. Естественное право и мораль.....	75
2.4. Римское право как нравственная ценность.....	82
2.5. Позитивное право и мораль.....	88
2.6. Живое право как источник правовой морали.....	91

3 раздел. Мораль и право

3.1. Философия права и правовая этика.....	97
3.2. Право и этические категории.....	101
3.3. Профессиональный долг и честь.....	105
3.4. Добро и зло.....	115
3.5. Справедливость.....	121
3.6. Счастье.....	124
3.7. Совесть.....	129
3.8. Нравственное содержание правоохранительной деятельности.....	134
3.9. Нравственные конфликты в правоохранительной деятельности.....	147

4 раздел. Ценности современной правовой культуры	
4.1. Демократия.....	170
4.2. Права человека.....	183
4.3. Свобода мнений.....	195
4.4. Терпимость.....	208
Рабочая программа по философии права.....	220

Введение

В учебном пособии рассматриваются общие проблемы философии права. Сегодня в современной цивилизации и в нашем обществе возрождается интерес к человеку и философия права становится дисциплиной человековедческой. На этом фоне естественным образом возникают новые направления научного анализа как философия современной цивилизации и связанные с ней проблемы философии права. Обращение к философско-правовым проблемам современного общества — это попытка увидеть место социальных ценностей в жизни современного человека. Философский анализ имеет свои особенности, она претендует на объективный обзор различных школ и направлений, некий взгляд со стороны, охватывающий всю совокупность правовых теорий и их ценностных оснований. Она состоит не в рассмотрении социума в целом, а в рассмотрении человека в социуме, в анализе правового отношения человека к социуму. Среди этих ценностей немаловажное значение имеет комплиментарность и солидарность человека. Эти отношения предполагают такую оценку человеком социумных реалий, которые всегда индивидуально избирательны и внутренне нормативны, оценку, которые носят нравственный характер и связаны с представлением человека о свободе, справедливости, добре и зле, о долге перед другими и перед собой.

Актуальность учебного пособия связана как с образовательными целями, так и теми социокультурными процессами, которые происходят в мире и в Республике Казахстан. Правовая культура недостаточно изучена в нашей стране. Само по себе право представляет из себя конкретно-историческое социальное явление. В каждую историческую эпоху, в каждой стране оно отличается немалым, подчас весьма существенным своеобразием. Исходное значение при рассмотрении этого своеобразия имеет понятие национально-правовой системы. Основным атрибутом данной системы выступает право, которое находится в сложных взаимосвязях и взаимодействии с другими частями данного общества, с определенными экономическими отношениями, государством, моралью, культурой — всем комплексом социальных институтов и

ценностей и что самое главное выступает в качестве регулятора социальной свободы.

Автор учебного пособия на основе анализа текстов правовой культуры, раскрывает основные принципы и ценности философии права. С другой стороны, важность и актуальность учебного пособия связано и с коллизиями классической правовой культуры в условиях глобализации. Этот процесс заключается не просто в экономических, социальных, политических проблемах, он вытекает из смены основополагающих форм и принципов культуры и цивилизации, их основных социальных институтов: искусства, науки, религии, философии; в обесценивании правовых норм, идеалов, традиционных регуляторов поведения. Наблюдается острый ценностный дефицит и этот дефицит невозможно восполнить простым принятием ценностных ориентиров западной цивилизации.

В условиях господства разорванного сознания, аномии, требуются новые духовные основы для развития личности и общества в целом в процессе вхождения в мировую цивилизацию. В этом плане вполне можно согласиться с выводом автора учебного пособия о том, что «правовая культура определяется не только развитостью этических и других форм, сколько тем, как эти формы адекватно выражают тенденции развертывания общечеловеческого духа и при этом правовые ценности показывают условия быть человеком».

На основе применения методов компаративистики, герменевтики, «идеальных типов» (М. Вебер), структурно-функционального анализа выделены архетипы и хронотопы мировой истории права, ее пространственно-временные параметры и тенденции развития. В учебном пособии реконструированы социокультурные модели цивилизаций и культур, рассмотрены ментальные и духовные особенности права. Правовые ценности Востока и Запада рассматриваются в потоке времени. Многовековая история человеческого общества развивалась по определенным канонам и к числу наиболее распространенных социальных ценностей, как правило, причисляются религия, социальная и межличностная солидарность, свобода, справедливый порядок, этнос, мораль, обычаи, право и т.д. Высочайшим уровнем развития цивилизации общества является достигнутое, разумеется, с предполагаемым ростом, состоя-

ние этнического согласия, комплиментарности и неотчуждаемое право на этническое самосознание и идентификацию в любом обществе. Гражданские чувства и достоинства человека являются фундаментальными ценностями современной цивилизации и их исследование имеет актуальное значение для науки и практики. Речь идет о тех законах общества, которые способны возвысить общество до самого совершенства, ведь соблюдение подлинных законов общества в виде основных компонентов этнического бытия, является способом социального процветания, все это, несомненно, связано с такими вехами развития общества как нарастающее в современности движение к социальному самоопределению, к свободе, к гуманизму, к правам этноса и человека, к обеспечению высокого достоинства носителей этнической культуры. Утрата человеческим сообществом своего подлинного закона есть угроза к его свободе (колониализм, тоталитаризм, диктатура, авторитаризм). Конкретизируя данное положение и используя его в качестве отправного пункта, нужно особо остановиться на развертывании понятия «общество» в истории человечества, тем более что оно используется в сочетании с понятиями «народ», «нация», «государство» и т.д., то есть человек в философии права понимается как социально оправданная солидарность и сотрудничество, т.е. как событие людей в самом широком смысле.

Границы и рамки желательного и дозволенного провозглашаются в нравственных нормах, либо в традициях передаваемых от поколения к поколению, и, наконец, социально-естественной средой обитания, через естественные требования. Все они существенно различаются между собой по форме изложения и возможно направленности, но едины по реализации, цели и определению. Все это, несомненно, можно и даже должно именоваться «правовой культурой». Исследование данного феномена, несомненно, актуализирует тему пособия и она имеет прямое отношение к реалиям современного Казахстана. Благодаря соблюдению этой неизменной, постоянной социальной величины сохранились непосредственные требования и идеалы данного общества. Все это в последствии с учетом современных тенденций отразилось в системе правовых ценностей казахского народа.

Эта позиция вызывает протест в обществе, «негласная конституция» которого провозглашает принцип равноправного доступа

к истине. Тем более есть и абсолютные, непреходящие характеристики и ценностно-нормативные аспекты правовой жизни. Их наличие, наряду с реальной потребностью и стремлением общества к строительству действительно *правового* государства и подлинно гражданского общества, обуславливает все еще непоколебимую уверенность огромного большинства людей в том, что такие идеалы, как Свобода, Справедливость, Равенство, Общее Благо и другие, найдут свое воплощение и в нашем общественно-государственном устройстве, подобно тому, как они, пусть и не без проблем и известных издержек, но воплотились в практике современных демократических стран.

1 РАЗДЕЛ

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

1.1. Понятие философии права

Философия права занимается исследованием смысла права, его сущности и понятия, его места в мире, его ценности и значимости, его роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народа и человечества. По своей разумной природе человек живет и действует в определенном образом осознаваемом (и пропущенном через сознание) и осмысленном мире, и это относится к числу фундаментальных свойств человеческого бытия, ориентации и деятельности в мире. Человеческий способ бытия включает в себя уразумение, осмысление, понимание этого бытия, себя и всего мира, себя в мире, мира в себе.

Так же в принципе обстоит дело во взаимоотношениях человека с миром права. Он подвергает все правовые данности сомнениям, проверкам, суждениям и оценкам своего разума — обыденного, теоретического, философского. Это испытание позитивного права на разумность, справедливость, истинность, подлинность, правильность и т. д., хотя и обладает или иным критическим потенциалом в отношении к позитивному праву, продиктовано, однако, не придирками к властям и их установлениям, а фундаментальными свойствами и проблемами общественного бытия человека, потребностями познания природы и смысла права, его места и значения в совместной жизни людей.

Цель разума — истина, и философия права занята поисками истины о праве. Предметная область философии права — проблема различения и соотношения права и закона. Хотя философия права имеет давнюю и богатую историю, однако сам термин «философия права» возник сравнительно поздно, в конце XVIII в. До этого, начиная с древности, проблематика философско-правового профиля разрабатывалась — сперва в качестве фрагмента и аспекта более общей темы, а затем и в качестве отдельно самостоятельного предмета исследования.

Первоначально термин «философия права» (вместе с определенной концепцией философии права) появляется в юридической науке. Его автором является немецкий юрист Г. Гуго, предтеча исторической школы права. Юриспруденция, по замыслу Гуго, должна состоять из трех частей: юридической догматики, философии права и истории права. При этом история права призвана показать, что право складывается исторически, а не создается законодателем.

Широкое распространение термина «философия права» связана с гегелевской «философией права» (1820 г.), огромная значимость и влияние которой сохранились до наших дней. Философия права, согласно Гегелю, это философская дисциплина, а не юридическая, как у Гуго. При этом философская наука характеризуется им как историческая наука. Подлинная наука о праве, по Гегелю, представлена в философии права. Предмет философии права Гегель формулирует следующим образом, «философская наука о праве имеет своим предметом идею права — понятие права и его осуществление»¹. Задача философии права состоит в том, чтобы постигнуть мысли, лежащие в основе права. А это возможно лишь с помощью правильного мышления, философского познания права. Гегелевская трактовка предмета философии права обусловлена уже его философскими идеями о тождестве мышления и бытия, разумного и действительного. Отсюда и его определение задачи философии, в том числе и философии права,— «постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум»².

Гегелевское понимание предмета и задач философии права резко противостояло и прежним естественноправовым концепциям права и закона, и антирационалистической критике естественного права (Гуго и представители исторической школы права) и рационалистическим подходам к праву с позиции долженствования

Восходящее, соответственно к Гуго и к Гегелю, два подхода к вопросу об определении дисциплинарного характера философии права в качестве юридической или философской науки получили свое дальнейшее развитие в философско-правовых исследованиях XIX—XX вв. Как сами философские учения непосредственно, так

¹ Гегель. Философия права.— М., 1990.— С. 59.

² Там же.— С. 55.

и соответствующие философские трактовки права оказали и продолжают оказывать заметное влияние на всю юридическую науку и на развиваемые в ее рамках философско-правовые подходы и концепции. Но и юриспруденция, юридико-теоретические положения о праве, проблемах его становления, совершенствования и развития оказывают большое воздействие на философские исследования правовой тематики. Таким взаимовлиянием и взаимодействиям философии и юриспруденции в той или иной мере отмечены все философские подходы к праву — независимо от их принадлежности к системе юридических наук или к философии. И хотя со второй половины XIX в. и в XX в. философия права по преимуществу стала разрабатываться как юридическая дисциплина и преподаваться в основном на юридических факультетах, однако ее развитие всегда было и остается тесно связанной с философской мыслью.

В философии права как особой философской дисциплине (наряду с такими особенными философскими дисциплинами, как философия природы, философия религии, философия морали и т.д.) познавательный интерес и исследовательское внимание сосредоточены в основном на философской стороне дела, на демонстрации познавательных возможностей и эвристического потенциала определенной философской концепции в особой сфере права. Существенное значение при этом придается содержательной конкретизации соответствующей концепции применительно к особенностям данного объекта (права), его осмыслению, объяснению и освоению в понятийном языке данной концепции, в русле ее методологии и аксиологии.

В концепциях же философии права, разработанных с позиции юриспруденции, при всех их различиях, как правило, доминируют правовые мотивы, направления и ориентиры исследования. Нередко при этом в поле философского анализа оказываются и более конкретные вопросы традиционной юриспруденции. Но главное, разумеется, не в том или ином наборе тем и проблем, а в существе их осмысления и толкования с позиции предмета философии права, в русле его развертывания и конкретизации в общем контексте современной философской и правовой мысли.

1.2. *Философские проблемы права*

Вначале — некоторые предварительные замечания. Вопрос о том, что представляет собой философия права — это тема, которая без всяких, по-видимому, пространных объяснений может быть обозначена как вполне актуальная. Общим местом обоснования этой актуальности является то, положение, что кардинальные демократические преобразования общества, поддержание в нем гражданского мира, согласия, общественного спокойствия и дальнейшее его процветание люди все чаще связывают не только с экономическими реформами, но и с правом, с правовым государством, с правосудием, с правами человека.

Понятно, что каждая из научных дисциплин, будь то юриспруденция или философия, историческая наука или культурология, социология или психология, избирающих право и правосознание объектом своего внимания, разрабатывает соответствующий круг проблем, используя подходящие ее теоретическому профилю приемы и средства описания правосознания, методы его анализа и объяснения. Философский подход к праву, в рамках которого оно трактуется как определенная форма социокультурной организации и регулирования общественных и межличностных отношений людей, имеет свою специфику. Он предполагает, разумеется, использование результатов специальных научных исследований. Однако здесь авансцену занимают вопросы, которые в принципе находятся вне компетенции конкретных социальных дисциплин. Они касаются соотношения права, как общественного института, с другими социальными институтами, его смыслового ядра, структуры и уровней, его связей с другими формами социального регулирования и общественного сознания, каналов влияния на общественную практику и т. д.

Уместно согласиться с тем, что «различные культуры в силу специфических условий своего исторического развития выработали свои собственные, только им присущие идеи, касающиеся социального устройства. Каждая культура создает свои собственные ценности»¹. Все это непосредственно относится и к проблемам

¹ *Сурья П. Синха.* Юриспруденция. Философия права.— М.: Академия, 1996.— С. 85.

правового устройства социальных порядков разных обществ. Таким образом, философский подход призван выделить интегральные черты и закономерности, *специфическую логику развития правовой реальности*, правосознания, правовой культуры, которые отражают и выражают универсальные моменты, проявляющиеся в пестроте и разнообразии этих феноменов общественного бытия.

Свойственную философскому знанию ориентацию на осмысление комплекса кардинальных проблем права как такового, права как института дополняют уникальные объяснительные возможности философии. Благодаря этому она становится способной весь совокупный всемирно-исторический опыт существования права и с высоты этого опыта оценивать и судить о различных конкретных типах и видах права, о его фундаментальных онтологических основаниях и т. д. Как пишет, например, в своем учебном пособии Ю. Е. Пермяков, задача философии — это «поиск смысла всех правовых явлений»¹.

Философию применительно к праву интересуют не способы «изготовления» людьми тех или иных «полезных продуктов» в виде правовых норм, законов и т. п. (хотя, например, с точки зрения философии языка, эвристики, эпистемологии, герменевтики это, видимо, весьма интересно, полезно и поучительно). Предмет ее интереса — совокупность условий, придающих «продукту» правовой культуры, правовой деятельности (правотворческой, правопонимающей и правоприменительной) определенную *общественную* форму. Другими словами, ее интересуют вопросы, при каких условиях нечто становится правом или элементом права. Отсюда следует, что резонно как обращение правосознания к философии, так и философское, теоретико-методологическое и мировоззренческое рассмотрение основоположений права.

О предметной области философии права. Давайте вернемся к той части нашей учебной книги, где, рассматривая предмет философии «вообще» в контексте обсуждавшейся нами проблемы определения социальной философии. Мы говорили о том, что философия занимается постижением *сущности бытия* (или сущностей различных составляющих его предметов, состояний, процессов,

¹ См.: Пермяков Ю. Е. Лекции по философии права.— Самара: Изд. «Самарский университет», 1995.— С. 5.

уровней и т. д.), познанием сущности человеческого отношения к миру и сущностного места человека в нем.

Мы также высказывались о том, что философия есть *духовная* форма преодоления человеком своей собственной конечности. Причем это преодоление и выход человека «к другому» — то есть в область внешнего ему мира, социальных и прочих отношений,— осуществляется уникальным, только человеку присущим образом — посредством Слова.

Применяя эти рассуждения к вопросу о философии права, мы так же, как и в случае с социальной философией, считаем, что философия права есть такая составная часть философского знания, которая позволяет человеку, во-первых, преодолеть его «конечность» в правовой реальности и ее постижении посредством некоего «слова о праве», а во-вторых, «заглянуть *за...*» внешние впечатления от этой правовой действительности и ее познания, постичь их сущность.

Мы будем в основном делать упор на то, что философия права исследует право как *духовное образование*. В этом смысле мы в определенной мере воспринимаем как некую «парадигму» ту точку зрения, которую принимаем, и согласно которой «философия, права, как и философия культуры, философия религии или философия языка, не содержит в себе знание о противостоящей человеку реальности, но понимает эту реальность как состояние духовной жизни человека»¹.

Философия права занимается исключительно проблемами социального и индивидуализированного человеческого бытия. Естественно, схема весьма упрощает существо многоаспектных отношений различных сфер социального и индивидуального бытия. Более того, если исходить из принятой нами позиции истолкования права как духовного образования, становится очевидной ограниченность такой трактовки права и философствований о нем, которые связывают этот феномен исключительно с социальным и индивидуальным миром человеческого бытия. Мы с необходимостью должны принять тогда и то, что сфера права имеет отношение и к бытию человеческого духа.

В контексте сказанного уже будет совершенно неуместно просто по аналогии с общепринятым в учебной литературе определением

¹ *Пермяков Ю. Е.* Лекции по философии права.— С. 7.

философии как науки «о наиболее общих законах развития природы, общества и познания» или похожим на него определением полагать, что и философии права «на роду написано» быть некой наукой о «наиболее общих законах функционирования, развития правовой реальности и ее познания». Это суждение не может быть принято как справедливое, ибо оно не исчерпывает всех тонкостей и требует дополнительных разъяснений. Другими словами, размещая философию права в системе философского знания, не следует априорным способом определять ее предмет, исходя пусть даже и из общепринятого в некотором наборе литературы определения философии.

Философия права, как и всякая научная дисциплина, «может строиться в двух науковедческих плоскостях (уровнях) и соответственно выступать в одном их двух качеств:

— в качестве исконно философской дисциплины, рассматривающей право под углом зрения определенной универсальной философской системы или историко-философских разработок;

— в качестве интегрированной философско-правовой области знаний, когда на основе определенной суммы философских идей осуществляется научная проработка правового материала¹.

Однако помимо того, что философия права имеет непосредственное отношение к структуре собственно философского знания, ряд современных, в том числе и казахстанских, авторов включают ее в область правовой культуры, составляющей основу *сферы права*.

Нужна ли философия права?

Это — далеко не праздный и беспочвенный вопрос. Что в итоге все это означает — «философия права»? Зачем философствовать о праве, не будет ли это очередным «покровом майи»? Не будет ли это затуманиванием той самой сущности, да и мозгов здравомыслящих и без всякой философии права людей, — тем более что в истории юриспруденции сложилось немало отраслей, которые, как, например, история государства и права, аналитическая юриспруденция, социология права, позволяют достаточно уверенно говорить хотя бы в первом или каком-то там еще «приближении» о правовой действительности, способах ее отражения в головах

¹ *Алексеев С. С.* Философия права.— М.: Изд. НОРМА, 1997.— С. 2.

людей, следовательно, и о «сущностях» этой действительности, права и т.д.? В конце концов,— имеет ли смысл философствовать о праве, если даже некоторые из современных философов считают, что философию права нет совершенно никакой нужды реанимировать?

С этими и тому подобными вопросами дискутировать можно очень долго, до бесконечности. Действительно, есть аналитическая юриспруденция, которую Ганс Кельзен именовал «чистым учением о праве», а Карл Гербер называл «юриспруденцией понятий», и которая имеет основной целью выявить автономность права по отношению к природе и социальной действительности, обнаружить логическую непоследовательность и иные недостатки правовых систем, высветить и понять «фундаментальное противоречие — противоречие между *сущим* и *должным* в поведении человека с точки зрения права» (Кельзен) и т.д. Есть и правовая социология, представляющая анализ фактов и факторов общественной жизни — политических, экономических, психологических, житейских,— судебной практики (например, прецедентное право судопроизводства США) и прочего, что влияет на содержание, динамику права, правовых институтов. И, конечно же, есть сама Ее Величество Юриспруденция со всем «двором» принцев, принцесс, служителей, чад и домочадцев в лице своих непосредственно или отдаленно-родственных отраслей.

Бесспорность этих очевидностей внешне столь убедительна, что не остается ничего, кроме как сказать: да, философы должны еще доказать, что и они вроде бы как-то небесполезны. Значит, есть-таки смысл в том, чтобы обсудить эти вопросы.

Во-первых, ни сама аналитическая юриспруденция, ни социология права не станут отрицать своего происхождения из философии, из проблем философического характера. И тот факт, что, став самостоятельными, эти «дети» столь неблагодарны по отношению к своей «матери», не только может вызвать праведный гнев окружающих — не в нем дело, да и толку от него нет,— он не отменяет их по-прежнему кровной нужды в философической подпитке. Где, как не в школе философии научились они премудрому оперированию логико-гносеологическими приемами, общему методологическому подходу?

Во-вторых, чем является это самое «заглядывание за» право, правопорядок, правоотношение, правопонимание, правосознание? Постижением не только их сущностей, но и их *смысла* в социокультурном, социально-историческом, шире — онтологическом планах. Русский философ права И. А. Ильин писал: «Право говорит на языке сознания и обращается к сознательным существам...», оно «утверждает и отрицает..., формулирует и требует», «позволяет», «предписывает» и «воспрещает» *сознательным, мыслящим* существам, будучи ими же, таковыми существами, создано¹. Язык же, на котором «говорит» право, — язык рационально организованный.

Поэтому философия права (которая, несмотря на суждения о ее ненужности, все еще есть) предстает не просто одним из воплощений «рационалистической философии», исследующей некий мистический туман «ментальных потоков», но формой познания, стремящейся постичь этот язык права и интерпретировать его в языке смыслов, имеющих социокультурное значение.

Заглядывая в это самое «за...» права, философия права есть попытка постичь эти смыслы в Слове, найти это Слово (выраженное, конечно же, не одним каким-то особенным словом-термином, возможно даже не одним словосочетанием), адекватное сущности, смыслу, природе, наконец, скажем — самой *Идее Права*. Этот путь не смогут пройти самостоятельно ни аналитическая юриспруденция, ни юридическая социология, ни эпистемология права — они всегда будут нуждаться на этом пути в помочах философии (если угодно, — метафизики).

Факт, что юриспруденция, история государства и права, общая гражданская историография и многие другие гуманитарные науки «имеют что сказать» о праве — неоспорим. Тем не менее, существует все-таки еще пока не упраздненная критическим или декретирующим мышлением философия права. Отчего? зачем? почему? — вот в чем вопросы.

Опять сошлемся на мнение И. А. Ильина: «Право и правосознание начинаются и кончаются там, где начинается и кончается вопрос: *«а что на самом деле имеет правовое значение и в чем оно?»*»

¹ *Ильин И. А. Учение о правосознании // Ильин И. А. Родина и мы.* — Смоленск: Изд. «Посох», 1995. — С. 257.

Разделяя такую постановку проблемы, мы должны признать, что философия права может быть потому главным образом и есть, что она в единственном своем лице все еще обращается к этому вопросу, обрекая себя на какое-то «вечное возвращение» к этому «проклятому месту», пункту. Ибо каждый раз, как только мы сами или с помощью чьей-то очень умной теории отвечаем на него, тут же если уж не наш современник, так какой-нибудь следующий за нами вновь ставит его в полный рост.

Это как с идеей, заложенной в известной второй теореме Гёделя, гласящей, что система утверждений, концепция не может быть признана истинной с точки зрения ее самой, изнутри ее — нужен обязательно выход во вне, в другую систему утверждений и аргументации. Так и здесь: сама юриспруденция со всеми своими отраслями и усилением со стороны исторических и культурологических исследований не может дать до конца убедительный, единственно-истинный ответ на вопрос о смысле права, его «идее» и тому подобное.

Несколько общих примеров оценки роли и значения философии права.

Совершенно справедливо, что «организовать мирное и справедливое сожительство людей на земле есть задача права и правосознания»¹, но они, эти право и правосознание, должны *взглянуть на себя «со стороны» и понять себя, свои предельные, онтологические, основания*. Если воспользоваться аналогией с размышлениями о предмете социальной философии другого известного философа, то не будет большим грехом распространить их и на понимание того, чем занимается философия права,— а именно ответом на вопросы: *какова истинная природа права? какова его бытийственная, онтологическая, укорененность? какой смысл имеет право в общественной и индивидуальной жизни людей? каково отношение правовых ценностей к последним ценностным основаниям нашей жизни?*²

Итак, назначение и роль философствований о праве могут быть сформулированы таким образом:

¹ Ильин И. А. Учение о правосознании.— С. 252.

² Имеется в виду С. Л. Франк. См.: Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию.— М.: Республика, 1992.— С. 15—17.

— благодаря им исследуются смысл и онтологическая упорядоченность права, его идея и духовные основы, сущность правосознания (это может пониматься как исследование «творческой воли к цели права» и предметное познание этой цели, которое укрепляет жизненную волю к ней);

— философствования о праве позволяют осуществлять теоретико-методологический анализ содержания и проблем юридических наук¹.

В конечном счете, если исходить из понятия философии как любви к мудрости, то можно, наверное, и о философии права говорить как о «любви к мудрости права».

Применительно к современным публикациям по философии права, которые в последние годы наконец-то появились в нескольких вариантах, можно уже говорить о наличии нескольких различных позиций по вопросу о предмете и задачах этой отрасли философского знания.

Так, например В. С. Нерсесянц говорит о том, что *проблема различения и соотношение права и закона* «имеет определяющее значение для любого теоретически последовательного правопонимания и обозначает предметную область философии права»². Другой автор, Ю. В. Тихонравов, особо подчеркивая, пишет, что *«философия права есть учение о смысле права, то есть о том, в результате каких универсальных причин и ради каких универсальных целей человек устанавливает право»*³.

Мы уже говорили о том, что разделяем ту точку зрения, которая рассматривает право как феномен, духовный по своей природе и онтологической укорененности. В полной мере данный вопрос принадлежит как раз философии права, в рамках которой и делается возможным говорить об Идее Права. Как пишет, например, тот же Ю. В. Тихонравов, «говоря об идее права, мы говорим об идее идеи, так как право само по себе обладает идеальной сущностью. Право целиком, находится в сфере духа — вне духа ничего похожего на право не существует».

¹ Об этом писал, в частности, и цитировавшийся уже неоднократно нами И.Ильин. См.: *Ильин И.А. Учение о правосознании.*— С. 255.

² *Нерсесянц В.С. Философия права.* — М.: Изд. группа ИНФРА•М – НОРМА, 1997.— С. 9.

³ *Тихонравов Ю.В. Основы философии права.*— М.: Изд. «Вестник», 1997.— С. 46.

Дух есть не что иное, как система таких оснований человеческой активности, которые не могут быть выведены из чистого опыта. В этом смысле право есть, несомненно, момент духа, поскольку оно, хотя и связано с опытом больше, нежели все иные человеческие установления, ни при каких обстоятельствах не может быть выведено из чистого опыта, но всегда есть совершаемое под давлением... опыта преобразование чисто духовных, сугубо внутренних оснований человеческой активности»¹.

Можно сколько угодно и как угодно оспаривать или критиковать данную позицию. Но простому сбрасыванию со счетов она, как думается, не поддается. Ведь право по существу предписывает и ограничивает внешние поступки людей (об этом мы скажем еще раз чуть позже), т.е. право определяет лишь внешний порядок жизни. Но оно предполагает в каждом человеке наличие соответствующих, вполне определенных душевных состояний. И пока что противоположное не доказано. Значит, в тех случаях, когда внешний порядок поступков и жизнедеятельности людей оторван от внутренних состояний духа, начинается вырождение права, ведущее, в конечном счете, к унижению человека и гибели его духа.

Какой же философии права, поскольку попыток ее построения было достаточно много, следует придерживаться? Боюсь, что не смогу дать однозначного ответа или совета на сей счет. Когда-то очень давно философ-мистик Эммануил Сведенборг написал: «Все в мире наполнен Богом, и каждый берет себе в меру из этого изобилия».

К чему это приведено? К тому, что каждый в меру своих *собственных* притязаний и способностей, в силу своих собственных убеждений и исповедуемых ценностей может выбрать ту философско-правовую традицию, которой намерен следовать. В этой полифонии мнений нет и не будет чего-то предосудительного, вопрос лишь в том, *что* выбрать.

Как известно, символ правосудия — Фемиды с завязанными глазами. Но может ли *истина* быть постигнута с завязанными глазами? Отрицательный ответ очевиден. Разобраться же с тем, какой традиции придерживаться, можно лишь одним путем — посредством систематического рассмотрения традиций в их истории.

¹ Там же.— С. 51.

Фридрих Ницше как-то давно заметил, что ничему, имеющему историю, нельзя дать определения. Не поспешили ли мы с определением философии права? По-видимому, нам придется обращаться к ее истории, чтобы понять, не совершили ли мы ошибочной поспешности. Зачем еще пытаться вглядываться в историю философии права и правосознания? Затем, *чтобы понять настоящее через традицию*, понять природу современного состояния и найти, если необходимо, выход из него.

Английский историк права Г. Дж. Берман пишет: «Никак не поддается научному доказательству тот факт, что мы находимся в конце определенной эры. Человек это либо ощущает, либо нет. Человек интуитивно знает, когда старые образы... теряют смысл. Мир окончен, когда умерла его метафора»¹.

Остается лишь добавить, что «мир философии права» весьма далек от своей кончины. Метафора Большого Мира не умерла, поэтому рано говорить о бесполезности философии права. Наоборот, факт ее забвения, ранними или поздними современниками которого мы являемся (а некоторые, видимо, вспомнят и свое «посильное участие» в этом деле), способствовал забвению и самих принципов правового общества.

«Метафора», как говорят словари, есть «инословие», *иное слово о* познаваемом предмете. Какое оно, это «слово» философии о смысле и сущности права, какова философическая метафора права — в этом состоит назначение дескриптивной («описательной»), познавательной-эвристической и критической функции философии права, ее концептуально-теоретической и исторической частей.

Впрочем, здесь необходимо сделать одно очень существенное уточняющее дополнение. Оно касается того, что мы, к сожалению, не ставили в данном очерке задачу освещения тех или иных этапов истории философии права. Хотя, например, известный философ и культуролог М. М. Бахтин подчеркивал: «Всякий, действительно существенный, шаг вперед сопровождается возвратом к началу..., точнее к обновлению начала. Идти вперед может только память, а не забвение». Несмотря на благоговейное отношение к истории философии вообще и к истории философии права, в частности, и

¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования.— М.: Изд. МГУ, 1994.— С. 15.

к тому, что их богатство намного превосходит любую современную работу по масштабам и творческой силе, все же, тем не менее, самое опасное на пути увлеченности историей философии или историей философско-правовых взглядов — эпигонство, которое грозит всегда запретом пойти собственным путем. Генрих Риккерт говорил, что философия никогда не должна растворяться в истории. Поэтому, помня о значении исторических экскурсов и полноты обзоров истории философского знания, мы все-таки не будем касаться истории философско-правовых взглядов¹.

Несколько слов о праве в контексте философствований о нем. Известно, что существует множество определений того, что понимать под правом. Здесь нет необходимости обсуждать и давать им оценку с точки зрения «правильности», «приемлемости», «полноты» и т. п. Не будем обсуждать здесь и вопроса о происхождении права, хотя бы потому, что предполагается, что человек, читающий эти строки, уже знаком с взглядами на социально-историческую природу права и, например, на ту роль, которую сыграли в его становлении возникновение частной собственности, автономизация личности, различные запреты, табу, дозволения и обязанности и прочие культурно-цивилизационные моменты.

Говоря так, уместно указать и на то, что в данном контексте источниками права следует рассматривать не его историю или системность, доктринальные основания или обычаи, но его «соци-

¹ Те, кто желает это сделать, могут самостоятельно обратиться к таким работам, например: *Алексеев С.С.* Философия права.— М.: НОРМА, 1997.— 336 с.; *Баскин Ю.Я.* Очерки философии права.— Сыктывкар, 1996.— 55 с.; *Керимов Д.А.* Философские основания политико-правовых исследований.— М.: Мысль, 1986.— 332 с.; *Керимов Д.А.* Основы философии права.— М.: Наука, 1992; *Малинова И.П.* Философия права (от метафизики к герменевтике).— Екатеринбург: Изд. Урал. юр. академии, 1995.— 128 с.; *Нерсесянц В.С.* Философия права.— М.: Изд. гр. ИНФРА•М-НОРМА, 1997.— 652 с.; *Новгородцев П.И.* Лекции по истории философии права // *Новгородцев П.И.* Сочинения.— М.: Раритет, 1995.— С. 15 — 234; *Пермяков Ю.Е.* Лекции по философии права.— Самара: Издательство «Самарский ун-т», 1995.— 120 с.; *Сурия П. Синха.* Юриспруденция. Философия права.— М.: Академия, 1996.— 304 с.; *Тихонравов Ю.В.* Основы философии права.— М.: Изд. Вестник, 1997.— 608 с.; *Четвернин В.А.* Современные концепции естественного права.— М.: Наука, 1988.— 144 с. и т. д. Остается сожалеть, что давно не издаются ставшие библиографической редкостью сочинения известных профессоров права конца XIX — начала XX столетий — *Н.М. Коркунова, П.Г. Редкина, Г.Ф. Шершеневича* и других.

альное», в том числе — с точки зрения, например, известной марксистской обществоведческой теории в первую очередь — «материальное» («экономическое») бытие.

В целом, иначе говоря, следует искать и рассматривать природу права в контексте социальной природы человека, где последнее играет роль институционального нормативно-регулятивного образования, значимого как для общественной, так и для индивидуальной жизни в качестве, например, мерила человеческой свободы¹. Как пишет, например, С.С. Алексеев, право появляется как регулятор социальной стабильности, «развернутый» на свободу человека, его права (возможности), и само название **этого** регулятива свидетельствует о его развернутости на «ты можешь»².

Вот этот момент представляется весьма интересным с точки зрения смысла последнего словосочетания. Выдающийся современный философ М.К. Мамардашвили, разбирая известнейшее суждение Декарта «*Cogito, ergo sum*» («Мыслю, следовательно существую»), размышлял о том, что может означать это самое «существую»³. Оно, по его мнению, означает: «могу» — могу создать мир, в котором я, человек, могу нечто «мочь», т.е. создать мир, достойный меня, моего существования и моего представления, мысли об этом достойном моего высокого назначения существовании.

Таким образом, право, «дозволяя» определенное поведение и действие индивида, подчеркивает этим его «я могу» активное-деятельное человеческое начало, не нуждающееся в каких-либо ограничениях, кроме принятой в этом обществе системы морально-этических и законодательно признанных норм-регулятивов.

И.А. Ильин, которого мы уже упоминали, писал: «Правовая норма по самому существу своему сочетает всегда два более или

¹ На сей счет прежде всего следует посмотреть, например, работы самых, пожалуй, авторитетных российских авторов, пишущих по философии права, — С.С. Алексеева и В.С. Нерсесянца, а также таких известных казахстанских ученых, как М.Т. Баймаханов, А.К. Котов, Г.С. Сапаргалиев, Г.Г. Акмамбетов, А.А. Матюхин и других.

² Алексеев С.С. Теория права.— М.: Изд. БЕК, 1994.— С. 44. Древние, правда, говорили: «Право — это еще не возможность». Однако точка зрения профессора С.С. Алексеева заслуживает внимания в контексте того, о чем речь пойдет далее, сразу же вслед за приведенной в основном тексте цитатой.

³ См.: Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию.— М.: Прогресс, 1990; Мамардашвили М.К. Картезианские размышления.— М.: Прогресс, 1993.

менее сложных понятия: предписанного, дозволенного или воспрещенного поведения и понятие человеческого субъекта, образ действия которого этим регулируется. Отсюда необходимость предметного логического и нормативного рассмотрения права»¹.

Итак, мы имеем два ключевых понятия, составляющих содержательную сердцевину всякой правовой нормы — *поведение (действие, поступок)* и *человек (субъект)*. И, как представляется, совершенно неважно, какую философско-правовую или социокультурную модель права — этическую, игровую, мифологическую, рациональную и так далее — исповедует или разделяет тот или иной мыслитель, исследователь, специалист. Важно лишь то, что во всех случаях имеют значение два первостепеннейших момента — человек и его поступок.

Принципиальная особенность права в том, что оно может устанавливать только самые общие правила. И это понятно, поскольку, займись законодатель выработкой единичных, частных императивов на каждый случай жизни, он оказался бы не в состоянии зафиксировать в них все разнообразие этой жизни — уникальность человеческих индивидов.

Право опирается на духовную самостоятельность субъекта, ориентируется на его самостоятельность. Оно призвано оградить автономию человека и вместе с тем реализуется организованной и уполномоченной властью. Оно не может обойтись без суда, принуждения и наказания, оно требует повиновения и заставляет людей покоряться.

От этих положений философия права не отказывается, ибо в них зафиксированы моменты реального положения дел. Но столь же реальным положением воспринимается философией права и выводится в ней в качестве одного из принципиальных постулатов идея о том, что право по глубинной своей природе представляет явление человеческого духа, взыскующего упорядоченности и связности социальной жизни».

Поэтому право, как феномен, направленный на установление и регулирование такой упорядоченности и связности, представляет собой также и явление духовной солидарности, позволяющее осуществить связь человека с человеком. В пользу такого рассу-

¹ Ильин И. А. Учение о правосознании. — С. 259.

ждения говорит еще и то известное во многих работах по философии права, написанных в уже далеком прошлом, прежде всего у Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, Н.М. Коркунова, в особенности, например, у И.А. Ильина и С.Л. Франка, положение о том, что решающую роль в формировании духовной природы права играет *человеческая воля*. Как пишет Эдвард Геллнер, «в мире, где отсутствует вера в трансцендентную природу ценностей, человеческая воля представляется естественным, а может быть и единственным убедительным основанием, обеспечивающим легитимность социальной действительности»¹.

Утверждение принципа господства права предполагает законодательное признание, закрепление и защиту всех юридически значимых аспектов свободы человека как духовной личности, как свободного, независимого и автономного субъекта во всех сферах общественной жизни — правовой, моральной, нравственной, эстетической, религиозной и т.д. Этот принцип, как известно, является основополагающим в юридических, политологических и философских теориях о правовом государстве и гражданском обществе, наряду с принципом безусловного признания приоритета прав человека и принципом разделения властей.

Мы не ставили себе целью специально рассматривать вопрос о природе правового государства и его значении для цивилизации, поскольку, несмотря на значимость, анализ этой проблемы, во-первых, мог бы отодвинуть в сторону предмет нашего основного внимания в этом очерке, во-вторых, эта проблема требует вполне самостоятельного рассмотрения. Например, указание только на эволюцию современных взглядов обязывало бы рассматривать, скажем, теорию правового государства в связи с теорией «цивилизма» (В.С. Нерсисянц и его школа) или в связи с теорией «социального государства» (Е.А. Лукашева, С.С. Алексеев, Ю.В. Тихонравов и многие другие), а это — совершенно особенная проблематика.

Остается только надеяться на то, что хотя бы в неявной форме мы все-таки смогли наметить выход на проблему правового государства, поскольку вне решения вопросов о путях и средствах формирования зрелого нормального правосознания никакой речи о правовом государстве или гражданском обществе быть не может.

¹ Геллнер Э. Условия свободы.— М.: Изд. «Академия», 1995.— С. 189.

«Право и правосознание начинаются и кончаются там, где начинается и кончается вопрос: «а что на самом деле имеет правовое значение и в чем оно?» Судья, чиновник, адвокат и гражданин,— если они не ставят этого вопроса и не добиваются его предметного разрешения,— не живут правом и не творят права... Они довольствуются суррогатами права и фальсифицируют его. Тот, кто пользуется бестолковостью судьи, продажностью чиновника, «гибкостью» адвоката или безграмотностью соседа для того, чтобы осуществить свой неправомерный интерес, выдавая неправое за *право*,— тот мыслит и действует как софист низшего разбора, полагая, что «истина есть то, в чем я сумею убедить других». Он работает над вырождением и деградацией общей жизни»¹.

Сегодня все говорят о необходимости подъема правовой культуры, развитии правосознания. Но в первую очередь важно понять, что есть насущная необходимость того, чтобы утверждение во всех сферах общества, прежде всего в экономике, государственной жизни, строжайшей правозаконности, верховенства, правления права стало первоочередной, значительно опережающей все другие задачей, требующей незамедлительного, полного и последовательного решения.

Право и правосознание являются инструментом и прямым выражением социального прогресса, его гарантом, так как они непосредственно влияют на такие важнейшие характеристики социального прогресса, как организованность общественной жизни и глубина свободы в обществе. К этому следует добавить, что право и правосознание являются воплощением таких высших достижений цивилизации, как Свобода, Гуманизм, Культура, являясь одновременно олицетворенным гарантом свободы автономной личности, прав человека².

Право нормативно объективирует и реализует требования цивилизации. Но оно также есть и явление культуры, так как оно отражает жизнь во всех ее многообразиях, причем жизнь в ее особом качественном состоянии, связанном с утверждением в обществе начал *личностной* свободы человека. Более того, быть может именно через право воплощается то главное, что заложено в предна-

¹ Ильин И.А. Учение о правосознании.— С. 268—269.

² См. об этом, например: Алексеев С.С. Теория права.— С. 129, 141.

значении культуры — потенциал накопленных духовных богатств, призванных и способных оградить и защитить человека от непреодолимых «демонических» сил природы и общества.

Культурный потенциал права, как полагает, например, С.С. Алексеев, коренится в особенностях правовой материи, в частности, в том, что эта материя воплощена в Слове (в устной речи и письменном тексте, а это — важнейший фундамент развития культуры, когда человеческий дух обретает свою действительность и действенность посредством слова). Кратко говоря, право, как мы его пытались представить в данной работе, есть важнейший элемент духовности, духовной культуры, имманентный ей настолько же, насколько человечеству присуще упорядочивание и организация своей общественной жизни.

«История человеческого рода раскрывается ... как процесс великого страдания и как процесс постепенного исцеления, и притом так, что именно страдания порождают исцеления...

Жизнь человечества всегда слагалась так, что восхождение к безусловным предметам осуществлялось только в духовном подъеме, и духовный подъем давался только в результате подлинных и великих страданий. Этот древний путь воспроизводится и в новой истории. И отсюда задача для новых поколений: *принять дарованные испытания: познать по-новому сущность права и государства и осуществить познанное — силой обновившегося правосознания, принявшего... великую тысячелетнюю традицию духовных исканий. Новый мир вернется к политической традиции Сократа и Аристотеля... Новый мир должен создать и создаст новое правосознание, покоящееся на любви к духу и на воле к безусловному благу. Это правосознание уже зарождается и зародилось, и задача всего человечества в том, чтобы не угасить вспыхнувшего огня, но поддержать его драгоценное пламя и зажечь им сердца»¹. Такими словами завершил свою большую работу о правосознании И. Ильин. В них — святая вера в то, что справедливое, праведное, следовательно — правовое состояние общества достижимо.*

Не будем судить обо всем «человечестве» — это слишком обширный субъект истории; выскажемся только о том, что приведенные слова вполне отражают задачи и надежды народов, населяю-

¹ Ильин И.А. Учение о правосознании.— С. 440.

щих наше Отечество, упования на то, что усилия новых поколений приведут общество к благополучию и процветанию. Без высокого уровня развитой правовой культуры, покоящейся на развитом правосознании этого состояния не достичь. При помощи этого аксиоматического для всех современных публикаций на данную тему суждением мы перейдем к завершению нашего очерка проблем философии права, ее роли и места в культуре.

Вместо заключения. Значение философии права состоит, в частности, еще и в том, что она — одна из немногих, если не единственная в этом роде, отраслей, которая «напоминает» и научает пониманию природы и смысла права, его идеи и социокультурного предназначения. В том числе, например, только благодаря ей, а также социальной философии, философии культуры и философии духа, мы с достаточной определенностью можем судить (как бы это парадоксально или «идеалистически» сейчас не прозвучало) о том, что вообще-то люди не выбирают, да и не могут выбирать по своей воле общества и общественные установления.

Человек рождается и живет в определенном обществе, среди определенных институтов и определенной культуры, которые он считает само собой разумеющимися, точно так же, как он не задумывается над тем, отчего он говорит прозой (даже если мы вольны переехать в другую страну, с другой системой культурных установлений, системы права и т.д., мы все равно воспринимаем их таковыми, каковы они есть). Люди являются в определенном смысле «продуктами» культуры. Они формируются внутри культуры, а культура всегда есть совокупность некоторых «пред — убеждений». Мы чрезвычайно легко можем выбирать себе место жительства, а тем самым культуру и институты, но они в самой последней своей инстанции есть скорее наша судьба, нежели предмет нашего «совершенно и абсолютно свободного» выбора. Сейчас, думается, как никогда особенно важна «гуманитарная мировоззренческая основа отстаиваемой теоретической концепции»¹, что свидетельствует о настоятельной необходимости философствований о праве.

Рискуя, что читатель этих строк осудит автора за многократное использование в тексте работы Ильина, мы, тем не менее, в качестве своеобразного ответа-комментария к поставленным прежде

¹ См.: *Алексеев С. С.* Теория права.— С. 3.

вопросам о назначении философии права приведем еще одно его высказывание. «Духовно-верное правосознание ... следует рассматривать как *один из факторов исторического процесса*, как *реально наличную силу*, еще не развернувшую, однако, свое действие во всем своем объеме... Это есть историческая сила, которая подлежит укреплению; будущее принадлежит ей больше, чем ей принадлежало прошедшее ... Жизненность и прочность государства определяется ... *уровнем народного правосознания; духовное здоровье и сила правосознания* есть главная основа государственной организации и огражденной ею национальной духовной культуры. Философия здесь, как везде, учит познанию того, что *благо есть реальная сила, уже данная* человеку как факт, как возможность большего и как предмет желания, и, в то же время, еще *заданная* человеку для познания и полного осуществления»¹. Видимо, лучше сказать что-либо сложно.

1.3. Правосознание: содержательный и функциональный анализ, аспекты с точки зрения социальной философии

Если анализировать понятие, структуру, функции правосознания, то в первую очередь надо обратиться, все-таки, к тому, что такое правопонимание. То есть попытаться определить, какой смысл мы вкладываем в ключевое, исходное понятие — в понятие «право». Поэтому всякая концепция правосознания в наиболее существенных своих аспектах оказывается в прямой зависимости от лежащей в ее фундаменте трактовки права.

Принципиально значимым моментом, на наш взгляд, является здесь вопрос о *природе права*. Мы склонны считать, что в своей онтологической, то есть, как говорят иногда философы, «бытийственной» укорененности, право по природе свое — образование духовное, оно есть результат определенного *духовного* усилия по формированию правил, норм поведения, которые упорядочивают общественную жизнь людей и их межличностные отношения.

В этом смысле мы разделяем точку зрения, которую, например, высказывал в свое время выдающийся русский правовед и философ И. А. Ильин: «Право говорит на языке сознания и обращает-

¹ Ильин И. А. Учение о правосознании.— С. 435.

ся к сознательным существам ... Самая *сущность*, самая *природа права* в том, что оно творится сознательными существами и для сознательных существ, *мыслящими субъектами и для мыслящих субъектов*»¹.

Подчеркивая эту глубочайшую духовно-онтологическую укорененность правосознания и его значимость, Ильин писал: «Человеку невозможно не иметь правосознание; его имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди. Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием, или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством..., ибо оно остается всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни. Оно живет в душе и тогда, когда еще отсутствует положительное право, когда нет еще ни «закона», ни «обычая», когда никакой «авторитет» еще не высказался о «правом», верном поведении ... В основании его лежит все то же непосредственное убеждение в необходимости и возможности отличить «верное» и «допустимое» поведение от «неверного» и «недопустимого», и регулировать жизнь людей на основании этого общеобязательного критерия»².

Но это, так сказать, скорее с некоторой философско-правовой точки зрения. «Право при самой элементарной, строго юридической характеристике — это критерий «юридической правомерности», основание и свидетельство, своего рода социальный знак того, что каждый из нас *вправе* или *не вправе* что-то делать, как-то поступать. Еще по суждениям древнеримских юристов (определение Цельса), право, будучи наукой о добре и справедливости, призвано быть основанием для отличий дозволенного и недозволенного»³. С точки зрения общей теории права, тот, кому правом нечто дозволяется, предписывается, воспрещается, вменяется в обязанность, является не просто субъектом полномочий, обязанностей и запретностей. В более широком понимании такой человек является *субъектом права*⁴.

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания.— М.: Рарогъ, 1993.— С. 24.

² Там же.— С. 19—20.

³ Алексеев С. С. Философия права.— М.: Изд. НОРМА, 1997.— С. 4.

⁴ См. там же.

Своеобразие правовых отношений заключается, во-первых, в том, что их участники (индивиды, группы, общности, организации) связаны между собой системой *равных обоюдных предоставлений и получений*. В актах межчеловеческого обмена фигурируют вещи, духовные блага, услуги, информация, роли и т. д. Особенность общения и обмена в сфере права состоит в том, что в границах права его субъекты взаимодействуют как *равные* друг другу, хотя вне отношений права участники этого взаимодействия зачастую находятся далеко не в равном социальном, экономическом, классовом, имущественном, семейном положении.

Во-вторых, отношения права жестко диктуют обращение с контрагентами как со *свободными* существами. Права как такового, в его сущностном определении нет, когда игнорируется, ущемляется изъясляемая воля контрагента и ему чинятся препятствия в самостоятельном выборе собственной линии поведения.

Обязательный компонент права — ряд присущих участникам правовых отношений социальных качеств, которые формируются как результат их включенности в различные общественные связи: экономические, меж- и внутриэтнические, политические, демографические, профессиональные и др. Эти социальные качества суть притязания субъектов правоотношений, адресуемые, в конечном счете, обществу целому, государству. Субъекты правоотношений своим ближайшим интересом и предметом имеют ту долю материальных, духовных и прочих ценностей, присвоение (освоение) которой обеспечивает им возможность нормально жизнедействовать в условиях конкретной общественно-исторической среды.

Такого рода притязания являются выраженными в правовой форме общественными (групповыми, классовыми) потребностями и интересами. Их удовлетворение либо неудовлетворение равнозначно реализации или, соответственно, блокированию потребностей самого общества и составляющих его структур и индивидов. К тому же в классово дифференцированном обществе (а таковыми являются, по сути, все известные нам наличные социумы) отношения права и заключенные в них социальные притязания общественных субъектов несут на себе сильнейший отпечаток влияния государственности.

Аппарат государства с помощью официально признанных общеобязательных предписаний и норм регламентирует поведение тех, кто вступает в отношения права, стремясь упорядочить эти отношения и приспособить их к нуждам господствующих в обществе социально-экономических, политических отношений, классов, слоев, групп; он строго контролирует процесс присвоения субъектами потребной им доли социальных ценностей.

Что отличает право, является его характерными чертами, признаками? Основные признаки права можно разделить на две группы. К *первой группе* относятся его так называемые *интегральные признаки*, «совокупные системные качества», которыми общественное целое (социальная макросистема) наделяет право как свою органическую часть. К ним в литературе, как правило, относят следующие: способность права возникать и развиваться естественно-исторически¹; полиморфный характер его устройства, свойство нормативности, институциональность и т.д.

Однако, как пишет, например, Л.С. Мамут, специфику права определяет *вторая группа* признаков, к которым относятся:

— *равенство*, означающее то, что общественные субъекты выступают в отношениях права какой-то одной, но присущей им всем, социальной ипостасью и соизмеряются, соответственно, одной и той же равной для всех социальной мерой. «Правовое равенство — это равенство свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой норме, равной мере»²;

— *свобода*, которая как принцип и признак права означает не только возможность для каждого участника правоотношений выражать свою волю и проводить свою линию поведения. Она есть выражение необходимого момента достигнутого обществом уровня социально-исторической свободы.

Например, В.С. Нерсесянц по этому поводу указывает, что ценность права как раз в том и состоит, что оно обозначает сферу, гра-

¹ В. С. Нерсесянц, например, указывает: «Право исторично. Этот историзм относится как к бытию права, так и к формам его проявлений. Право опосредовано социально-историческим опытом, и в этом смысле оно апостериорно, а не априорно». — *Нерсесянц В.С.* Философия права. Учебник для вузов. — М.: Изд. группа ИНФРА • М – НОРМА, 1997. — С. 40.

² Там же. — С. 17.

ницы и структуру свободы, выступает как ее мера, форма, норма, получающая благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту. Право, как неоднократно в различных своих, особенно последних, публикациях повторяет Нерсесянц, есть «*математика свободы*». «Какой-либо другой формы бытия и выражения свободы в общественной жизни людей, кроме правовой, человечество до сих пор еще не изобрело. Да это невозможно ни логически, ни практически ... *Люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы*... Так называемая «свобода» без равенства — это идеология элитарных привилегий, а так называемое «равенство» без свободы — идеология рабов и угнетенных масс»¹. В другой статье он подчеркивает, что «свобода, собственность и т. д. возможны лишь в правовой форме, ...исторический прогресс — по сути правовой прогресс...»².

Другой известный специалист, С.С. Алексеев, например, пишет так: «... во всех своих значениях термин «право» выражает нечто общее в ряду различных социальных явлений, а именно социально обоснованную меру свободы»³. Разумеется, об этом правильно писали и другие авторы, подчеркивая, например, что «ценность ... свободы как признака права абсолютна, но сама свобода относительна, она закономерно зависима от уровня развития культуры ... общества, поэтому на разных его этапах содержание свободы неодинаково (как и справедливости, равенства и т. п.)»⁴;

— ***справедливость***, понимаемая как эквивалентность и сбалансированность тех взаимных предоставлений и получений, которыми обмениваются между собой участники правоотношений;

— ***притязательно-обязательный характер*** норм деятельности, реализующей отношения права. Это является не переменным специфическим признаком права, поскольку общественные субъекты связаны обширной системой взаимозависимых правил поведения, с одной стороны,— поведения возможного, а с другой стороны — поведения должного. Этот признак достаточно точно

¹ Нерсесянц В. С. Философия права.— С. 24—25.

² Теория государства и права / Под ред. проф. Г. Н. Манова.— М.: Изд. БЕК, 1995.— С. 316.

³ Алексеев С. С. Теория права.— М.: Изд. БЕК, 1994.— С. 124.

⁴ Хутыз М. Х. Сергейко П. Н. Энциклопедия права.— М.: Изд. «Былина», 1995.— С. 17.

выражает формула: существует неразрывное единство взаимных прав и обязанностей¹. В этом смысле нельзя не обратить внимания на то, что выделено, например, академиком М. Т. Баймахановым: «... сердцевину нормативного суждения составляет указание того поведения, которое предписывается участникам общественных отношений»².

Только взятые в совокупности, все признаки второй группы отличают право и выделяют его из всех прочих социальных явлений. По всей вероятности, именно все эти признаки в их совокупности и составляют ту субстанцию, которую К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» называл «правовой природой вещей»³, и которая выражается в законах, устанавливаемых государством. Впрочем, как верно, на наш взгляд, указывали достаточно давно С. Н. Мареев и В. И. Мурашов, задача теории права состоит вовсе не в том, «чтобы при ответе на поставленный вопрос сослаться на закон, а в том, чтобы указать критерий, лежащий в основании правового вообще и всеобщего понятия права, в частности, абстрагируясь от закона, поскольку последний есть лишь общезначимое, теоретическое выражение права, его наиболее развитая модификация, но не субстанциальное основание субъекта права и правового (правомерного) вообще ... Закон — лишь всеобщий эквивалент права, но не его субстанция». И здесь, как очевидно, теория права выходит на сугубо философскую и социокультурную проблематику.

Как можно определить само понятие «правосознание»? Как и другие формы общественного сознания, правосознание вырабатывается, создается, «производится» общественными субъектами, взаимодействующими, общающимися друг с другом в сфере отношений права, в процессе правовой деятельности, правотворчества, обмена результатами («продуктами») правопонимания и истолкования права⁴.

¹ Об этом, а также о более развернутой точке зрения на указанные особенные признаки права см.: Общественное сознание и его формы.— М.: Политиздат, 1986.— С. 111—113.

² См.: Материалистическая диалектика как методология.— Алматы: Наука, 1981.— С. 335.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1.— С. 122.

⁴ См., например: Материалистическая диалектика как методология.— С. 345.

И производство (порождение) правосознания, и отражение в сознании субъектов объективных характеристик права (правосознание) по своим механизмам, по «материализующимся» конечным результатам представляют собой один и тот же процесс, одну и ту же деятельность. Стремление удовлетворить определенные потребности посредством права вынуждает людей с помощью соответствующих операций, поступков, действий овладеть им, понять его природу.

Многочисленные, постоянно возобновляющиеся акты использования права приводят к тому, что человеческое сознание начинает исподволь выделять его объективные признаки, воспринимать и осмысливать их как родственно близкие, то есть подводить их под одно понятие. Узнаваемые и вычлняемые благодаря повседневному опыту, эти объективные признаки запечатлеваются и закрепляются в сознании общественных субъектов как образ права. Постепенно люди научаются эмпирически отличать правовую деятельность (а, стало быть, и само право) от иных видов социальной деятельности, от остальных социальных объектов. Затем наступает время, когда право обретает свое собственное наименование и словесное выражение. Как писал Маркс, «это словесное наименование лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно, что людям ... определенные внешние предметы служат для удовлетворения их потребностей»¹.

Так в ходе практически-деятельностного усвоения людьми особой формы, особого элемента социальной культуры, каковой выступает право, и возникает, складывается правосознание. Сознание, ориентированное на право, улавливает и схватывает его объективные характеристики не безотносительно к субъекту отражения, но именно в связи с ним. Ведь правосознание как отражение права есть по природе своей также и *отношение*. В связи с этим приведем еще одно суждение М. Т. Баймаханова: «Результаты отражающей деятельности правосознания перерабатываются в правовые отношения. В этом случае Энгельс говорит о «переводе экономических отношений в юридические принципы». Здесь на-

¹ См., например: Материалистическая диалектика как методология.— С. 345.

лицо качественный скачок в едином мыслительном процессе»¹. А всякое человеческое отношение есть, как это легко заметить, *действительная, живая жизнь*. Таким образом, «*право нуждается в правосознании для того, чтобы стать творческой жизненной силой: а правосознание нуждается в праве для того, чтобы приобрести предметную основу и объективную верность*». Более того, право должно быть не только осознано мыслью и проверено опытом, но и *признано волей человека*. «Признание права состоит в том, что человек, усмотрев с очевидностью его объективное содержание и его объективное значение, добровольно вменяет себе в обязанность соблюдение его правила и воспитывает в этом направлении не только свои сознательные решения, но и свои непосредственные, инстинктивные хотения и порывы», — указывал И. А. Ильин².

Это указание на *добровольное вменение себе в обязанность жить по праву* представляется весьма интересным, так как данное обстоятельство подчеркивает необходимость *личностной* заинтересованности в подлинно правовой жизни. Ведь среди разных черт и характеристик личности в качестве наиважнейшей можно выделить как раз то, что *личность в своей глубинной, сущностной проявленности есть тот человек, который несет ответственность за то, что он себе вменяет*.

Такое отношение к праву содержит оценку субъектами — носителями правосознания — значимости, полезности и приемлемости для них права в целом и отдельных его компонентов, а также опосредствующих его общественное функционирование официальных установлений — законов.

Свою оценку правового или неправового поведения субъекты выносят путем сличения и взвешивания своих собственных интересов и целей (социально-экономических, политических, семейно-бытовых и прочих) с теми требованиями и возможностями их удовлетворения, которые представлены в праве. На базе такого рода суждений и в связи с ними складываются, в частности, оценки соотношения права и закона, меры реализации прав и свобод, поряд-

¹ В сноске на цитату из Ф. Энгельса, М. Т. Баймахановым указано: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37.— С. 418.— См.: Материалистическая диалектика как методология.— С. 334.

² Ильин И. А. О сущности правосознания.— С. 40—41.

ка соблюдения законов и т. д. Поскольку право есть область специфического взаимодействия людей, их определенного социального общения, постольку в оценке, выносимой относительно права, всегда присутствует сравнение позиции оценивающего субъекта с позициями, интересами и целями других участников правового общения, а также соответствующих институтов, организаций, учреждений.

Суммируя все изложенное, можно сделать следующий вывод: правосознание представляет собой результат отражения права в сознании людей, воплощаемый в совокупности знаний и оценок как относительно самого права, так и опосредствующих его функционирование в обществе социальных институтов — государства, законодательства, судопроизводства, состояния законности и правопорядка и т.д.¹

Можно сказать и иначе, стараясь шире охватить содержание и смысл определения правосознания: *оно есть отраженные общественные отношения, закрепленные в форме права.*

Теперь остановимся на том, что составляет структуру правосознания.

Продукт правотворчества и правосознания можно оценивать и анализировать со стороны его содержательности, новизны, его связи с определенной традицией, с точки зрения его моральной и/или научной ценности, со стороны «технологии» его «изготовления» и т.д. То есть спектр возможностей здесь очень многообразен. Всестороннему изучению производства правосознания также призвано содействовать решение ряда взаимосвязанных задач, в том числе, например:

1) различение *возникшего, становящегося* правосознания и правосознания, *развитого* на основе уже сложившихся образов, идей о праве;

2) истолкование производства правосознания в широком контексте — не только как порождения правовых взглядов, но и как осуществления, «живой жизни» правосознания;

3) соотнесение механизмов производства правосознания, как особой социальной предметно-практической и духовной деятельности, с механизмом производства конкретного в своей историч-

¹ См.: Общественное сознание и его формы.— С. 115.

ности правосознания, с порождением правосознания каждым новым поколением людей и т. д.;

4) уяснение отличий общих моментов в процессах производства и воспроизводства собственно правового сознания и производства (воспроизводства) знаний, информации о праве.

Постановка этих задач подчеркивает тот очевидный и неоспоримый факт, что право во всей совокупности своих норм, институтов, ценностей и т. д. является *социально* обусловленным феноменом. Эта его социальная обусловленность «в целом представляет собой обширную проблему, которая предполагает глубокий анализ существующих в действительности общественных отношений, требующих правового регулирования»¹.

Социальная деятельность, в ходе и благодаря которой порождается, функционирует и воспроизводится правосознание, имеет многоуровневую структуру, осуществляется в разных формах. Ее *первичный уровень*, наиболее массовидная форма — поступки, внешние действия индивидов по логике «правовой природы вещей», практическое (если даже угодно — «повседневное») использование людьми права.

Сознание, непосредственно сопровождающее и обслуживающее эти реальные действия, есть *практическое правосознание*. Оно «регистрирует», отображает и регулирует только то, что прямо участвует в названных актах деятельности, неотделимо от них и достаточно для их совершения. Составляющие практическое правосознание значения, символика, объективные смыслы правовых нормативов не просто фиксируются мыслью индивидов, отпечатываются в их опыте, но и переживаются ими. Формами практического правосознания являются *правовые чувства, правовые навыки и привычки, правовые знания*².

Правовые чувства содержат в себе субъективно ощущаемую и переживаемую установку по отношению к различным сторонам и признакам действительности. Люди способны, например, испытывать ощущение свободы и независимости, ими могут владеть чувства долга и ответственности, чувство справедливости. Осо-

¹ См.: Кудрявцев В. Н., Казмирчук В. П. Современная социология права.— М.: Юрист, 1995.— С. 11.

² Подробнее об этом см., например: Общественное сознание и его формы.— С. 120—121.

бенно остро мы ощущаем и переживаем отрицательные неправо́ые состояния — несправедливости, зависимости и несвободы, беззакония и др.

Особенность правовых чувств состоит в том, что индивидам, их переживающим, обычно более или менее ясны вызывающие их причины. Чувство поддается выражению в слове, в речевых актах и это, в частности, серьезно облегчает его изучение и воспитание. «Переживание ... права присуще каждому человеку, но у большинства оно остается смутным, неуверенным и неосозанным «правовым чувством», как бы «инстинктом правоты». Осознать содержание ... права и раскрыть его — значит положить начало зрелому ... правосознанию; сделать его предметом воли и оправданного аффекта, т. е. превратить эту единую и объективную правоту в любимую и желанную цель жизни — значит развить и осуществить в себе ... правосознание», — писал И. А. Ильин, настаивая на том, что обладание «нормальным», как он говорил, правосознанием с необходимостью включает в себя желание, оправданное стремление и чувство жить по праву¹.

В качестве *правовых навыков* выступают умения совершать требуемые правовым общением внешние действия (выбор надлежащего контрагента, заключение соглашения, обмен благами, получение причитающегося, возмещение ущерба и т. д.) как затверженные стереотипные приемы. Навыки в основном освобождают сознание индивида от необходимости всякий раз специально обдумывать способ регуляции таких действий и позволяют ему сосредоточиться преимущественно на осмыслении их общих целей, условий и средств выполнения, на контроле и оценке их результатов.

Правовая привычка — это устойчивая внутренняя потребность индивида в постоянном следовании относящимся к праву стандартам поведения. К разряду правовых можно причислить такие привычки, как соблюдение договоренностей, исполнение обещанного, оказание услуг за предоставленные услуги и т. д.

В привычках откладывается и «прессуется» определенное фактическое знание индивидами права. Подобно правовым навыкам, правовые привычки по-своему облегчают и упрощают регулятивную роль практического правосознания. Степень развитости и

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. — С. 21.

распространенности правовых навыков и привычек в обществе — зримый и весомый показатель состояния его правовой культуры.

Правовые знания присутствуют как следствие и итог стихийной ориентации субъектов в сфере права в виде некоторого набора сведений, мнений, оценок, установок, образов обыденного сознания. Практическое правосознание всегда выступает как определенная форма именно обыденного сознания со всеми присущими ему характеристиками, свойствами и признаками. «Нормальное правосознание отнюдь не сводится к *верному знанию положительного права*. Оно вообще не сводится к одному «знанию», но включает в себя все основные функции душевной жизни: и прежде всего — волю и притом именно — *духовно воспитанную волю*, а затем — и чувство, и воображение и все культурные и хозяйственные отправления человеческой души. Оно не сводится и к переживанию одного «положительного права», но всегда подходит к нему с некоторым высшим, предметным мерилom; наконец, оно не есть пассивное состояние, но жизненно активное и творческое. Поэтому одно знание положительного права, верное сознание его, — не гарантирует еще наличности нормального правосознания», — вполне справедливо, на наш взгляд, указывал И. А. Ильин, но тут же категорически подчеркивал: «И тем не менее, это знание необходимо. Народ, не знающий «законов» своей страны, ведет вне-правовую жизнь или довольствуется самодельными и неустойчивыми зачатками права ... Незнание положительного права ведет неизбежно к произволу сильного и запуганности слабого. Мало этого, оно делает невозможную жизнь в праве и по праву...

...Народу необходимо и достойно знать законы своей страны; это входит в состав правовой жизни»¹.

Кроме правосознания практического, прямо состыкованного с внешней, предметной деятельностью участвующих в правовом общении индивидов и являющегося ее неотъемлемым компонентом, есть правосознание, которое существует относительно независимо от такого типа деятельности.

Это — другая форма, *другой уровень* правосознания, который в литературе чаще всего именуется *теоретическим*. Он представляется собой процесс и результат умственной, интеллектуальной дея-

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. — С. 23—24.

тельности, направленной на осмысление права, его границ и нормативов, его смысла и природы, на уяснение способов и средств обращения с ним, на упорядочение и совершенствование знаний о нем.

Такая умственная деятельность своей ближайшей задачей имеет не регуляцию поступков, предметных действий и поведения людей в сфере права, а преобразование, изменение правового сознания, с тем, чтобы оно по своему содержанию и построению соответствовало бы объективным параметрам права, правовым нормативам, так сказать, «идее права». Эта деятельность включает в себя анализ личного и коллективного опыта правового общения и правовых знаний и переживаний, наблюдений над системой правовых институтов и норм, обучение и самообучение правовым навыкам и правовым знаниям и т. д.

Этой деятельностью занимаются люди, имеющие специальную юридическую подготовку — теоретики, идеологи, педагоги. Они профессионально заняты в сфере духовного производства и с помощью соответствующих средств и процедур развивают юридическую науку, разрабатывают правовые доктрины и дисциплины, дают научно-практические рекомендации законодательным, исполнительным, правоприменительным органам, политическим и идеологическим институтам и учреждениям.

На этом уровне создаются правовые концепции, которые составляют не только основное содержание наличной правовой науки, но также и правовой идеологии данного общества. А всякая правовая идеология, как вполне справедливо пишет С. С. Алексеев, «связывает свое содержание с определенной группой заданных интересов и идеи, которые начинают жить по своей (этической, религиозно-этической, этнической, классовой, групповой или даже индивидуально-личностной) логике. Отсюда — в идеологии всегда есть моменты абсолютизации, возвеличивания идей, их ориентации на обслуживание определенных практических, политических, идейных задач...»¹.

Изучение права на теоретическом уровне включает в себя исследование целого комплекса не только теоретических, но и историко-правовых, методологических проблем правовой нау-

¹ Алексеев С. С. Философия права.— С. 11.

ки и т. д., а также Идеи Права, под которой подразумеваются его идеально-ценностные аспекты и характеристики. При этом важно подчеркнуть, что во всех случаях, в самых различных отраслях юриспруденции преимущественное значение имеют вопросы положительного (позитивного) права.

Оно выражено, как известно, в законодательстве. И знание этого положительного права всегда поэтому отличается своей исключительной *предметностью*. То есть в нем всегда надлежит видеть некое «объективно данное содержание, имеющее свой законченный и определенный смысл», который «должен быть... точно выяснен и неискаженно понят ... Это изучение, как и всякое движение к истине, требует того добросовестного и беспристрастного «теоретического» подхода, который характеризует науку и воспитывается научным преподаванием»¹. Такая деятельность позволяет полнее и точнее отразить в правосознании социальные потребности, притязания субъектов, существенно расширить и конкретизировать правовые знания, обогатить и углубить правовые навыки и систему правовой культуры общества в целом.

Приведем в связи с этим еще одно суждение С. С. Алексеева: «Есть два исторических обстоятельства, которые подготовили предпосылки для возникновения духовно-интеллектуальных форм освящения права ...

Первое — это дифференциация единых мононорм-обычаев при переходе общества от первобытного состояния к цивилизации, их расщепление, выделение наряду с юридическими нормами (правом) морали, корпоративных норм, собственно норм-обычаев.

Второе обстоятельство — это развитие духовно-интеллектуальной жизни общества, все большее утверждение во всех сферах жизнедеятельности людей силы разума ...»².

Выделение в правосознании различных слоев, уровней, форм не означает признания того, что стороны, части, признаки и элементы реального, живого правосознания изолированы друг от друга, не контактируют между собой. Напротив, все составляющие правосознание элементы внутренне связаны, непрерывно взаимодействуют, разнообразно сочетаясь и проникая друг в друга.

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания.— С. 25.

² Алексеев С. С. Философия права.— С. 7—8.

Структура правосознания во многом определяет его функции, которые всегда подлежат специальному рассмотрению.

Будучи сложным по своей структуре, правосознание вместе с тем многофункционально с точки зрения выполняемых им «ролей». Мы остановимся лишь на некоторых общих моментах, характеризующих это функционирование правосознания в системе социальных институтов и форм общественного сознания.

В юридической литературе как в советское время, когда данная проблематика представляла не просто «определенный», но, следует сказать, едва ли не первостепенный интерес, так и сейчас преобладает тот взгляд, что правосознанию по преимуществу присущи три основные функции — *познавательная, оценочная и регулятивная*.

Однако при этом исключительно ради справедливости мы хотели бы выделить среди общепринятых точек зрения несколько отличающуюся характеристику функциональных параметров права, которую дает Ю. В. Тихонравов, подчеркивающий, что *право выражает волю властвующих; выражает меру свободы индивида; разграничивает индивидуальные, групповые и прочие социальные интересы; упорядочивает общественные отношения*. Право стремится утвердить в жизни справедливость (охватывающую истину и правду), мудрость, реализм и жизненность социально, исторически и культурно значимых регулятивов, норм и т. д.¹

Взятое само по себе, правосознание не познает, не оценивает и не регулирует. *Посредством* правосознания регуляцию, оценку и познание осуществляют сами индивиды, сами субъекты, включенные в многообразную систему социальных, в том числе и правовых, связей и отношений. И их практически-духовная деятельность по производству правосознания есть в действительности серьезнейшее *духовное усилие*². Духовный труд создает общественную связь в идеальной форме, в форме идеи. А производство правосознания, таким образом, есть создание общественной связи посредством и форме Идеи Права. Добавим к этому и опыт предшествующей фи-

¹ См.: Тихонравов Ю. В. Основы философии права. — М.: Вестник, 1997. — С. 65.

² Проблему духовного труда и связанные с ней вопросы весьма обстоятельно рассматривал, например, еще в советский период философ В. М. Межуев. См.: Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. — М.: Наука, 1981. — С. 144 и др.

лософии: еще Гегель усматривал в духовном труде процесс «самопорождения человека». Таким образом, правосознание, как производство идеи права, есть самопорождение «правового человека».

Реализующееся в правосознании познание права есть социально обусловленная и исторически развивающаяся деятельность отражения людьми такого важнейшего института общества, каким является право. Право познается людьми прежде всего в процессе и результате практического пользования им, благодаря прямому участию индивидов в правовых отношениях. Объектом отражения оно выступает через своего неперменного посредника — комплекс устанавливаемых органами власти общеобязательных норм поведения. Эти нормы — законы — фиксируют, что именно и как в праве официально признается, закрепляется и охраняется. В качестве объекта познавательной деятельности право предстает и в совокупности накопленных обществом *знаний* о нем, которые так или иначе приходится усваивать людям.

Оценочная функция правосознания осуществляется в первую очередь при помощи системы аксиологических категорий, таких как, например, «благо», «добро», «справедливость», «польза», «выгода», «вред», «зло», «добродетель», и т. д. В зависимости от того, отвечают или противоречат требования и возможности, заключенные в праве, положению, интересам и целям оценивающего субъекта, он позитивно или негативно воспринимает право как таковое, соответствующие его аспекты, части, формы.

Оценка права всегда предполагает его *знание* (пусть даже на простом, обыденном уровне). Разумеется, не в том наивном смысле, будто сперва появляются какие-то «правовые знания», сведения о праве, а потом над ними надстраивается «оценка». С самого начала эта оценка обременена знанием. Более того, в определенном смысле оценка права — тоже знание, а именно знание субъектом необходимости и пользы, либо ненужности и вреда для себя тех или иных нормативов и институтов права.

От полноты и глубины правовых знаний, которыми располагает субъект, зависит степень точности производимой им оценки права. Но в свою очередь и отношение к праву, его оценка во многом обуславливают качество и объем тех правовых знаний, которые оказываются в распоряжении у субъекта. «В содержании термина

«знание права»,— как считают В. Кудрявцев и В. Казмирчук,— следует различать два значения: сам процесс познания, получения сведений о праве и результат этого процесса, т.е. достигнутый уровень знания права в обществе...»¹.

Очевидно, что *познавательная* и *оценочная* функции права находятся в неразрывном единстве. Органически с ними связана и их дополняет *регулятивная функция правосознания*. Она сводится, во-первых, к переработке информации об объективных признаках права, а также к переводу его оценок в знание-предписание, в программу деятельности; во-вторых, к материализации, воплощению этого знания в конкретные поступки, действия, правозначащие либо относящиеся к праву. Люди сознательно регулируют не только свое правовое поведение. Посредством правосознания регулируются и их потребности, позиции, отношения в области права.

К числу ключевых психологических факторов, участвующих в процессе формирования правовых знаний в качестве программ практической правовой деятельности, принадлежит *целеполагание*. Не что иное, как постановка целей, преобразует знание и оценки права в идеальный план внешней деятельности, который мотивирует ее, расчленяет на соответствующие этапы, подбирает подходящие ей средства и предваряет ее практический результат. Серьезное влияние на целеполагание оказывает образ права, охватывающий представления и знания о праве, опыт его переживания и чувствования.

Сейчас, например, много интересного и поучительного говорится и пишется о том факте современного переживания и чувствования права, как кризис правовых институтов, ценностей, их забвение и пренебрежение ими. Такова, увы, реальность положения дел на том пространстве, которое с подачи историков и политиков мы называем «постсоветским». И это состояние права и правосознания вводит в уныние, в риторическое вопрошание по типу «а когда же все это кончится?»,— будто бы только нам суждено переживать ситуацию правового нигилизма и вне правового социального порядка. И зачастую общественное мнение указывает на властные институты и структуры как на источник бедственного положения нашей правовой культуры, оставляя без внимания то, что в самом

¹ Кудрявцев В. Н., Казмирчук В. П. Современная социология права.— С. 130.

этом мнении и народной жизни не возникло еще развитого стремления к правовой жизни и правовой культуре. То, что юридическая специальность в нашей стране является для огромного множества молодежи вождельной целью, еще не говорит о том, что новые поколения стремятся сознательно устраивать свою будущую общественную жизнь «по праву» — здесь скорее играют первостепенную роль совершенно другие мотивы, интересы и побуждения. Позволим себе в этой связи привести еще одно суждение уже неоднократно цитировавшегося в этом реферате философа права Ильина: «Вся история культурного человечества свидетельствует о том, что право и государство периодически вступает в состояние глубокого кризиса. Причина этих кризисов состоит в том, что человечество, строя правопорядок, теряет из вида *единую безусловную цель* политического единения и превращает его в орудие для условных, мнимых заданий и частных вождельний... По своему объективному назначению право есть орудие порядка, мира и братства; в осуществлении же оно слишком часто прикрывает собой ложь и насилие, тягание и раздор, бунт и войну... Кризис наступает тогда, когда история начинает подводить итоги целому народу, наполненному... своекорыстными посягательствами, беспринципными блужданиями и беспомощными взрывами»¹. Конечно же, данное суждение далеко не бесспорно, в том числе, наверное, в особенности с точки зрения нашего современного государственно-правового и исторического состояния. Однако, определенная доля правильности в этой оценке присутствует.

В контексте приведенных слов отметим, что мы совершенно не склонны соотносить изложение темы с обсуждением констатирующих положений об уровне правосознания и правовой культуры нашего общества — это совершенно самостоятельная, очень сложная тема, которая требует отдельной проработки.

Важную роль в механизме реализации регулятивной функции правосознания выполняет *самосознание субъекта* как участника правового общения. Если познавательная и оценочная функции правосознания устремлены на право, которое выступает в качестве особой, вне субъекта утвердившейся социокультурной формы, то *самосознание* обращено к внутреннему миру индивида. Оно суть

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. — С. 225.

— осознание, оценка, контроль участником правового общения своего положения, действий и их последствий в этой сфере социальной жизни.

При этом вполне определенное значение имеет соотносимость знания правовых норм с более широкими, мировоззренческими установками индивида. Как пишет, например, Ю. Е. Пермяков, «объективное содержание правовых норм будет «узвано» каждым из нас сообразно собственному мироощущению. Поэтому в правовых поступках и событиях мы видим механизм согласования смыслов, поведения, интересов и фрагментов человеческой личности. С помощью права личность придает черты целостного бытия тому, что существует разрозненно и потому обречено на гибель. С помощью права человек сосуществует с целым миром, и о законах этого совместного бытия он узнает из права»¹.

Рассмотрение правосознания всегда должно предполагать его связь с другими формами общественного сознания.

Правосознание возникает и реализуется не в изолированной среде, а в комплексе того феномена, который называется культурой, в частности культурой духовной. Другими словами, правосознание — один из элементов духовно-практической жизни общества, тесно связанный в своем генезисе и функционировании с другими формами общественного сознания. «В условиях развитости, самостоятельности и отдифференцированности друг от друга различных видов социальных норм ... именно правовой принцип согласования их совместного бытия и действия способен придать этому разнообразию социальных норм (и регуляторов) определенное системное единство. В историческом плане такое *определяющее значение права во всей соционормативной системе* соответствует такой эпохе ... социального и духовного развития, когда правовое сознание ... начинает играть ведущую роль в системе форм общественного сознания, как ранее такую роль играли мифология (в древние и средние века, а затем в Новое время — моральные (нравственные) воззрения»²¹.

Ближе всего правосознание стоит, пожалуй, к сознанию *политическому и нравственному*. Его неразрывная связь, но отнюдь не

¹ Пермяков Ю. Е. Лекции по философии права.— Самара: Изд. «Самарский университет», 1995.— С. 112.

² Нерсесянц В. С. Философия права.— С. 83.

тождество, с сознанием *политическим* проистекает из того очевидного факта, что в обществе играет первостепенную роль в судьбах права государственность, создающая множество зон, где право и политика, пересекаясь, органически сочетаются. Отсюда вытекают такие общие для правового и политического сознания понятия, как «законное», «преступное», «порядок», «правомочие», «обязанность», «компетенция», «суверенитет» и т.д.

Важно однако четко представлять себе границы использования категорий правового сознания для характеристики политических установлений и институтов и, наоборот, политического языка для объяснения отдельных отраслей права. Сфера права зиждется на иных принципах, нежели область политики. В частности, например, «первоклеточкой» всей правовой сферы являются отношения права, а в области политики — так называемое публично-властные отношения, сердцевиной которых выступает связка «повеление — подчинение». Употребление в науке, пропаганде, идеологической деятельности, преподавании терминов типа «политико-юридические взгляды», «политико-правовая идеология» и тому подобных уместно и целесообразно. Но лишь при том условии, что не теряется из виду различие правового и политического сознаний.

Правовое сознание издавна и прочно связано с *нравственным* (моральным) сознанием.

Как части общего социального механизма ценностно-нормативной регуляции, они ориентированы на поддержание должного для данной исторической эпохи порядка взаимоотношений между людьми, а также допустимых возможностей самореализации человеческой личности. Собственно, право само выступает как ценность, причем «право наполняется ценностным содержанием по мере того, как человек оказывается способным к бытию, т.е. к сосуществованию с другими людьми и миром в целом... Ценностное отношение к миру есть условие самого мира, непрменная характеристика его бытия. Можно сказать, что право существует лишь в качестве ценности, а ценностью оно становится благодаря тому, что вне права социальное бытие человека невозможно»¹.

Особенно ярко взаимосвязь права и нравственности исторически была проявлена в философии и теории естественного права,

¹ *Пермяков Ю. Е.* Лекции по философии права.— С. 99.

в учениях новоевропейской и просветительской традиции XVII—XVIII столетий, активно поддержанной впоследствии, например, в учениях «возрожденного естественного права».

Обе названные формы общественного сознания пользуются категориями «справедливость», «свобода», «благо», «достоинство», «долг», «ответственность», «добро» и другие. Многие слагаемые развитого правосознания исполнены нравственного значения. Вот, например, лишь некоторые из них: уверенность в том, что свобода всех есть надежная гарантия свободы каждого; уважение достоинства других лиц, выступающих в качестве равных участников правового общения; чувство личной ответственности за поступки и убеждение в важности исполнения человеком лежащих на нем обязанностей; понимание того, что соблюдение соглашений и договоров, слова, которое было дано, принятых обязательств есть элементарное условие нормального сосуществования людей в рамках общества.

Вместе с тем правовое сознание отличается от нравственного уже по ближайшим объективным источникам и целям. Если нравственные воззрения рождаются в межлических отношениях, где перед отдельным индивидом встает главным образом проблема выбора между добром и злом, правосознание, как отмечалось, возникает в социальном взаимодействии иного рода. Оно связано с необходимостью удовлетворения конкретно-специфических потребностей людей в первую очередь в регулировании актов поведения, внешних действий человека, социальных групп, общностей, коллективов и т.д., совершаемых по параметрам права. Как отмечал Ильин, «задача организовать мирное и справедливое сожителство людей на земле есть задача права и правосознания...»¹.

Право играет важную роль в системе социальной регуляции, составленной совокупностью норм и регулятивов, таких, в том числе, как моральные, нравственные, корпоративные, эстетические, религиозные и т.д. И при всей своей относительной самостоятельности право осуществляет свои специфические регулятивные функции не изолировано и обособленно, а в единстве и тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами. Как уже говорилось, этот «опыт» социальной регуляции право обретает и впитывает в

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания.— С. 18.

себя благодаря теснейшему соседству с нравственным, моральным сознанием.

Обе эти формы общественного сознания — правовое и нравственное — ориентированы на человеческое поведение. Отличие их состоит, в частности, в том, какова мера и степень их «проникнутости», так сказать, «поведенческой проблематикой». Нравственное сознание тоже включено в поведение, но не в меньшей, а даже в более значительной степени оно обращено в сторону *внутренней* мотивации деятельности и поступков людей, к внутреннему миру человека. Поэтому в нем есть понятия, отсутствующие в правосознании (например: милосердие, дружелюбие, искренность, самоотверженность, скромность, лицемерие, подлость, угодничество и т.п.). Диапазон использования моральных оценок к тому же намного шире, чем оценок правовых.

С *философией*, как формой общественного сознания, правосознание взаимодействует тогда, когда поднимается на уровень исследования вопросов, касающихся смысла, происхождения и назначения права, его оснований и социального статуса, соотношения права, личности, гражданского общества и государства, связей права и свободы, справедливости, равенства, логики развития и исторической судьбы права.

Круг перечисленных и им аналогичных вопросов составляет предмет общетеоретического знания, располагающегося на границе философии, социологии и правоведения. Проблемы, которые относятся к этой пограничной области и системе знания, рассматриваются специфически философскими методами и средствами под углом зрения определенных мировоззренческих установок, в русле тех или иных философских направлений (известны, например, теологические и светские трактовки права, его рационалистические и иррационалистические версии, разнообразные идеалистические и материалистические его объяснения, диалектический и метафизический подходы к его познанию¹).

Заканчивая изложение некоторых вопросов о праве и правосознании, отметим следующее.

¹ См., например: *Сурия П. Синха*. Юриспруденция. Философия права.— М.: Академия, 1996. В этой относительно небольшой книге представлено разделение философско-правовых концепций на три основные группы — метафизические, идеалистические, эмпирические.

Помимо всего сказанного существует еще один, на наш взгляд, достаточно интересный момент. Правосознание — весьма подвижная вещь. Та картина мира, которую оно строит, несмотря на наличие в ней фундаментальных категорий, принципов и парадигм, которые представляются незыблемыми, не может быть совершенно абсолютизирована или заморожена. Современное общество твердо усвоило принцип, что познание истины и ее выражение не зависит от социальных институтов, запросов, социально-классовых интересов и установок, что ему трудно воспринимать всерьез представление о высшем и последнем откровении (пример с нашей недавно господствовавшей «марксистско-ленинской» философией и идеологией — тому яркое подтверждение). Мы слишком хорошо уже знаем, что один и тот же материал можно интерпретировать по-разному. Мы слишком хорошо научились разделять сущности, и потому для нас было бы чрезвычайно затруднительно, даже невозможно, принять мировоззрение, которое однозначно формулирует права и обязанности и однозначно их обосновывает. Эта позиция вызывает протест в обществе, «негласная конституция» которого провозглашает принцип равноправного доступа к истине.

Уместно, видимо, будет привести здесь, в контексте приведенных рассуждений, слова В. М. Межуева о том, что «в определенной исторической ситуации каждый мыслит не так, как он хочет, а в соответствии с некоторым общепринятым типом мышления, подчиняя ходы своей мысли общественно установленным принципам, правилам и нормам»¹. Таким образом, можно с достаточной определенностью утверждать, что правосознание в каждую отдельную эпоху, на каждом отдельном отрезке исторического бытия общества представляет собой некое *common sense* (общее чувство, равное здравому смыслу) относительно того, что есть право.

Тем не менее, в нем есть и абсолютные, непреходящие характеристики и ценностно-нормативные аспекты. Их наличие, наряду с реальной потребностью и стремлением общества к строительству действительно *правового* государства и подлинно гражданского общества, обуславливает все еще непоколебимую уверенность огромного большинства людей в том, что такие идеалы, как Свобода, Справедливость, Равенство, Общее Благо и другие, найдут свое во-

¹ Духовное производство... — С. 131.

площение и в нашем общественно-государственном устройстве, подобно тому, как они, пусть и не без проблем и известных издержек, но воплотились в практике современных демократических стран.

1.4. Правовое равенство и свобода

Понятие «равенство» представляет собой определенную абстракцию, т.е. является результатом сознательного (мыслительно-го) абстрагирования от тех различий, которые присущи уравниваемым объектам. Уравнивание предполагает различие уравниваемых объектов и вместе несущественность этих различий (т.е. возможность и необходимость абстрагироваться от таких различий) с точки зрения основания (критерия) уравнивания.

Правовое равенство не столь абстрактно, как числовое равенство. Основанием (и критерием) правового уравнивания различных людей является свобода индивида в общественных отношениях, признаваемая и утверждаемая в форме его правоспособности и правосубъектности. В этом состоит специфика правового равенства и права вообще.

Правовое равенство — это равенство свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой норме, равной мере. Там же, где люди делятся на свободных и несвободных, последние относятся не к субъектам, а к объектам права и на них принцип правового равенства не распространяется. Правовое равенство — это равенство свободных и равенство в свободе, общий масштаб и равная мера свободы индивидов. Право говорит и действует языком и средствами такого равенства и благодаря этому выступает как всеобщая и необходимая форма бытия, выражения и осуществления свободы в совместной жизни людей.

В социальной сфере равенство — это всегда правовое равенство, формально-правовое равенство. Ведь правовое равенство, как и всякое равенство абстрагировано (по собственному основанию и критерию) от фактически различий и потому с необходимостью и по определению носит формальный характер.

По поводу равенства существует множество недоразумений, заблуждений, ошибочных и ложных представлений. В их основе,

в конечном счете, лежит непонимание того, что равенство имеет рациональный смысл, логически и практически возможно в социальном мире именно и только как правовое (формально-правовое, формальное) равенство. Так нередко (в прошлом и теперь) правовое равенство смешивается с разного рода эгалитаристскими (фактически уравнительными) требованиями, с уравниловкой и т.д. или, напротив, ему противопоставляется так называемое «фактическое равенство».

История права — это история прогрессирующей эволюции содержания, объема, масштаба и меры формального (правового) равенства при сохранении самого этого принципа как принципа любой системы права, права вообще. Разным этапам исторического развития свободы и права в человеческих отношениях присущи свой масштаб и своя мера свободы, свой круг субъектов и отношений свободы и права, словом — свое содержание принципа формального (правового) равенства. Так что принцип формального равенства представляет собой постоянно присущий праву принцип с исторически изменяющимся содержанием.

В целом историческая эволюция содержания, объема, сферы действия принципа формального равенства не опровергает, а наоборот, подкрепляет значение данного принципа в качестве отличительной особенности права в его соотношении и расхождении с иными видами социальной регуляции (моральной, религиозной и т.д.). С учетом этого можно сказать, что право — это нормативная норма выражения свободы посредством принципа формального равенства людей в общественных отношениях.

Правовое равенство и правовое неравенство (равенство и неравенство в праве) — однопорядковые (предполагающие и дополняющие друг друга) правовые определения и характеристики и понятия, в одинаковой степени противостоящие фактическим различиям и отличные от них. Принцип правового равенства различных субъектов предполагает, что приобретаемые ими реальные субъективные права будут равны. Благодаря праву хаос различий преобразуется в правовой порядок равенств и неравенств, согласованных по единому основанию и общей норме.

Формы проявления равенства как специфического принципа правовой регуляции носят социально-исторический характер. Этим

обусловлены особенности таких форм в различных социально-экономических формациях, на разных этапах исторического развития права, изменения объема и содержания, места и роли принципа правового равенства в общественной жизни.

Вместе с тем принцип — при всем историческом многообразии и различии его проявлений — имеет универсальное значение для всех исторических типов и форм права и выражает специфику и отличительную особенность правового способа регулирования общественных отношений свободных индивидов. Везде, где действует принцип формального равенства, там есть данный принцип равенства. Где нет этого принципа равенства, там нет и права как такового. Формальное равенство свободных индивидов тем самым является наиболее абстрактным определением права, общим для всякого права и специфичным для права вообще.

С принципом формального равенства связано и понимание права как формы общественных отношений.

Для всех тех, чьи отношения опосредуются правовой формой, — как бы ни был узок этот правовой круг, — право выступает как всеобщая форма, как общезначимый и равный для всех этих лиц (различных по своему фактическому, физическому, умственному, имущественному положению и т.д.) одинаковый масштаб и мера. В целом всеобщность права как единого и равного (для того или иного круга отношений) масштаба и меры (а именно меры свободы) означает отрицание произвола и привилегий (в рамках этого правового круга).

Своим всеобщим масштабом и равной мерой право измеряет, «отмеряет» и оформляет именно свободу индивидов, свободу в человеческих взаимоотношениях — в действиях, поступках, словом, во внешнем поведении людей. Дозволения и запреты права как раз и представляют собой нормативную структуру и оформленность свободы в общественном бытии людей, пределы достигнутой свободы, границы между свободой и несвободой на соответствующей ступени исторического развития.

Свобода индивидов и свобода их воли — понятия тождественные. Воля в праве — свободная воля, которая соответствует всем существенным характеристикам права и тем самым отлична от произвольной воли и противостоит произволу. Волевой характер пра-

ва обусловлен именно тем, что право — это форма свободы людей, т.е. свобода их воли.

Люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы. Неправовая свобода, свобода без всеобщего масштаба и единой меры, словом, так называемая «свобода» без равенства — это идеология элитарных привилегий, а так называемое «равенство» без свободы идеология рабов и угнетенных масс (с требованиями иллюзорного «фактического» равенства, подменой равенства уравниловкой и т.д.). Или свобода (в правовой форме), или произвол (в тех или иных проявлениях). Третьего здесь не дано: не право и несвобода — всегда произвол.

Отсюда и многоликость произвола (от «мягких» до самых жестких тиранических и тоталитарных проявлений) Дело в том, что у права (и правовой формы свободы) есть свой, только внутренне ему присущий, специфический принцип — принцип формального равенства. У произвола же нет своего принципа; его принципом, если можно так выразиться, является как раз отсутствие правового принципа, отступления от этого принципа, его нарушение и игнорирование. Бесправная свобода — это произвол, тирания, насилие.

Фундаментальное значение свободы для человеческого бытия в целом выражает вместе с тем и роль права в общественной жизни людей. Наблюдаемый в истории прогрессирующий процесс освобождения людей от различных форм личной зависимости, угнетения и подавления — это одновременно и правовой прогресс, прогресс в правовых (и государственно-правовых) формах выражения, существования и защиты этой развивающейся свободы. В этом смысле можно сказать, что всемирная история представляет собой прогрессирующее движение ко все большей свободе все большего числа людей, С правовой точки зрения этот процесс означает, что все большее число людей (представители все новых слоев и классов общества) признается формально равными субъектами права.

Историческое развитие свободы и права в человеческих отношениях представляет собой, таким образом, прогресс равенства людей в качестве формально (юридически) свободных личностей. Через механизм права — формального (правового) равенства — первоначальная несвободная масса людей постепенно, в ходе

исторического развития преобразуется в свободных индивидов. Правовое равенство делает свободу возможной и действительной во всеобщей нормативно-правовой форме, в виде определенного правопорядка.

Об этом убедительно свидетельствует практический и духовный опыт развития свободы, права, равенства и справедливости в человеческих отношениях. Если речь действительно идет о свободе, а не привилегиях, произволе, деспотизме, то она просто невозможна без принципа и норм равенства, без общего правила, единого масштаба и равной меры свободы, т.е. без права, вне правовой формы. Свобода не только не противоположна равенству (а именно — правовому равенству), но, напротив, она выразила лишь с помощью равенства и воплощена в этом равенстве. Свобода и равенство неотделимы и взаимно предполагают друг друга. С одной стороны, исходной и определяющей фигурой свободы в ее человеческом измерении является свободный индивид — необходимая основа правоспособности и правосубъектности вообще; с другой стороны, эту свободу индивидов можно выразить лишь через всеобщий принцип и нормы равенства этих индивидов в определенной сфере и форме их взаимоотношений. Право не просто всеобщий масштаб и равная мера, а всеобщий масштаб и равная мера, именно и прежде всего, свободы индивидов. Свободные индивиды — «материя», носители, суть и смысл права. Там, где отрицается свободная индивидуальность, личность, правовое значение физического лица, там нет и не может быть права (и правового принципа формального равенства), там не может быть и каких-то действительно правовых индивидуальных и иных (групповых, коллективных, институциональных и т.д.) субъектов права, действительных правовых законов и правовых отношений и в обществе в целом, и в различных конкретных сферах общественной и политической жизни. Эти положения в полной мере относятся и к такой сфере жизнедеятельности общества, как экономика и производство как отношения собственности в целом.

В целом право собственности — это свобода индивидов и других субъектов социальной жизни, причем свобода в ее адекватной правовой форме и, что особо важно подчеркнуть, свобода в такой существенной сфере общественной жизни, как отношение к средствам производства, экономика в целом.

Исторический прогресс свободы и права свидетельствует о том, что формирование и развитие свободной, независимой, правовой личности необходимым образом связаны с признанием человека субъектом отношений собственности, собственником средств производства. Собственность является не просто одной из форм и направлений выражения свободы и права человека, но она образует собой вообще цивилизованную почву для свободы и права. Где полностью отрицается право индивидуальной собственности на средства производства, там не только нет, но и в принципе невозможны свобода и право.

1.5. Права человека и правовое государство

Правовое государство — как определенная философско-правовая теория и соответствующая практика организации политической власти и обеспечения прав и свобод человека — является одним из существенных достижений человеческой цивилизации. Его общечеловеческая ценность определяет и современные установки, устремления и усилия по формированию и развитию начал правовой государственности в Казахстане и других странах СНГ.

Сам термин «правовое государство» сформировался и утвердился довольно поздно — в немецкой юридической литературе в первой трети XIX в. В содержательном смысле ряд идей правовой государственности появился уже в античном мире, а теоретически развитые концепции доктрины правового государства были сформулированы в условиях перехода от феодализма к капитализму и возникновения нового социально-политического строя. Исторически это происходило в общем русле возникновения прогрессивных направлений буржуазной политической и правовой мысли, становления и развития нового юридического мировоззрения, утверждения идей гуманизма, принципов свободы и равенства всех людей и т.д.

При всей своей новизне теоретические концепции правовой государственности (разработанных в трудах Д. Локка, Ш. Л. Монтескье, Д. Адамса, Д. Мэдисона, Т. Джефферсона, И. Канта, Г. В. Гегеля и др.) опирались на опыт прошлого, на достижения предшествующих

щей социальной, политической и правовой теории и практики, на исторически сложившиеся и апробированные общечеловеческие ценности и гуманистические традиции.

Значительное влияние в этом плане на формирование теоретических представлений, а затем и практики правовой государственности оказали политико-правовые идеи и институты Древней Греции и Рима, античный опыт демократии, республиканизма и правопорядка.

Мысль о том, что государственность вообще возможна лишь там, где господствуют справедливые законы, последовательно отстаивали Сократ, Платон и Аристотель. Заметные шаги античная политико-правовая мысль сделала в направлении типологизации органов власти с учетом специфики осуществляемых ими концепций.

Политико-правовые концепции древнегреческих мыслителей, в том числе значимые в плане предыстории теории разделения властей и правового государства, были восприняты и развиты дальше древнеримскими авторами. Весьма значительным представляется вклад римских авторов (стоиков, юристов, особенно Цицерона) в разработку проблем взаимосвязей права и государства, правовой характеристики полномочий государственных органов; взаимоотношений с гражданином как субъектом права и т.д.

В Цицероновской трактовке государства (республики) как правовой организации дела народа присутствуют идеи как республиканизма, так и народного суверенитета (по естественному праву). Это очень существенное достижение на пути к уяснению правового источника и правового смысла государственности.

Идеи античных авторов по затронутому кругу вопросов оказали заметное влияние на последующие концепции разделения властей. Для ранних теоретиков разделения властей (Локка, Монтескье и др.) речь прежде всего шла о правовом ограничении власти монарха, о поисках такой формы монархического правления, власть в которой была бы расщеплена среди различных социальных слоев общества (между монархом, аристократией и третьим сословием) и представляющих их интересы властных государственно-правовых институтов. С этой точки зрения, античные политико-правовые концепции относительно монархической формы государства не

могли служить подходящим образцом для искомой модели правления. Помимо существенного различия между монархиями древности и нового времени, дело еще состояло в том, что наиболее перспективные политико-правовые идеи античных авторов относятся по преимуществу к характеристике не монархии (и задач ее преобразования), а к смешанному правлению.

Существенная новизна позиции буржуазных мыслителей-превращенцев конституционной монархии и разделения властей (Локка, Монтескье, Канта, Гегеля и др.) состоит в том, что в отличие от античных авторов они рассматривают проблему политической свободы в ее отношениях как к государственному строю, так и к отдельной личности, гражданину. Первый аспект этих отношений политической свободы, находящий свое выражение в правовом (конституционном) оформлении распределения трех властей (законодательной, исполнительной и судебной), выступает в качестве необходимой институционально-организационной формы обеспечения второго аспекта свободы — гражданских прав и свобод, безопасности личности. Без сочетания этих двух аспектов политическая свобода остается неполной, нереальной и необеспеченной.

Учения ранне-буржуазных мыслителей, и прежде всего о неотчуждаемых правах и свободах человека и разделении властей, оказали заметное влияние не только на последующие теоретические представления о правовой государственности, но и на конституционное законодательство и государственно-правовую практику. Это влияние отчетливо проявилось, например, в конституционно-правовых документах Англии, в Конституции США 1787 г., во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., в целом ряде других правовых актов. Примечательна в этой связи, в частности, ст. 16 французской Декларации 1789 г., которая гласит — «Общество, где не обеспечена гарантия прав и не проведено разделение властей, не имеет Конституции»¹. Большой интерес представляет и статья 5 этой Декларации: «Закон вправе запрещать лишь деяния, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать

¹ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран.— М., 1984.— С.209.

то, что не предписано законом». Это первое официальное закрепление данного правового принципа.

Важной вехой в развитии идеи правовой государственности стала их философская разработка в трудах Канта и Гегеля. При этом Кант выступил с философским обоснованием либеральной теории правового государства Благо государства, по Канту, состоит в высшей степени согласованности государственного устройства с правовыми принципами, и стремиться к такой согласованности нас обязывает разум через категорический императив Реализация требований категорического императива государственности предстает у Канта как правовая организация государства с разделением властей (законодательной, исполнительной и судебной)¹. В соответствии с наличием или отсутствием принципа разделения властей он различает и противопоставляет две формы правления республику (это и есть по существу правовое государство) и деспотию

Если у Канта правовые законы и правовое государство — это долженствование, то у Гегеля они — действительность, т.е. практическая реализованность в определенных формах наличного бытия людей.

Государство, согласно Гегелю, это тоже право, а именно — конкретное право, т.е., по диалектической трактовке, наиболее развитое и содержательно богатое право, вся система права, включающая в себя признание всех остальных, более абстрактных прав — прав личности, семьи и общества. С тем обстоятельством, что в этой диалектической иерархии прав государства как наиболее конкретное право стоит на вершине правовой пирамиды, связано гегелевское возвышение государства над индивидами и обществом. Все это подтверждает, что Гегель — этатист (государственник). Но Гегель — правовой этатист, он обосновывает, восхваляет и обожествляет именно правовое государство, он подчиняет (не отрицая их) права индивидов и общества государству не как аппарату насилия, а как более высокому праву — всей системе права. А «система права есть царство осуществленной свободы». Иными словами, Гегель философски восхваляет государство как наиболее развитую действительность свободы.

¹ Кант И. Соч., т. 4, ч. II.— 233.

В целом вся гегелевская конструкция правового государства прямо и однозначно направлена против произвола, бесправия и вообще верх внеправовых норм применения силы со стороны частных лиц, политических объединений и властных институтов. Гегелевский этатизм радикально отличается от тоталитаризма всякого толка, который видит в организованном государстве и правопорядке своих прямых врагов и стремится вообще подменить правовой закон — произвольно-приказным законодательством, государственность — своим особым властнополитическим механизмом, а суверенитет государства — монополией политического господства той или иной парши и клики. И в гегелевском этатизме правомерно видеть не идеологическую подготовку тоталитаризма, а авторитетное философское предупреждение о его опасностях. Ведь тоталитаризм XX в. рассмотренный с позиции гегелевской философии государства и права, — это антиправовая и антигосударственная форма организации политической власти, рецидив механизма насилия деспотического толка, правда, в исторически новых условиях и с новыми возможностями, целями и средствами. Осмысление гегелевской концепции государства в контексте опыта и знаний XX в. о тоталитаризме позволяет понять враждебную и взаимоисключающую противоположность между государственностью и тоталитаризмом. Отсюда, конечно, вовсе не следует отрицания недостатков гегелевского этатизма (чрезмерное возвышение государства над индивидами и обществом в целом и т.д.). Однако с точки зрения идей правовой государственности существенно отметить как правовую природу гегелевской концепции государства, так и то, что признаваемый этатизмом принцип суверенности государства и государственных форм выражения, организации и действия публичной власти является по существу и правовым требованием, необходимым условием для любой концепции и практики господства права и правового государства.

Либерально-демократическая концепция правового государства в отличие от гегелевской концепции, может быть определенной системой принципов, институтов и норм, выражающей идею народного суверенитета. Именно суверенитет народа — основа и источник государственного суверенитета.

Укрепление суверенности государственной власти и утверждение господства права представляет собой два тесно взаимосвязан-

ных процесса на путях к правовой государственности. Одно без другого невозможно.

Правовое государство и правовой закон — необходимые всеобщие формы выражения, организации, упорядочения и защиты свободы в общественных отношениях людей. Содержание и характер этой свободы, ее широта и объем, ее субъектная и объектная структуры и т.д., словом, ее количество и качество определяется достигнутым уровнем развития общества. Свобода относительно в смысле ее фактической незавершенности, исторического изменения и развития ее содержания и т.д., но абсолютно как высшая ценность и принцип и поэтому может служить критерием человеческого прогресса, в том числе и в области государственно-правовых норм, общественных отношений, положения личности

История развития философско-правовой мысли свидетельствует о том, что для правового государства необходимы не только господство права и правовых законов, но и надлежащая правовая организация самой системы государственной власти, учреждение различных государственных органов, четкое определение их компетентности, места в системе, характера соотношения между собой, способов формирования и т.д. При чем оба аспекта тесно взаимосвязаны и один без другого невозможен

Правовое государство можно определить таким образом, как правовую форму организации и деятельности публично-политической власти и ее взаимоотношений с индивидами как субъектами права, носителями прав и свобод человека и гражданина.

К числу отличительных признаков правового государства, как минимум, относятся: признание и защита прав и свобод человека и гражданина, верховенство правового закона, организация и функционирование суверенной государственной власти на основе принципа разделения властей. В содержательной плоскости данным признакам соответствуют три взаимосвязанных компонента правового государства. Эти компоненты (элементы теории и практики) правового государства условно можно назвать так:

— гуманитарно-правовой (права и свободы человека и гражданина);

— нормативно-правовой (правовой характер закона, конституционно-правовая природа и основа источников действующего позитивного права);

— институционально-правовой (система разделения и взаимодействия властей, включая их взаимные сдержки и противовесы).

Каждой ступени в историческом развитии свободы и права присуща своя юридическая концепция человека как субъекта права и соответствующие представления о его правах и обязанностях, его свободе и несвободе. В этом смысле история права — это вместе с тем и история формирования и эволюции представлений о правах человека — от примитивных, ограниченных и неразвитых до современных. В самом общем виде можно сказать, что мера признанности и защищенности прав человека в том или ином обществе определяется типом его социально-экономической организации, степенью общецивилизованного развития, степенью его гуманизации и либерализации.

Права человека — это признание правоспособности и правосубъектности человека. И по объему правоспособности и кругу субъектов права в разные эпохи можно судить о том, кого же из людей и в какой мере данная система права признает в качестве человека, имеющего права.

Так, с точки зрения античного (афинского, римского) права не все люди признаны в качестве правомочного человека. Здесь только естественному праву раб признается свободным, т. е. человеком. Отсюда и великая идея естественного равенства всех людей как основа прошлых современных представлений о естественных правах и свободах любого из людей.

Но раб юридически не признавался человеком по действовавшему афинскому или римскому праву: в этом позитивно-правовом измерении раб (все люди, находившиеся в состоянии рабства) был объектом, не субъектом права. Он был по своему правовому положению «вещью», «говорящим орудием», наряду с прочим хозяйственным инвентарем и средствами производства.

В средние века вместо прежней поляризации между правосубъектностью свободного и бесправием раба складывается более разветвленная структура права и правового общения в соответствии с сословно-иерархическим принципом строения и функционирования феодального строя в целом. В согласии с непосредственно политическим и правовым значением сословного деления в феодальном обществе права человека стали определяться его со-

словной принадлежностью. Права человека на этой исторической ступени остаются различными по содержанию и объему правами — привилегиями членов разных сословий, сословными правами человека, правами сословного человека.

На различных ступенях исторического пути к современной концепции прав человека мы имеем дело с тем или иным вариантом частичного, ограниченного, привилегированного человека. Последним типом такого привилегированного человека в этом историческом ряду является гражданин (человек как член государства), а последней формой прав привилегированного человека — права гражданина (в их соотношении с правами человека).

История прав человека — это история очеловечивания людей, история прогрессирующего расширения правового признания в качестве человека тех или иных людей для того или иного круга отношений.

Поэтому становление и развитие прав человека и гражданина неразрывно связано с генезисом и эволюцией содержания самого принципа формального (правового) равенства в различные эпохи и в различных обществах.

Возникшая в древности идея всеобщего равенства людей (т.е. вместе с тем и идея прав человека как человека) не была реализована и в средние века; но она не была забыта и продолжала развиваться с различных позиций, в разных формах и направлениях (например, в творчестве религиозных авторов, идеологов средневековых ересей, в работах средневековых философов, юристов и т.д.).

Практическое выражение этой идеи в правовых актах того времени неизбежно носило сословно-ограниченный характер и представляло собой закрепление сословных прав и свобод (вольностей). Вместе с тем это было исторически перспективное направление, оказавшее влияние на формирование тех тенденций и юридических конструкций прав и свобод человека, с которым, в свою очередь, связаны современные представления о правах человека. И с точки зрения истории прав человека следует отметить определенную содержательную связь, логику преемственности и момент развития в цепочке таких, в частности, актов, как английские Великая Хартия Вольностей (1215), Петиция о праве (1628), Декларация прав (1688), Билль о правах (1689); американские

Декларации права Виргинии (12 июня 1776 г.), Декларация независимости Соединенных Штатов Америки (4 июня 1776 г.), Конституция США (1787), Билль о правах (1789-1791 гг.; французская Декларация прав человека и гражданина (1789); Всеобщая декларация прав человека (1948), последующие международные пакты о правах человека.

Во всем этом процессе постепенной универсализации (сперва на внутригосударственном, затем и на международном уровнях) положений о правовом равенстве людей и правах человека существенную роль сыграли представления о естественных и неотчуждаемых правах человека, которые сохраняясь и в условиях государственности, должны быть признаны и гарантированы публичными властями и законами.

Непреходящее историческое значение имело провозглашение свободы и правового равенства всех людей во французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. В духе идей общественного договора в ней было подчеркнуто, что цель каждого государственного союза состоит в обеспечении естественных и неотчуждаемых прав человека. К таким правам в Декларации отнесены свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. В качестве права человека признана также свобода выражения мыслей и мнений, в том числе и по вопросам религиозным. Был провозглашен принцип равенства всех граждан перед законом как выражением общей воли. Декларация подчеркивала, что источник суверенитета зиждется по существу в нации. Ряд статей Декларации посвящен защите прав и свобод человека в уголовно-правовой сфере.

Проводимое в Декларации 1789 г. различие между правами человека и правами гражданина по сути дела означает различие между человеком вообще как частным человеком (членом гражданского общества) и политическим человеком — гражданином государства, членом политического государства. Различие прав человека и прав гражданина здесь, следовательно, в конкретно-историческом плане подразумевает послефеодальную, буржуазную ситуацию разграничения и относительно самостоятельного бытия экономических и политических отношений, сфер частного и публичного права, словом — различие гражданского общества и государства (как политического сообщества).

Права и свободы человека и гражданина, провозглашенные во французской Декларации 1789 г. приобрели общемировое звучание и стали императивами обновления и гуманизации общественных и государственных порядков. Эта Декларация, испытавшая влияние предшествующего опыта в области прав и свобод человека (в частности, англосаксонских традиций в составлении и принятии Биллей о правах, Декларации независимости США 1776 г., Конституции США 1787 г. и т.д.), в дальнейшем, в свою очередь, сама оказала огромное воздействие на процесс борьбы против «старого режима» во всем мире, за повсеместное признание и защиту прав человека и гражданина, за практическую реализацию идей правового государства. Она стала новой страницей в развитии правового равенства, в истории прав человека и гражданина, в движении к правовому государству. Все последующее развитие теории и практики в области прав человека и гражданина, правовой государственности, господства права так или иначе испытывало и продолжает испытывать на себе благотворное влияние этого исторического документа. Декларация 1789 г. приобрела всемирное значение и авторитетно обозначила магистральное направление в признании и защите прав и свобод человека и гражданина.

В русле идей о правах и свободах в новых исторических условиях XX в. развивалось и укреплялось международное сотрудничество по гуманитарным проблемам, были приняты Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Международный пакт об экономических, социальных и политических правах (1966), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Факультативный протокол к международному пакту о гражданских и политических правах (1966), 'Заключительный Акт' Хельсинского Совещания 1975 г., «Итоговый документ» Венской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1989 г. и др.¹ Признание и защита прав и свобод человека стали в современном мире мощным фактором и четким ориентиром прогрессивного развития всего мирового сообщества в направлении к сообществу правовых

¹ «Международный билль о правах человека. Изложение фактов № 2. Женева, 1990.

государств, критерием оздоровления и гуманизации внутренней и внешней политики его членов, показателем внедрения в жизнь начал правового государства.

Конечно, от любых деклараций о правах человека и гражданина до их реализации в условиях правового государства — большое расстояние, но история показывает, что без таких деклараций, пролагающих дорогу к цели, до искомой правовой действительности еще дальше. В свое время Кант, один из горячих поборников господства права во внутренней и международной политике, любил повторять афоризм: «Да свершится справедливость, если даже погибнет мир». В современных условиях, когда гибель мира — уже не назидательный оборот речи, а вполне реальная возможность, проблема прав человека приобрела глобальное значение и их соблюдение стало пробным камнем и символом справедливости во внутренних и внешних делах всех государств и народов.

2 РАЗДЕЛ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ ПРАВА

2.1. Обычай, миф и право

Обычай поддерживается ритуалом. У многих народов правила обычая и ритуала настолько устойчивы, что практически не нуждаются и ином праве. Обычай и табу имеют особенности: они могут разрушаться под влиянием обстоятельств, могут возрождаться, вновь могут модифицироваться. Следование обычаю, традициям требует своих форм выражения. Этими формами являются ритуал и символы, или символические образы.

Остановимся на ритуалах. Американский социолог Э. Гоффман исследует современный ритуал и показывает, насколько он многообразен. Он подчеркивает, что жизнь современного общества изобилует ритуалами и лишь секулярный взгляд на общество мешает нам понять повсеместность и стратегическое значение их распространения. Он дает определение: “Ритуал есть формальный конвенциализированный акт, посредством которого индивид высказывает свое уважение и почитание в адрес объекта предельной ценности...”

В качестве такого ритуала выступают правила поведения в присутствии других, касающиеся всего спектра поведения индивида: его внешнего облика, его манер, поз принимаемых его телом, его мимики, жестикуляции, тона его голоса. Эти правила существенно разнятся в таких видах ритуалов, как “ритуал уважения”, “ритуал избегания”, “представительный ритуал”. В число ритуалов он включает и поведение на шумной городской улице, где достигается добровольная координация во имя избежания столкновений, и так называемую “лицевую работу” (в буквальном смысле работу лица), когда лицо становится образом “Я”. С помощью лицевой ра-

боты происходит диалог между людьми: можно поддержать, расстроить человека, извиниться и т.п. Добавим к этому, что всякий процесс отправления права есть не что иное как ритуал, без которого правоприменительная деятельность невозможна.

Сегодня в политологической литературе принято различать общества быстро меняющиеся и общества традиционного типа. Некоторые авторы подчеркивают, что в традиционалистском обществе обычаи и традиции в большей степени регулируют поведение человека, влияют на мир его ценностей, чем в обществе меняющемся. Традиционное мышление в большей степени полагается на устоявшиеся веками обычаи, чем на современное право и его юридическое выражение.

Среди множества теорий мифа отметим позицию Э. Кассирера, который рассматривает мифологию наряду с языком и искусством как автономную символическую форму культуры. Мифическое сознание напоминает код для которого нужен ключ. Миф выступает формой творческого упорядочения и даже познания реальности. По Р. Барту, миф — это коммуникативная система, сообщение.

Миф — не “выдумка”, не “пережиток прошлого”, а некий первичный язык описания, в терминах которого человек с древнейших времен моделировал, классифицировал и интерпретировал самого себя, общество, мир. С мифом связан такой феномен как фетишизация сознания, то есть наделение различных объектов свойствами, им не присущими, а людей — приписываемыми им качествами

Мифы важны для человека. С их помощью он упорядочивает свое восприятие пестроты мира. Они являются по-своему альтернативной формой приспособления к жизни по отношению к такой форме как научное знание.

Человек сам создает мифы и добровольно подчиняется им. Особенно ярким примером является искусство, телевидение, реклама, создающие мифологические образы, которым следует реальный человек в своей жизни. Эти образы по-разному интерпретируются. Немецкий исследователь К. Хюбнер приводит следующий перечень возможных интерпретаций мифического образа: как перевознесение, обожествление чего-либо; как “детская болезнь языка”

(например: день “засыпает”, солнышко “радуется”); как ритуал (например, ритуал похорон); как символ (например, символика Востока...).

Мифическое мышление многообразно. Оно творит жизнь и само обусловлено жизненным опытом. Вот какими особенностями обладает, по наблюдениям Р. Барта, мифическое мышление мелкого буржуа, успешно начинающего свою коммерческую деятельность: ею жизненные формулы — “меня не проведешь”, “вы ответите”, “око за око”, “товар-деньги”. Этому типу сознания, как пишет Барт, кажется, что все можно простым уравнением. Этому сознанию невдомек, что есть много смыслов и путей... Для нее все беспредельное мира заключается в тесные рамки расплаты. Это и есть миф так называемого здравого смысла.

У каждой эпохи свои мифы. Но в мифологии древних греков и мифах современного постиндустриального общества есть общее: это фантазия, творческая сила, которая создавая миф, творит реальность и подчиняет человека ей. Мифологические образы оказываются порой правдивее жизни. Эта вечная тема предельно сжато выражена словами В.Шекспира: «Вся жизнь — театр».

Это дает нам основание для обозначения такой разновидности права как право искусства или право художника. По большому счету, это — право свободного человека, ибо мифы он творит сам, в своей собственной голове и в своем сердце. Здесь предполагается и право на защиту этого своего права от подделок, суррогата, насилия извне. Можно сказать, что это есть протофеномен последующего авторского права. В конце концов, это оказывается частью «прав человека».

С точки зрения социологии мифологизация жизни и сознания может быть как в форме индивидуальной, так и в групповой или массовой. Тоталитарный тип общества XX века отличался массовидным насаждением идеологических мифов, играющих очень важные для власти функции социализации индивида и подавления его автономии.

2.2. *Каноническое право и мораль*

Юридические законы фиксируют внешнюю сторону поведения, поступка, они не могут регулировать помыслы, помочь в индивидуальном страдании, надежде, раскаянии — во всем том, что предполагает религиозные чувства, что, связано с внутренним миром человека. Религии эволюционируют. Наряду с традиционными древними религиями сегодня идет процесс формирования новых, современных религиозных конфессий и движений. И те, и другие пытаются органично вписаться в современные жизненные реалии, привлечь свою паству. Поэтому многим из них не чуждо сосуществование с современным правом, озабоченность фактами нарушений нрав человека. Об этом говорят такие примеры как миротворческая деятельность церкви, благотворительная (деятельность Матери Терезы), образовательная (исламские университеты), воспитательная (храмы в колониях и тюрьмах), примиряющая (армейские священники).

Обратимся к истокам христианства. Материалы, приведенные ниже, представляют дайджест из работы А. А. Гусейнова «Великие моралисты».

Приводимое ниже «Законодательство Моисея» — не есть юридическое законодательство. Исторически оно предшествует юридическому, которое, в свою очередь, многое впитало из этого религиозного канона. Взаимоотношения Моисея и израильтян не укладываются в схему взаимоотношений просвещенного, мудрого вождя и косной, своевольной массы. Моисей не просто лучше других выражает волю и интересы народа, он в известном смысле создает сам народ. Для того чтобы племена переплавились в этнос Моисей заложил религиозные, нравственные и законодательные основы их исторического существования. Провозглашенная им религиозность покоится на единобожии, нравственность — на любви к своему народу, законодательство — на принципе равного возмездия. Бог, народ, справедливость — так кратко можно было бы обозначить суть учения Моисея. При этом все три понятия образуют единый нерасчленимый комплекс.

За пределами еврейско-иудаистской культуры имя Моисея, прежде всего сопрягается с десятью заповедями. Когда говорят «ко-

декс Моисея», то обычно имеют в виду именно десять заповедей, хотя на самом деле нормотворческая деятельность Моисея ими не исчерпывается. Десять заповедей являются общей основой, своего рода введением к детализированному своду законов, охватывающему все общественно значимые аспекты поведения человека и включающему сотни разнообразных норм от правил гигиены до форм благочестия. Эти общие религиозно-нравственно-юридические принципы — своего рода философия Моисеева законотворчества. Особое место Десяти заповедей в законодательной части Пятикнижия подчеркнуто тем, что Яхве возвестил их израильтянам сам, в отличие от других законов, которые он предписал через Моисея.

Первые три заповеди предписывают почитать одного лишь бога Яхве, запрещают создавать других богов, предостерегают от необязательного отношения к указаниям бога («не произноси имени Яхве, твоего Бога напрасно» — Исх. 20:7). Почему единый бог? Почему Яхве? Потому что, будучи единым богом, и в качестве единого бога, он является также богом справедливым и ревнивым. Он воплощает в себе правду и силу одновременно. Там, где молятся многим богам, там нет единой правды.

Пятая заповедь предписывает почитание отца и матери. Ее необходимость объясняется не только фактами преступного попражнения детьми воли родителей (так, в Пятикнижии мы находим норму, предусматривающую смертную казнь детям, побившим или проклявшим отца и мать). В контексте Десятисловия эта заповедь приобретает особый смысл,— она призвана подчеркнуть, что новый религиозно-национальный горизонт общественного поведения не отменяет вековечный закон почитания родителей.

Последующие заповеди (с шестой по десятую) можно характеризовать как нормы отношения человека к ближним, понимая под ближними всех представителей своего народа. «Не мсти и не злобствуй на сына своего народа, и люби своего ближнего, как самого себя» (Лев. 19:18).

В содержательном плане справедливость, задаваемая принципами Десятисловия, является равным возмездием. Речь идет об уходящем корнями в родоплеменные отношения принципе талиона или воздаяния равным за равное. Это хорошо видно на примере принципа «не убивай». Заметим, что по духу и букве Пятикнижия

сфера действия требования «не убивай» ограничена Израилем. Во взаимоотношениях с другими народами законы Моисея предписывают или их подчинение, или когда речь идет о народах, населяющих обетованную землю полное уничтожение. Что касается наказаний за отступление от требования «не убивай», то они заключаются в том, чтобы отвечать убийством на убийство (если нет очевидных доказательств того, что оно было совершено непредумышленно), увечьем на увечье по принципу: жизнь за жизнь, око за око. Такой же принцип кары действует и в других случаях.

С собственным учением Иисус выступил в 30 лет — в возрасте традиционно считающемся временем личностного созревания. Проповедовал он три года, после чего был обвинен синедрионом в богохульстве и казнен. Решение о казни было принято еще под давлением взбудораженных прихожан и утверждено римским прокуратором Понтием Пилатом. Казнь осуществили римские власти. Форма казни считалась самой позорной, предназначенной для рабов и разбойников. Иисус был распят за слово, за мысль, за учение. И сделали это две силы: государственная власть и разъяренная толпа. Тем самым эти две силы обнаружили свою темную сущность и заклеямили себя как враждебные личности, свободному духу.

Первое, что требуется от человека, — это осознать несущественность, второстепенность всех земных целей и стремлений. Надо правильно обозначить масштаб ценностей и понять одну истину: «Что высоко у людей, то мерзость перед Богом». Мир, считает Иисус, не содержит в себе своей ценности: в перспективе небесного царства он ничтожен, каким бы значительным и соблазнительным ни казался. Словом, земная жизнь в себе несовершенна, и ничто в ней, будь то богатство, удача, слава, не стоит того, чтобы быть сокровенной целью человеческих стремлений. Сердце не может принадлежать миру.

Человек в своих практических решениях не может спрятаться за учение или священные формулы. Всегда, в каждой ситуации, он должен действовать сам, на свой страх, свой риск, свою ответственность, не только не чувствуя какую-либо зависимость от обстоятельств, напротив, действуя так, как если бы обстоятельства полностью зависели от него. Для позиции Иисуса Христа показательно, что он осуждает поступки, которым иудаизм придавал

достоинство священных действий. Наиболее характерный пример — отношение к субботе. Иудеи посвящают субботу богу и в этот день запрещалась мирская активность. Иисус и его ученики не соблюдали этот запрет с требуемой тщательностью: однажды в субботу ученики срывали колосья в поле. Иисус лечил в этот день больных. В ответ на упреки фарисеев о святости субботы Иисус отвечает удивительно лаконичной формулой: «Суббота для человека, а не человек для субботы». Неверно думать, будто Иисус был равнодушен к обычаям своего народа или даже попираал их. Ни то, ни другое. Он чтит обычаи, конкретные предписания Моисеева закона. Он только не соглашался с тем, что какие бы то ни было *внешние* действия могут иметь характер абсолютных норм и считаться критерием достойного поведения.

Иисус переворачивает сложившийся порядок ценностей. Люди заботятся о материальном, о хлебе насущном, чтобы устранить свои страдания, не понимая того, что как раз в этом и заключается причина страданий. Иисус настойчиво призывает людей осмыслить свой печальный опыт. Тысячелетия люди озабочены тем, что им есть, что им пить, во что им одеться. И у них нет вдоволь ни того, ни другого, ни третьего. А есть лишь постоянные муки и нескончаемые конфликты. Не потому ли это происходит, что люди заботятся не о том, о чем следует заботиться, что перепутали главное и второстепенное?

Подлинным испытанием способности человека к любви является отношение к врагам. Мысль Иисуса, что любовь вообще есть испытание человека, есть его высшее предназначение, была подхвачена философами XX столетия. Об этом много писал Э.Фромм, анализируя социально-психологические типы современного человека. По Фромму, любовь — главное содержание личности продуктивной ориентации, в отличие от типов непродуктивной ориентации.

Крупнейшие религии мира — конфуцианство, буддизм, ислам, иудаизм, христианство — были и есть носители культурных ценностей, созданных народами в течение веков. С этими ценностями связан образ жизни народов, их хозяйственная этика, их обычаи, правовые представления. Исследователь социологии религии М. Вебер писал об особенностях хозяйственной этики мировых

религий, о роли религиозных ценностей в жизни семьи, в системе воспитания детей. В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» он прямо пишет об обусловленности успешного бизнеса немецкого бюргера его протестантскими взглядами на основные жизненные ценности, укорененностью рационального начала, господствовавшего на Западе начиная с XVI—XVII веков. Под рационализацией в данном случае подразумевается определение практической цели и точное исчисление адекватных для ее достижения средств.

Говоря о рационализации мышления в условиях складывания рынка в Европе, необходимо заметить, что эта рационализация как тип отношений очень гибких и подвижных, ориентированных на интересы двух сторон, неизбежно входит в противоречие с обычаем как оплотом стабильности.

2.3. Естественное право и мораль

Естественное право древние греки связывали с природой человека, с его правом на жизнь, удовлетворение своих естественных потребностей, с правом на наслаждение, на «хлеб и зрелища», и в то же время — правом на аскезу, на индивидуальную свободу.

Представление о естественном праве, сформировавшееся в античности, в своем модифицированном виде дойдя до сегодняшнего дня, выразилось в идее «прав человека». При этом историческая эволюция представлений о естественных правах достаточно показательна, ибо она отражает изменение взглядов на место и роль человека в обществе, на отношение государства к человеку и человека к государству. В рамках естественных ценностей человек не отделяет себя от природы. Он слит с нею. Его внутренняя и внешняя природа находятся в гармонии. Этот короткий миг гармонического человека в истории европейской цивилизации запечатлен в античной пластике — скульптурах Фидия, Поликлета, в которых образ бога и божественной красоты слит с образом человека и человеческой красоты. Каждый поступок человека отождествляется именем бога, боги руководят человеческими делами.

Правильно понятый характер связи искусственного с естественным является, по Демокриту, критерием справедливости

в этике, политике, нравах. Греческие софисты противопоставляли законы природы (фюсис) законам полиса (номос), подчеркивая, что вторые принуждают ко многому, что противно природе.

Платон разделал позицию Сократа. По Платону, законы и справедливость одно и то же, в их основе лежит божественное идеальное начало. Более того, он находит связи между типом государственного устройства (аристократия, олигархия, демократия и тирания) и видом душевного (в нашем контексте — естественного склада людей). Каждая форма государства гибнет из-за внутренних раздоров, противоречий, злоупотреблений. Лучшая форма государства — «средняя», в которой доминирует во всем «средний» элемент: в нравах — умеренность, в имуществе — средний достаток, во властвовании — средний слой. Государство, состоящее из «средних» людей, будет иметь и наилучший государственный строй, — утверждал Аристотель.

У Аристотеля высказана одна из наиболее четких позиций разделения двух форм права. В дальнейшей истории европейской правовой мысли можно наблюдать либо акцентированное внимание на естественной природе человека, либо на ином начале: разумном, рациональном творении правовых норм.

Становление естественного права, дискуссии вокруг него родили ряд философских школ: стоики, киники, эпикурейцы. Предметом их анализа был вечный спор о том, что дано человеку природой и является его незыблемым правом человека духовно-религиозных исканий. В эпоху Просвещения взгляды французских просветителей Вольтера и Руссо связывали с естественным правом такие ценности как свобода и равенство.

С ценностями естественного права были связаны концепции российских историков, правоведов, философов (Б. Н. Чичерин. П. А. Сорокин, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев. П. И. Новгородцев). Так, например П.И.Новгородцев писал: «Естественно-правовые построения являются неотъемлемым свойством нашего духа и свидетельством его высшего призвания. Общество, которое перестало бы создавать идеальные построения, было бы мертвым обществом». Н. А. Бердяев, связывая стиль русской жизни с особенностями души человека, писал: «Россия — самая безгосударственная, самая анархичная страна в мире... Русский народ как будто бы

хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве... Россия — страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами... Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни...».

С ценностями естественного права связаны персоноцентристские концепции, обратившиеся к проблеме «прав человека» в современном мире. К этому перечню можно добавить социально-философские доктрины, объясняющие поведение человека преимущественно биологическими (Г. Спенсер, Т. Мальтус. Ч. Ламброзо), географическими, климатическими и геополитическими (Л. Мечников, Л. Гумилев), социально-психологическими (З. Фрейд, Э. Фромм) механизмами. Именно эти системы взглядов служат основой как для защиты прав человека, так и для отъема их, покушения на них, преследований, репрессий, войн.

В современном мире к числу естественных прав человека можно отнести право *на* информацию, на получение образования. Это право реализуют даже заключенные, находящиеся в тюрьмах и колониях.

Э. Фромм называет естественными те потребности человека, которые вытекают из условий его существования. В своей работе «Здоровое общество»¹ он дает следующие характеристики этих потребностей:

- преодоление и созидательность в противовес разрушительности:
- укорененность и братство в противовес кровосмешению:
- чувство тождественности и индивидуальности в противоположность стадному конформизму.

Ярким примером полярности таких оценок является уже упомянутое отношение к войнам. Попробуем проиллюстрировать это отношение в высказываниях представителей различных эпох и воззрений:

Демокрит (ок. 460—370 гг. до н.э.): война — бедствие для обеих враждующих сторон.

Платон (427—347 гг. до н.э.): война — главный источник частных и общественных бед. Особенно ненавистны ему войны между эллинами. Выход — в справедливых законах.

Т. Гоббс (1588—1679 гг.): человек — существо эгоистичное, обуреваемое жадностью и честолюбием; его окружают соперники и враги; человек человеку — волк; в обществе неизбежна война всех против всех — это естественное состояние рода человеческого; в природе заложено и стремление к миру; выход — в абсолютной власти государства; тот, кому принадлежит власть, не связан никакими законами: государство аналогично человеческому организму: гражданский мир — это его здоровье, а мятежи и гражданские войны — это его болезнь; ссылки узурпаторов на стремление обеспечить порядок силой вызваны не стремлением к миру, а стремлением к грабежу; если правители нарушают общественный договор, то народ имеет право на вооруженное восстание с целью вернуть государство на путь закона. Право войны принадлежит каждому государству в отдельности, право мира — это право по меньшей мере двух государств; война должна вестись только в целях мира: необходимо взаимопомощь государств.

Г. Гегель (1770—1831 гг.): видел в войнах проявление «мирового духа» и считал их неизбежными .

Ленин (1870—1924 гг.): есть войны справедливые (освободительные, гражданские) и несправедливые (захватнические).

Э. Фромм (1900-1980 гг.) объясняет войну с точки зрения социально-психологической инструментальной агрессии «, преследующей достать то, что необходимо и желательно. Разрушение — вспомогательное средство для этого. Перечисленные факторы делают войну возможной. Причиной же войны является *инструментальная агрессия* политических и военных элитарных групп. Фромм пишет и о другой причине войн — *оборонительной агрессии*, которая заложена в человеке генетически как реакция на угрозу его витальным потребностям и интересам. Главное условие состоит в том, чтобы устранить из жизни взаимные угрозы, как индивидов, так и групп. Это во многом зависит от материальных условий жизни.

Таким образом, когда мы говорим сегодня о предотвращении войн с помощью правовых механизмов международного права, не

нужно забывать о том, что естественные права человека остаются, они не поглощены юридическим правом, следовательно, заключенный в них потенциал продолжает проявляться самым неожиданным образом.

Отделение естественного права от права, конструируемого искусственным путем, с помощью разума, проектировочной деятельности человека — впервые зафиксировало автономность человека в обществе, несводимость человека к социуму, в который он включен, возможность несовпадения их интересов, сложную судьбу «общественной» жизни человека, его вечный поиск себя в мире и мира в себе, необходимость личного выбора своей судьбы:

а) часть естественных прав перестала быть таковыми и оказалась в плену законнического догляда, то есть часть свободы человек утратил;

б) возникла возможность «нарушения прав» человека не естественно и спонтанно, а целенаправленно со стороны законодателя, государства и его органов:

г) возникла теоретическая проблема: что считать естественным:

Ведь естественные возможности, блага меняются с развитием *средств* жизни: что было неестественным — становится естественным (телевидение, нужда в средствах связи и т.п.), и наоборот (способ передвижения на лошади, обычай писать длинные письма). На эмпирическом уровне государство и правовые структуры зорко следят за ситуацией. Если люди много пишут писем — надо повысить стоимость почтовых услуг, если много звонят по телефону — то же самое. Происходит своеобразное ущемление естественных прав, что вызывает реакцию их отстаивания. И так — вечное противостояние, напряженная готовность к отражению «атаки».

Этнос — система динамическая, претерпевающая непрерывный внутренний трансформационный процесс, однако, имеющая некоторую устойчивость в своей изменчивости. То, что составляет этнос, можно рассматривать под разным углом зрения: как сложившийся образ жизни, как этнос с определенной долей условности — как естественное право.

Основными ценностями, культивируемыми в пути, становятся поиск и достижение цели. Путь — это особый опыт, связываю-

щий между собой разные миры и являющийся источником новых. Творческий человек, практикующий миграционный опыт, творит и связывает между собой миры культуры, не будучи в плену ни одного из них.

Вместе с миграцией меняется структура пространства, местности. Людей объединяют долины рек, пастбища и огороды, охотничьи хозяйства, рынки, порты, торговые, промышленные зоны, храмы, жилища, школы, театры и т.д. Одновременно устанавливаются политическая, церковная и другие социокультурные структуры в форме государств, областей, общин, епархий. Результатом и выражением этой структурности являются законодательство, мораль, общественная психология, идеология.

Стабильный опыт и опыт миграции как бы противоречат друг другу. Правила, сложившиеся в устойчивых, стандартных, повторяющихся обстоятельствах, не годятся тому, кто находится в постоянном движении. Динамичный опыт отражает пограничные явления, связанные с риском, с экстремальным напряжением сил. Здесь индивид трансформирует, меняет самого себя, в условиях, когда невозможно трансформировать неподатливую и враждебную реальность.

Нужно заметить, что ценности естественного права не исчезают. Они частично поглощаются государственным правом, приобретая статус узаконенных, частично остаются в сфере чисто моральных ценностей и продолжают жить в отдельных слоях общества, частично сохраняются в превращенном виде в искусстве, эпосе, фольклоре, формах быта, в памятниках вещественной культуры, в языке. Все это позволяет возродиться идее естественного права в разные периоды истории: в эпоху Возрождения XIV—XVI веков, в идеях французских Просветителей XVIII века, в современных концепциях «прав человека». Более того, как было уже замечено, появляются новые права человека, приобретающие значение естественных. Это право на информацию, на получение необходимого образования, на труд, на социальное обеспечение. Сегодня статус естественных прав не определяется тем, что они закреплены законом или нет. Он определяется их общественной и гуманистической значимостью. И в тех случаях, где закон еще недостаточно гарантирует общественные структуры (общества инвалидов, твор-

ческие союзы, фонд защиты гласности, организация солдатских матерей др.), помогающие в осуществлении этих прав.

Параллельно с развитием идеи естественных нрав развиваются и другое направление — апология разумного, рационального, научного, политического, государственного подхода к праву. В рамках этого взгляда право конструируется сознательно, реализуется в политических институтах и законодательной системе, связано с юридическим ритуалом и тщательной дифференциацией норм. Такое право получило название позитивного права. Наиболее яркими страницами его истории явилось Римское право, его последующие интерпретации в Европе, выразившиеся во взглядах таких представителей, как Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк и др.

Необходимо отметить, что в различных исторических условиях соотношение «естественного» и «искусственного» в праве было различным. Это определялось соотношением субъекта и объекта. «Непроснувшийся» субъект нуждается и правовых рамках, ему соответствует авторитарный или тоталитарный политический режим, а, следовательно, чаша весов склоняется в сторону позитивного права, права-закона. Активный субъект, стремящийся удержать и сохранить свои естественные права, отстаивает демократические режимы. Ф.Хайек в своей работе «Дорога к рабству» пишет об основных чертах индивидуализма (как противоположности «социалистическому коллективизму») следующее:

— уважение к личности как таковой, т.е. признание абсолютного приоритета взглядов и пристрастий каждого человека в его собственной сфере деятельности, сколь бы узкой она ни была;

— это индивидуализм, выросший из элементов христианства и античной философии. Он полностью сложился в эпоху Возрождения и с тех пор разросся...

Далее он пишет, что при тоталитарном режиме у власти всегда оказываются худшие, ибо больше шансов на успех имеют люди без моральных устоев и без совести. Малочисленная группа, сильная, чтобы навязать свои взгляды остальным, никогда не будет состоять из людей с развитыми индивидуальными вкусами.

В бывшем СССР, начиная с 1917 года, демократическое, в европейском понимании, право было попрано. Его заменила своеобразная диктатура «закона», отвечающего сначала требованиям

революционной целесообразности, а потом — идеологии класса (рабочего класса, как утверждала официальная идеологическая доктрина, сформулированная властью). В действительности же право подменялось постановлениями и решениями партийно-государственного аппарата. При этом естественные человеческие права (на жизнь, на создание семьи, воспитание детей, на получение желаемого образования, на перемену места жительства, на зарубежные поездки и многое другое) были монополизированы, если не сказать — узурпированы, властью. Человек не был волен даже по отношению к самому себе, он мог совершать что-либо только в строгих рамках, установленных властью. И позитивное, рациональное, право (как компромисс субъекта и объекта) в этих условиях тоже отсутствует, оно подменяется предписаниями, усредненными, унифицированными и едиными для всех правилами, или условно-распределительным правом.

Таким образом, место и удельный вес естественных прав в системе жизнедеятельности того или иного государства определяется местом и ценностью человека, мерой его автономии, свободы и независимости.

2.4. Римское право как нравственная ценность

Значение Римского права не ограничивается его собственно юридическим содержанием. Нравственный аспект его имеет и самостоятельное значение. Римское право занимает в истории человечества исключительное место. Как писал И. А. Покровский, оно пережило создавший его народ и дважды покорило себе мир.

Но с ростом империи старый патриархальный строй рушится, примитивное натуральное хозяйство заменяется сложными экономическими отношениями. Новая жизнь требует напряжения сил, способностей каждого отдельного индивида. И римское право меняет свой характер, перестраивается. Одной из важных нравственных особенностей становится ее индивидуалистическая направленность. Его краеугольными камнями становятся свобода личности, свобода собственности, свобода договоров и завещаний.

Второй особенностью римского права становится его универсальность. Она связана с тем, что Рим все больше втягивается в

международные торговые отношения. На его территории постоянно завязывались бесконечные деловые отношения, в которых принимав участие торговцы разных национальностей; римские магистраты должны были разбирать споры, возникающие из этих отношений, вырабатывать нормы для разрешения этих споров. Старое римское национальное право для этой цели не годилось, необходимо было новое право, которое было бы свободно от всяких местных и национальных особенностей, которое могло бы удовлетворить и римлянина, и грека, и египтянина, и галла. Нужно было право всемирное, универсальное, которое впитало бы в себя обычаи международного оборота, вырабатывавшиеся в международных сношениях.

Приведем еще раз слова И. А. Покровского: «По существу, творцом этого права был. таким образом, весь мир. Рим же явился лишь тем лаборантом, который переработал рассеянные обычаи международного оборота и слил их в единое, поразительное по своей стройности, целое. Универсализм и индивидуализм — основные начала этого целого».

Римское право нашло свое классическое завершение в знаменитом своде — *Corpus Juris Civilis* императора Юстиниана. Естественное экономическое развитие новых народов приводит их к международным торговым отношениям. Снова экономический прогресс требует освобождения личности от всяких феодальных, общинных и патриархальных пут, требует предоставления индивиду свободы деятельности, свободы самоопределения. Римское право снова делается предметом внимания и изучения. Оно переходит в местное и национальное законодательство, то есть совершается то, что носит название *рецепции римского права*. В Германии, например, до 1900 года сохранялось даже формальное действие Юстиниановского свода, материальное действие его сохранилось в параграфах и статьях современных кодексов. Недаром оно считалось писанным разумом, *ratio scripta*.

Удивительным является то, что римское право с успехом наследуется как государствами и политическими режимами демократического типа, так и авторитарного (или тоталитарного). Разница только в том, что первые это делают открыто и гласно, вторые — негласно. Как объяснить эту полезность для столь противополож-

ных условий? Иными словами, поначалу с помощью права мир человека как бы гармонизируется, в него вносится порядок. Но в это же самое время, едва возникнув, этот порядок очень скоро преступает меру и переходит в свою противоположность. Ибо Римское право эволюционирует вместе с изменением жизни, экономических и идеологических ее проявлений.

В эпоху царей, предшествовавшую периоду республики, оно определяло основные элементы государственного устройства: царь, сенат, народное собрание. Царь является верховным владыкой государства, в его руках сосредоточиваются все функции государственной власти. Он является и верховным полководцем народа, и блюстителем внутреннего порядка, и представителем народа перед богами. В качестве полководца он распоряжается военными силами, назначает командиров. В качестве блюстителя внутреннего порядка он имеет право суда и наказания над всеми гражданами, вплоть, то права жизни и смерти. В качестве верховного жреца он определяет совершение общенародных жертвоприношений.

Народное собрание, представляющее разные курии, обсуждал новые законы, вопросы гражданства, частно-правовой жизни, внутренней и внешней политики (например, объявление войны, о заключении мира). Разве эта структура власти не напоминает современную? В различных режимах меняется только значимость каждого из трех элементов, степень открытости или, наоборот, закрытости и сакральности.

Здесь возникает еще один любопытный аспект. Открытость и закрытость власти давно интересует политологов и философов. Достаточно упомянуть о работе К. Поппера «Открытое общество и его враги», в которой закрытость автор связывает с наличием в стране внутреннего тоталитарного национализма, оживлением племенной психологии, распространением морального принципа коллективной ответственности, уравниловкой, враждебным отношением к другим народам и ко всем инакомыслящим.

История римского права периода республики тоже поучительна с точки зрения зарождения нравственных норм — критериев в политической жизни. Территориальное расширение Рима привело к тому, что в организации государственного устройства необходимо было учитывать разнообразие территорий. Их жители имели раз-

ный гражданский статус и в зависимости от него делились на 2 группы.

1. Полноценные граждане, наделенные всеми нравами. Это была самая привилегированная категория, удел немногих.

2. Те, кто получали полную правоспособность в области гражданских отношений, но не имели политических нрав. Внутренняя автономия их муниципий ограничивается, для управления ими посылаются из Рима особые префекты.

В то же время жители этих общин в определенных отношениях оставались для римлян чужестранцами и в этом своем качестве были лишены права сделки. Хотя для защиты их имущественных прав постепенно создаются особые нормы. Общины, потерпевшие в борьбе с Римом решительное поражение. Они утратили всякую внутреннюю самостоятельность, свое управление и управляются начальниками, посылаемыми из Рима. Правда, добровольная сдача Риму предполагала хотя и слабый, но элемент договора. Там, где не было такой сдачи, наступала оккупация (*occupatio*), произволу Рима уже не было никаких ограничений, жители как военнопленные обращались в рабов. В это же время разрабатывается социальный закон городского устройства (45 г. до н.э.), определяется особое юридическое отношение к землям, находящимся под властью Рима, но за пределами Италии — провинциям (*provincia*). Таким образом, можно сделать следующий вывод: неравенство жителей, порожденное естественными факторами (территориальным, географическим), было закреплено в праве.

Историю Древнего Рима принято делить на три периода:

царский (754-510 гг. до н.э.); республиканский (509—28 гг. до н.э.); императорский (27 г. до н.э.— 476 г. н.э.). После — распад империи и деление ее на Западную (столица — Рим) и Восточную (столица — Константинополь).

Элементами государственной власти в республиканском Риме являются народное собрание, сенат и магистратура.

В народных собраниях находит реальное выражение идея народного верховенства. Собрание при этом определенным образом организуется, имеется несколько видов собраний. В собрание вносятся законопроекты, голосование проводится в открытой и закрытой (письменной) форме. Магистратуры — власть на местах.

Магистраты — представители государственного «величества». Должность магистрата — не служба, а почеть, это власть выборная и безвозмездная. Но она имела и ограничения: магистраты избирались на год, действовал принцип коллегиальности, возможность привлечения к суду за должностные действия (принцип ответственности).

Эта стройная система была не лишена издержек. Как и сегодня, лицо, желавшее выставить свою кандидатуру на ту или иную должность, проводило свою агитацию. При этом были и злоупотребления, и подкупы. Об этом свидетельствуют законы, направленные на борьбу с недобросовестной агитацией. Цензура играла различную роль в жизни общества. В лучшую пору республики она имела облагораживающее влияние на политическую жизнь, но так было не всегда.

Для защиты, прежде всего плебейского сословия от произвола магистратур существовали народные трибуны, то есть своеобразные контролеры, магистратура против магистратур. Они приобрели постепенно право протеста против устанавливаемых общих норм в целях защиты социально низших народных слоев.

Итогом правового развития описанного периода римского государства является система права, опирающаяся на 2 источника:

— право цивильное (система норм гражданского законодательства):

— права человека: эти нормы заимствуются из общих обычаев международного торгового оборота, в котором принимают участие деловые люди разных стран и национальностей: по своему содержанию это право общенародное, оно отличалось большей свободой и гибкостью. Многие положения его перешли путем обычая или закона из преторского эдикта в оборот между гражданами, вытеснив специфические Римские нормы. Положительное значение этих норм в том, что они наводили римских юристов на мысль о том, что существует некоторое общее для всех народов право, состоящее из правил, признаваемых одинаково всеми, например, родство, почитание родителей, реакция против причиненного зла и т.д. Задаваясь вопросом о причине такой общности, они полагали, что причиной является сама природа человека (или даже природа всех животных). С этой точки зрения такое право, диктуемое самой природой, стали

называть естественным правом или *jus naturale*. Покровский И. А. считал, что появление двух понятий “права человека” и “естественное право” свидетельствовало о первых шагах юридической мысли в более широкой области — философии права.

С этими понятиями связано и понятие “справедливости”, которое представляли как нечто, охватывающее принципы морали, социальной политики. Государство Цицерон определяет как дело, достойное народа, как выражение общего интереса всех его свободных членов, но одновременно и как согласованное правовое общение этих членов, как правовое образование, как “общий правопорядок”. Как бы возвращаясь к авторитетным для него представителям древнегреческой мысли, он вновь подчеркивает, что в основе стремления к государственному образованию — не страх и слабость людей, а их врожденная, *естественная потребность* жить вместе. Возникновение государства, по Цицерону, отвечает всеобщим требованиям природы, в том числе — человеческой природы. Именно благодаря тому, что люди самой природой наделены «семенами» разума и справедливости, что им доступно постижение божественных начал, стало возможным само возникновение упорядоченного человеческого общения, добродетелей, государства и права.

Анализируя три формы правления (царскую власть, власть аристократии, власть народную — демократию), он считал наиболее лучшей смешанную форму, объединяющую достоинства каждой. Ибо в чистом виде каждая из них — уродлива. Тирания владыки или толпы, господство клики — уже не являются формами государства, в этом случае оно просто отсутствует в понимании государства как общегосударственного дела и достоинства народа.

Отстаивая смешанный тип государства, Цицерон как практический политик занимал «срединную» позицию, лавируя между приверженцами политических ориентации, выражающих интересы верхов и низов общества. Его последующая борьба против надвигающейся военной диктатуры привела к гибели: он был включен в списки лиц, подлежащих смерти без суда, и казнен обезглавливанием.

Естественное право — высший, истинный закон. Право устанавливается природой, а не человеческими решениями и постанов-

лениями. Закон, устанавливаемый людьми, не может нарушить порядок в природе. Соответствие или несоответствие человеческих законов природе (и естественному праву) выступает как критерий и мерило их справедливости или несправедливости. Вот образец справедливости: тот, кто разумно повелевает, рано или поздно должен будет подчиняться, а тот, кто покорно подчиняется, достоин того, чтобы рано или поздно начать повелевать.

В учении Цицерона содержится деление писаного (в отличие от естественного) права на частное и публичное. Римское право в целом и творческое наследие Цицерона оказали большое влияние на всю последующую культуру, на взгляды христианских мыслителей, деятелей эпохи Возрождения, французских просветителей.

Исторический экскурс, к которому мы обратимся, оказывается очень полезным для анализа современных тенденций: разорванность целостности отечества в сознании человека, удаление от жизни, увлечение чувственной стороной или в старание добыть средства к жизни путем пронырливости и хитрости, или насилием. Некоторые ищут себе утешение в философии различных направлений: стоицизм, эпикуреизм, скептицизм. Беспомощность римского мира, его состояние стали «муками родов другого, более возвышенного духа, который открывается в христианской религии».

2.5. Позитивное право и мораль

Понятие «позитивное право» вошло в употребление в XIX веке, с развитием позитивистского направления в философии. Позитивизм в философии был следствием развития естественнонаучных знаний. Законы физики, биологии переносились на общество. Еще с XVIII века — эпохи французского просвещения — началась эра социального проектирования. В кругах политических деятелей, юристов было распространено убеждение, что с помощью совершенных законов можно изменить общество, улучшить его. Пафос возможного Усовершенствования общества и человека с помощью науки, разума, образования, воспитания стал смыслом этики нрава.

Таким образом, человек, в соответствии с этой теорией, превратился в *объект* воздействия на нее внешней среды, стал «ре-

зультатом» математического уравнения, в котором все составляющие величины могут быть просчитаны и учтены. Казалось, что и в рождающемся массовидном обществе второй половины XIX — начала XX веков (нового типа общества, где развивается крупное производство, используется массовый труд и развиваются столь же массовые формы досуга, образования, развлечения и т.д.) социальные нормы — гарантия упорядоченности. Так называемое нормирование стало проникать всюду: норма труда, норма необходимого потребления, норма здоровья, нормативы в проектировании массовых жилищ, городов, вокзалов, больниц, школ. Возникла иллюзия, что норма — основа цивилизации.

Позитивизм в праве имеет двоякий смысл. Если иметь в виду право в широком смысле слова, то понятие «положительное», «позитивное» применимо к различным разновидностям права: религиозному нраву, обычаю, ритуалу, морали. То есть положительным правом охватывается все то, что устоялось, принято, догматизировано. В этом же смысле классическим положительным правом является римское право.

Несколько иной смысл придается позитивному нраву, начиная с XIX века, с появлением философского позитивизма. Здесь правовой позитивизм относится уже к реально существующему юридическому праву, праву в узком значении слова, праву государственному.

В то же время позитивистским в правопонимании становится признание причинно-следственного механизма (принцип связи причины со следствием), лежащей в основе ньютоновской физической картины мира. Одним из направлений позитивизма в праве является нормативизм.

Позитивистская позиция по своей природе консервативна. Она догматизирует не только юридические законы, но и лежащие в их основе социальные нормы. Представители нормативистского направления в праве ратуют за полное очищение закона и правовой нормы от следов их социального происхождения, они рассматривают норму как чистый продукт человеческого интеллекта.

Другим направлением позитивизма и праве стал логический позитивизм или юриспруденция понятий, выдвигающие на первый план логическую безупречность юридических суждений и

конструкций. И здесь логика разума, интеллекта затмила логику (в действительности же — алогизм) жизни.

Пытаясь восстановить утраченную связь между логикой закона и жизнью, представители неопозитивизма (Р. Карнап, Г. Л. Харт) выдвинули идею конвенциализма, то есть рассмотрения права «как они его представляют», конвергенции позитивного права с нормами естественного права, «которые законодатель должен соблюдать»:

— первый тип — законодательные установления, требующие от людей действовать или воздерживаться от действия;

— второй тип — совокупность норм, определяющих процессы создания, изменения и функционирования норм первого типа. Эти нормы в свою очередь подразделяются на: а) нормы признания (указывающие на существование других правовых норм); б) нормы изменения; в) нормы процесса (правила вынесения судебного решения).

А. Этатический позитивизм мыслит право как инструмент и форму осуществления государственной политики.

Б. Социологический позитивизм стремится вскрыть социальные истоки правовых государственных актов с помощью изучения интересов, нужд людей; расширяет правовую основу за счет включения в ее сферу разнообразных общественных отношений.

Внешним регулированием психологические схемы поведения человека, его биологические механизмы, его этнос. Эта сфера всегда была во власти естественного права, религии, морали. Но современный позитивизм пытается и ее захватить. Итак, трем разновидностям юридического позитивизма соответствуют три сферы правовой действительности: государство, общество, человек.

Необходимо разобраться в достоинствах и недостатках позитивного права, учитывая, что у него и сегодня много приверженцев. Свое развитие и обоснованность позитивное право получает в эпоху возникновения массового общества, становления индустриальной цивилизации, требующей адекватной формы управления, регулирования, манипулирования массовым поведением. Единая управленческая функция в этих условиях реализуется государством, которому требуются единые унифицированные рычаги, роль которых и выполняет право. При этом позитивное

право обнаруживает свои по-своему сильные стороны: его доступную каждому выраженность в письменной форме (1), его унифицированную для всех и каждого норму (2), его государственную обеспеченность (добавим — и заинтересованность) (3).

С помощью хороших законов можно изменить ситуацию: 1) в основе подобных взглядов, еще раз подчеркнем, объектоцентристская позиция понимания человека: не человек себя утверждает в мире, свободно развивает свое творческое начало, реализует нравственные ценности, а условия диктуют ему форму жизни, современное государство и его институты, присвоившие себе функцию руководить человеком.

Понятно, что детально прописанная норма облегчает жизнь, делает поведение прозрачным, то есть понятным и предсказуемым. Мечту о таких нормах показали авторы социальных утопий А. Платонов, Дж. Оруэлл. Отметим, что нормативизм имел разную судьбу в странах с различными политическими режимами: тоталитарных, демократических, восточной и западной специфики. Отечественный вариант нормативистской морально-правовой модели ярко описан в социологических романах А. Зиновьева.

2.6. Живое право как источник правовой морали

В XX веке возникла идея соответствия права разнообразию жизненных ситуаций, условия, соответствия живой жизни. Отсюда — появление термина «живое право». Как пишут современные теоретики, происходит рационализация естественного права (Ю. Хабермас). Одновременно право приобретает все более конвенциональный характер, вызванный необходимостью диалога людей, диалога общественных систем, цивилизаций. Частное право стремится предоставить максимум возможностей, свобод предпринимателю, гражданину. Детальная нормативность уступает место общим принципам, установленным на конвенциональной основе. А частные задачи реализуются в региональном, местном, национально-территориальном и т.п. праве. Обнаруживается огромное испанное потенциальное правовое поле. Права в ее живом варианте не хватает. Не хватает и нравственных ценностей, ибо они были выхолощены годами господства формальных норм.

Таким образом, сама жизнь, эмпирическая реальность, опыт становятся источниками новой правовой и юридической этики — при условии взвешенного и тщательного их изучения с помощью инструментария самых разных наук (антропологии, социологии, социальной психологии, регионологии и т.д.). Ю. Хабермас в своей работе «Знание и интересы» вводит понятие «когнитивный интерес», которое у него выражает как естественное, так и рациональное начало процесса жизни.

Под живым правом мы понимаем эмпирическую реальность, жизнь, гражданские отношения. Реальный поток «живой» жизни создаст поле для правовой рефлексии, для так называемого судебного прецедента, который в эпоху римского права был зафиксирован в преторском праве, а позднее в Англии — в праве судей. Живое право есть реакция на принимаемые законодателем нормативные документы. Живое право связано с социальной психологией групп, с психологией разных возрастов, с климатом, ландшафтом, национальными особенностями, с этносом, с особенностями жизни в регионах.

Представление о живом праве дают специально организованные «съемы» информации: социологические исследования, экспертные аналитические данные, журналистские расследования; информацию эту можно получить и косвенным путем — через искусство, художественное творчество, культурную жизнь. Живое право имеет много общего с обычаями, религией, естественным правом.

В итоге можно заключить, что перечень источников правовой морали невозможно ограничить. Мы остановились только на основных. Безусловно, на ее развитие оказывают влияние научные открытия, технические изобретения — все, что оказывает влияние на жизнь человека и является продуктом творчества человека.

Особое место в ряду гносеологических источников правовой морали принадлежит антропологии — учению о человеке. Естественнонаучная и медицинская антропология определяет место человека в царстве живых существ. К ней относятся анатомия, физиология, учение о расах и т.п.

Данные естественнонаучной антропологии имеют к правовой этике косвенное отношение. Ибо далеко не все здесь определяется человеческим вмешательством. В то же время новейшие открытия

в биологии человека (возможности изменения пола, дети «из пробирки», механизм клонирования, трансплантация человеческих органов, медицинская криминологическая экспертиза и т.н.) не только нуждаются в правовом оформлении, но требуют, прежде всего, нравственной опеки и уже на ее основе — принятия правовых решений.

Мы не будем подробно останавливаться на работах названных авторов, а отошлем читателя к специальной литературе. Здесь же позволим себе остановиться на главных открытиях антропологической философской школы, которые оказали решающее влияние на современное право, этику, социальную психологию, педагогику и другие науки, связанные с изучением человека.

Можно назвать три плодотворные идеи, которые оказали влияние на мысль XX века и носят парадигмальный характер. Антропологическая парадигма XX столетия связана с именем Макса Шелера. Осмыслив формулу Ницше о человеке как незавершенном животном, Шелер показал человека как свободное, открытое, «мыслящее существо». У человека есть возможность саморазвития, само изменения. Как биологическое существо человек уязвим, ограничен, но как мыслящее — он бесконечен. Здесь нет ориентиров, нет указанного маршрута: человек, как заметил Фромм, приговорен искать человеческое в себе самом.

Мысль Шелера о незавершенности человека он развил дальше. В человеке преобразуется все — и его природа, и присущая ему субъективность. Этот вывод позволил Фромму сделать заключение о том, что человек не является от природы добрым или агрессивным, что в нем скрыты истоки всего возможного: разрушительности, деструктивности, ненависти и авторитарности. Более того, и разум человека не является всегда равной себе величиной, он позорному обнаруживает себя в конкретные культурные эпохи.

Человек, по Фромму, — исток и завершение антропологической картины. Человеческое бытие принципиально свободно, ничем не сковано. Человек не то, что есть. Он таков, каким может быть. Фромм близок к экзистенциалистской традиции: понять человека через противоречия его собственного бытия, через способ его существования. Главное противоречие человека Фромм видит в том, что, будучи природным существом, человек постоянно отри-

дает свою природу, в этом его драма. Индивидуальность человека в его страстях, стремлениях. Любовь, страх, вера, властолюбие, фанатизм... Не они ли правят миром? Кто-то стремится к успеху и престижу, кто-то, напротив, вынашивает аскетические идеалы, иной пытается властвовать, другой же всем существом. Этот набор ценностных установок Фромм называет системой ориентации и поклонения.

Эрих Фромм в работе «Человек для самого себя» вводит сферу человеческой субъективности. Человек, по его мнению, плохо адаптируется к наличным социальным условиям, потому что он наделен страстями, вожделениями, побуждениями. И может быть, именно в том, что он неуправляем, стихия по самой своей природе, и есть его спасение. Предположим, человек смог бы приспособиться к тому, чтобы жить в обществе, где господствует государственная собственность. Хорошо это или плохо? Человеческий род превратился бы в сообщество рабов.

Аристотель в «Никомаховой этике» разделил блага человеческой жизни на три группы: внешние, духовные и телесные. К классификации человеческих потребностей обращались многие философы. Они пытались развести то, что относится собственно к человеку, и то, что он обретает в погоне за ложными фетишами. С этой точки зрения уместно вспомнить, что Шопенгауэр, обращаясь к истолкованию человеческого бытия, сводил различия между людьми к 2 основным категориям:

1) Что имеет индивид — то есть всякого рода собственность и владение.

2) Чем индивид представляется. Под этим выражением, как известно, понимают, каков он в представлении других, то есть, собственно, как они его представляют..

Рассматривая отчуждение как деперсонализацию, Э. Фромм весьма подробно анализирует негативные проявления этого феномена по отношению к человеку. Так, если влечение к творчеству не получает реального выхода, возникает тяготение к разрушению. Психическое напряжение таково, что если человек не может соединить себя с миром в акте творчества, то рождается побуждение к устранению и разрушению мира. Так парадоксально решает человек проблему устранения одиночества. Таким образом, творчество

и разрушение — это не инстинкты, это ответы на человеческую ситуацию в конкретном обществе. Альтернатива вполне четкая — творить или уничтожать...

Человеческое бытие Фромм понимает как становление человека, как совершенствование его духа. Самоочевидно, что любое рассуждение о нравственности, о ценностных ориентациях, о совести и долге может складываться на почве философского постижения человека. Ценности, как считает Фромм, вырастают не из разума личности и не из глубин бессознательной. Их исток — богатейший мир человеческой субъективности, спонтанности.

Ценности упорядочивают действительность, вносят в нее осмысление оценочные моменты, отражают иные по сравнению с наукой аспекты окружающей действительности. Они соотносятся не с истиной, а с представлениями об идеале. Обращаясь к сочинениям европейских философов, Фромм ищет в них прежде всего истолкования мотивов поведения и страстей человека. Даже конкретные этапы человеческой истории Фромм оценивает по своеобразному критерию — мере человеческого счастья, благополучия и психологической гармоничности.

По мнению Фромма, человек, плохо приспособившийся к социальной структуре, вовсе не должен третироваться как невротик. В той же мере хорошо приспособленного индивида неразумно относить к более высокому разряду по шкале человеческих ценностей. Хорошая приспособленность, как считает Фромм, часто достигается, путем отказа от собственной индивидуальности. Вот почему иногда невротик может быть охарактеризован как человек, который не сдался в борьбе за собственную независимость. Его желание снасти индивидуальность, стало быть, побудило его вместо творческого развития личности искать удовлетворения в фантомах и фантазиях.

Говоря о характере, Фромм подразумевает ту относительно устойчивую психическую структуру человека, которая определяет направленность его конкретного поведения, мышления, чувств и поступков. По словам Фромма, основная задача социального характера состоит в том, чтобы канализировать энергию данного общества для непрерывного его развития.

Фромм известен как один из глубоких и проницательных исследователей «авторитарного характера». Предложенная им модель

сыграла огромную роль в изучении нацизма и сходных феноменов. Однако ученый показал, что бегство от свободы как специфическое явление современности присуще не только тоталитарному строю. В демократических обществах обнаруживают себя и другие механизмы, которые также уводят человека от вожаемой спонтанности и свободы.

В книге «Бегство от свободы» Фромм подробно описал, например, встречающиеся в обществе любого типа формы мазохистских феноменов. Мазохист, чтобы спастись от одиночества стремится подчиниться кому-нибудь: другому человеку, социальному институту, богу. Ему присуще чувство собственной неполноценности, беспомощности, ничтожности.

Деструктивность отличается уже тем, что ее цель — уничтожение, устранение объекта. Но корни разрушительности — бессилие и изоляция индивида. Носитель деструктивного характера, только разрушая окружающий мир, может избавиться от чувства собственного бессилия перед его лицом. Разрушить мир — это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру уничтожить меня. Цель садизма — поглощение объекта, цель разрушительности — его устранение. Садизм стремится усилить одинокого человека за счет его господства над другими, деструктивность — за счет ликвидации любой внешней угрозы.

Авантюра человеческого саморазвития зависит не только от психологического самоощущения индивида. Существенные ориентиры задают человеку социум, культурные императивы. Втискивая себя в конкретный характер, личность утрачивает многие черты собственной неповторимости. Ведь процесс социализации начинается уже с того мгновения, когда индивид определяет себя и свое отношение к другим людям. Развитие той или иной формы общения приводит к формированию социального характера, то есть стабильности.

Как показывает современная антропология, целый ряд мировоззренческих установок, взглядов, убеждений объясняется и обосновывается их *антропогенной укорененностью*. К числу таких явлений можно отнести и фашизм, и организованную преступность, и подростковую агрессивность, и многое другое. Каким бы совершенным ни был нормативистский механизм в праве, он не в состоянии отразить все многообразие человеческого «злого гения».

3 РАЗДЕЛ

МОРАЛЬ И ПРАВО

3.1. *Философия права и правовая этика*

Сегодня в нашем обществе возрождается интерес к человеку. И этика, и право становятся дисциплинами человековедческими. Человек — вот что их объединяет. На этом фоне естественным образом возникают новые направления научного анализа как философия права, или связанные с разработкой практического права (такие направления, как частное право, региональное право и т.п.). Обращение к философии права — это попытка увидеть место права в жизни современного человека. Философия права это наука о познавательных ценностных и социальных основах права, учение о смысле права, то есть о том в результате каких универсальных причин и ради каких универсальных целей человек устанавливает право.

Этика права — это в определенной мере есть и философия права. В тоже время этика права имеет свои особенности. Философия претендует на объективный обзор различных школ и направлений, некий взгляд со стороны, охватывающий всю совокупность правовых теорий и их мировоззренческих оснований. Этика права выбирает лишь один аспект. Он состоит, во-первых, не в рассмотрении права, а в рассмотрении *человека в праве*, во-вторых, в анализе *ценностного отношения* человека к праву. Это отношение предполагает такую оценку человеком правовых реалий, которая всегда индивидуально избирательна и внутренне свободна, оценку, которая носит нравственный характер и связана с представлением человека о свободе, справедливости, добре и зле, о долге перед другими и перед собой.

Из двух позиций в понимании права — объектоцентристской и субъектоцентристской — этика принципиально выбирает вторую. То есть субъектоцентризм этики права исключает другие подходы:

интересы субъекта здесь — главное (некоторым аналогом такой постановки проблемы является назначение или роль адвоката в судебном процессе: адвокат принципиально на стороне подсудимого).

Объектоцентристский же подход понимает человека в качестве зависимой переменной определяемой возможностями, заложенными в праве. Человек в этой парадигме по-прежнему объект воздействий извне, которому «дают» свободу действий, права или «не дают».

Прежде, чем дать определение предмета этики права, приведем определения предмета этики и предмета права. Что есть мораль? Ответ на этот вопрос будет различен в зависимости от того, какую позицию занимает исследователь — объектоцентристскую или субъектоцентристскую,

Объектоцентристское мировоззрение рассматривает человека как результат естественно-исторического процесса. В соответствии с этой точкой зрения развитие человека определяется условиями (экономическими, политическими, техническими). Высшей фазой такого развития является разум человека, на который общество возлагает большие надежды. При таком подходе трудно объяснить многое. В эту схему не вписывается человек нестандартный. С этих позиций невозможно понять: почему история нередко дегуманизирует человека, почему человек плохо адаптируется к наличным социальным условиям, почему он не терпит нивелировки и бесконфликтного счастья и многое другое.

Субъектоцентристское мировоззрение воспринимает человека иначе. В этой парадигме — человек содержит в себе все тайны бытия. Нельзя познать человека только рациональными методами. Он есть микрокосм, его мир не имеет четких очертаний. История есть «авантюра» саморазвития человека, сама объективная реальность есть результат развертывания внутренних сущностных сил человека.

Обращаясь к предмету права, необходимо иметь в виду, что в литературе о праве имеются, как минимум, два его понимания: в широком и в узком смысле слова. В широком смысле слова право охватывает такие проявления, как обычай (обычное право), религию (каноническое право), естественное право, позитивное право,

живое право и другие. В узком смысле право понимается как совокупность норм и законов, освящаемых государством. Иными словами, фактически сложилось две традиции в определении права. А. А. Гусейнов так определяет особенности морали:

а) она характеризует способность человека жить сообща и представляет собой форму отношений между людьми:

в) моральный закон не допускает разведение субъекта и объекта действия, то есть прокламировать мораль и практиковать ее самому — это один неразрывный процесс:

г) мораль — это тяжелый груз, который человек добровольно сваливает на себя. Мораль — это такая игра, в которой человек ставит на кон самого себя. Сократ был принужден выпить яд. Иисус Христос был распят. Джордано Бруно был сожжен. Ганди был убит. Таковы ставки в этой игре.

Законы могут быть жестоки, аморальны, бездушны по отношению к отдельным категориям людей. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем проанализировать мораль и право в их взаимовлиянии, то есть сначала посмотреть как *право* отражается на представлении о нравственных ценностях и моральных нормах, а затем — как *мораль* воздействует на право.

Мораль рождается на определенном этапе человеческого общества или развития человеческого индивидуума, то есть в филогенезе и онтогенезе. Ей предшествуют две ступени становления человеческого «Я»:

а) *Ступень культа*, означающего единство человека с миром, неотделенность его от мира и от других людей, единство мироощущения с другими, проявляющееся в феномене «Мы»:

б) *Ступень культуры*, отбора культурных форм в условиях разнообразия человеческой деятельности и человеческих индивидуальностей; здесь формируются естественные нормы человеческих взаимоотношений, которые мы называем нравственностью (от слов: нрав, обычай): формируются основные нравственные ценности: свобода, добро, зло, справедливость. Заканчивается эта ступень становлением цивилизации.

в) На этой, третьей *ступени социума* ценности добра, зла, свободы трансформируются в социальное понятие долга, социализируются в конкретном обществе и становятся уже со-

циальными и правовыми нормами. При этом их нравственное начало элиминируется, постепенно отмирая. Если на предыдущей ступени мы могли говорить об *этике гуманистической* (от слова *humanite* — фр.— человеколюбие), то на данной — мы говорим уже об *этике социальной*. Ее отличие в том, что она подчинена не интересам отдельного, частного человека, а интересам социума. Человек в этой этике выступает в качестве объекта воздействия на него со стороны общества, или иного социума (части общества или какого-либо социального института).

Социальная этика обращена, прежде всего, к внешней стороне поведения человека, его этикетному имиджу. Она прямо предполагает разрыв внутреннего и внешнего в человеке, чем лишает его свободы почти совсем. В связи с этим внутренний конфликт между индивидуальными сентенциями и внешним давлением на человека настолько нарастает, что это начинает проявляться и в конфликтах.

Таким образом, право в его современном понимании возникает довольно поздно, в условиях зарождения цивилизации (в Риме). Оно появляется тогда, когда человек становится личностью в системе усложняющихся внешних социальных взаимодействий. При этом его человеческое индивидуальное начало все более уходит в тень, в мир интимных, дружеских отношений, собственного творчества, где и востребуется еще нравственная норма, ценность. Право же завоевывает позиции, вытесняя все другие регулятивные механизмы, становясь юридическим законом, возвышающимся над всем: обычаем, религией, искусством, культурой, моралью. Так называемый юридический социологизм скрупулезно “учитывает” и то, что можно почерпнуть из открытий социальной психологии, антропологии, биологии человека, из технических изобретений. демонстрируя современную всеядность, всепроникаемость права, закона.

Право ведено внешней стороной, поведением (от слова “управлять”), мораль — внутренней. Несмотря на противоборство между ними, правовая норма живет только благодаря ее моральному, нравственному содержанию. Именно этим объясняется множество “пустых” законов. Поэтому, как это ни парадоксально, право заинтересовано в сохранении морального климата, нравственных ценностей, которые ее питают.

Конфликт правового и нравственного обостряется в эпохи тоталитарного насилия над человеком, в эпохи, когда интересы государства входят в вопиющее противоречие с естественными ценностями человека. Выход из конфликта — в изменении права (как искусственной конструкции), в приспособлении его к человеку, в создании ситуации, когда интересы человека первенствуют перед интересами государства, которое служит только средством, инструментом, обеспечивающим максимум возможностей для самореализации человека.

3.2. Право и этические категории

Как и всякая наука, этика располагает богатым арсеналом категорий. Именно они наряду с законами, принципами, методами составляют основу содержания любой науки. Само слово «категория» греческого происхождения. Им обозначаются наиболее общие понятия, отражающие существенные стороны действительности. Это — узловые пункты человеческого познания.

По аналогии можно сказать, что категории этики — это наиболее общие понятия, отражающие самые существенные стороны и моменты морали и составляющие теоретический аппарат этики как науки. Категории этики — это образования духовного, идеального порядка, которые и существуют, оформляются на теоретическом уровне нравственного сознания. Они есть не что иное, как субъективное отражение нравственной стороны бытия и представляют собой систематизированное, научно-обоснованное, теоретическое знание о морали как социальном явлении.

Вместе с тем следует сказать, что отражение моральных явлений осуществляется не только на теоретическом, но и на уровне обыденного сознания в виде конкретных чувств, представлений, симпатий и антипатий, иллюзий и т.п. При этом и на том и на другом уровнях отражаемое фиксируется в одних и тех же словах. Например, есть категория долга, а есть и представление индивида о том, что такое долг.

Говоря о категориях этики, следует сказать и о том, что они выполняют и некоторые «служебные» функции самой науки. Во-

первых, они являют собой бесконечные ступеньки познания морали как сферы общественных отношений. Во-вторых, категории этики представляют собой своеобразный инструмент познания. В-третьих, этические категории — это форма движения, развития морального познания от сущности первого порядка к сущности второго порядка и так далее.

Имея много общего с категориями других наук, этические категории обладают и некоторыми особенными чертами. Во-первых, они отражают ту сторону общественных отношений, которая связана с поведением людей, с их отношением друг к другу, к обществу, государству, семье, к коллективу с точки зрения добра и зла, долга, чести, справедливости. При этом они не всегда выступают в чистом виде, а переплетаются с категориями других наук, высветляя в них именно нравственный аспект.

Во-вторых, категории этики носят оценочный, аксиологический характер. Другими словами, их всех можно оценивать с точки зрения добра и зла, хорошего или плохого, а сами они могут выступать формой этой оценки: человек долга, честный, порядочный, справедливый, ответственный и т.п.

В-третьих, они являются средством регулирования взаимоотношений и поведения людей, как определенная побудительная сила, выражая нравственные требования общества с позиций сущего или должного.

В-четвертых, авторитет и значимость категорий этики, равно как и всех других нравственных образований: принципов, норм, требований, правил и т.п., базируются на силе общественного мнения или самосознании личности.

Наконец, в-пятых, в категориях этики и особенно в близких к ним понятиях морали, в значительно большей степени, чем в категориях и понятиях других наук выражена эмоциональная сторона общественных отношений.

Категории этики, как уже говорилось выше, объективны по содержанию и субъективны по форме. Объективность содержания означает, что в нем сконцентрировано то, что есть в реальной жизни и не зависит от сознания людей. Но оно, это содержание, может по-разному оцениваться людьми. Эта оценка зависит от целого ряда факторов: интеллектуального развития личности, ее нравственной

культуры, а также от образа жизни. Именно этим объясняется то обстоятельство, что нравственная оценка одного и того же жизненного события разными людьми часто бывает различной.

Как уже отмечалось, этические категории весьма многочисленны, поэтому в интересах науки и практики их принято классифицировать. Одни ученые делят их на структурные и субстанциональные (сущностные). Другие кладут в основу иной принцип: всю классификацию строят на основе одной из категорий, которая рассматривается как функциональная. Например, Эпикур подчинял все категории этики категории счастья. Аристотель главной считал категорию блага, а Кант — категорию долга. Впрочем, нет единого взгляда на этот счет и в наше время. В отечественной этике всю совокупность категорий часто делят исходя из структуры морали. В качестве основных элементов этой структуры некоторые авторы выделяют моральную практику, моральное сознание и нравственное самосознание. Однако более традиционной является позиция, согласно которой мораль включает в себя моральное сознание, нравственные отношения и нравственную деятельность. Принципиальной разницы между этими позициями нет, поскольку во втором случае моральное сознание включает и самосознание, а нравственные отношения и нравственная деятельность в совокупности составляют нравственную практику.

Моральное сознание в значительной степени определяет нравственное поведение, дела и поступки личности; в свою очередь, только реальная нравственная практика является критерием истинности нравственных установок сознания. Например, категория долга, ее осознание личностью может быть проверено только практикой. Простое понимание должного, не подкрепленное соответствующими реальными действиями — пустой звук. Так, заявляя о своей приверженности требованиям служебного долга, молодой офицер в то же время отказывается ехать по распределению в отдаленную или «горячую» точку, хотя он, безусловно, понимает, что тем самым вступает в противоречие со своими заявлениями.

Категории этики так тесно связаны между собой, что они как бы аккумулируют в себе содержание друг друга. Дело обстоит таким образом, что содержание одной из них, как правило, раскрывается через использование других. Например, категория чести может

быть понята только через привлечение таких категорий, как достоинство, ответственность, честолюбие, тщеславие, порядочность, правдивость и т.д. Категория мужества раскрывается с помощью категорий: великодушие, самоотверженность, терпение, смелость, храбрость и др. Категория справедливости не может быть понята без таких категорий, как человеколюбие, правдивость, милосердие, почтительность, трудолюбие, беспристрастность, признательность и т.п.

Вернемся, однако, к более подробному рассмотрению категорий выделенных выше трех групп. Первая группа — это категории собственно морального сознания. К ним относятся: моральный принцип, моральная норма, моральная или этическая категория, моральное убеждение, нравственная цель, моральный выбор и т.п.

В принципе можно утверждать, что все категории этики являются и категориями морального сознания, ибо какие бы стороны морали они не отражали — все они фиксируются в моральном сознании. Сущностные категории морального сознания: добро, зло, долг, честь, достоинство, совесть и другие занимают центральное место в системе категорий, но их нельзя отрывать от нравственных отношений и моральной практики, ибо в этом случае они теряют свою земную точку опоры и превращаются в пустые абстракции. Простое морализирование, оторванные от жизни разговоры о добре и зле, справедливости и несправедливости мало чего дают. Более того, они ведут к ханжеству, демагогии, равнодушию. И наоборот, если категории морального сознания отражают реальные отношения и действия, активно воздействуют на них, то несомненно, что они помогают лучше понять суть происходящего.

Категории второй группы — это категории нравственных отношений. К ним можно отнести такие, как нравственное взаимодействие, нравственный конфликт, моральный авторитет, моральная репутация и др. По своей функциональной роли нравственные отношения есть выражение взаимодействия моральных субъектов. Эти отношения и оцениваются как нравственные потому, что они характеризуются теми или иными моральными оценками: дружественными, товарищескими, доверительными, уважительными, лицемерными, злобными, враждебными и т.п.

Наконец, это категории моральной практики или функционально-поведенческие. В них находит выражение процесс реализации личностью тех или иных нравственных качеств на практике, в обыденном, повседневном поведении. К такого рода категориям, например, относятся: моральный (или аморальный) поступок, моральное воздаяние, моральные последствия и санкции. Через них материализуются такие категории нравственного сознания, как моральный долг, честь, достоинство, героизм или трусость, справедливость или несправедливость, верность или измена, благородство или низость, великодушие или жестокость и т.п.

В категориях данной группы раскрывается, в конечном счете, назначение морали как регулятора человеческих отношений. Рассмотренные особенности, классификация и сущность этических категорий имеют не только теоретическое, но и общеметодологическое значение. Без них, в частности, невозможен анализ профессионально-этических категорий, ибо они по сути дела являются конкретизацией категорий общей этики. Набор этих категорий достаточно велик, но мы остановимся только на анализе самых существенных из них, поскольку они занимают большое место в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

3.3. Профессиональный долг и честь юриста

Категория долга — одна из важнейших в этике вообще и среди категорий профессиональной этики в особенности. Сферу морали с достаточным основанием именуют сферой должного: будь добрым, будь честным, будь справедливым. Будь! В долге, как ни в какой другой категории силен обязательный побудительный момент. Он не только четко формулирует саму идею, но и придает ей повелительный характер: зовет, требует, настаивает на ее претворении в жизнь. Быть человеком долга — значит не только знать его сущность, его требования, но и следовать этим требованиям на практике.

Многие из великих высоко ценили чувство долга. И. Кант писал, что долг — это именно то великое, что возвышает человека над самим собой. «Не забывай долга, — как бы вторит ему А. Блок, — это единственная музыка. Жизни и страсти без долга нет».

Областью, в которой категория долга получила особенно большое признание, издавна были сферы военной и правоохранительной деятельности. Именно в этих сферах деятельности долг, действительный или мнимый, использовался и используется как крайне действенная движущая людьми сила. Поэтому нередко при преследовании узкопрагматических или карьеристских целей возникает соблазн демагогического манипулирования этой категорией. Разобраться, где долг истинный и где ложный — дело не такое простое.

Служебный долг сотрудника правоохранительных органов, будучи составной частью общественного долга, является нравственным в его объективном и субъективном выражении. Моральная ценность объективного содержания долга состоит в том, что он подчинен решению самой высокой и справедливой задачи: защиты прав и свобод личности, обеспечению безопасности своей страны, укреплению правопорядка. Однако потенциальные возможности воинского долга могут проявиться только в том случае, если они дополняются субъективно нравственным отношением к нему, когда общественные обязанности воспринимаются и осознаются как личные, как глубинная потребность и убеждение в справедливости и правоте дела, которому служишь.

Долг сотрудника правоохранительных органов — это высокая и почетная обязанность, вытекающая из объективных потребностей защиты личности, общества и государства, освященная государственно-правовыми требованиями и внутренними нравственными побуждениями.

Совпадение доминирующего желания с долгом есть своеобразный апофеоз нравственности. Соотношение объективных требований долга и желаний рассматривается разными учеными по-разному. Некоторые считают, что вообще между должным и желаемым нет противоречий. Однако каждый человек даже эмпирическим путем приходит к выводу, что это далеко не всегда так. Конечно, личное осознание общественно должного как собственное требование сокращает дистанцию между должным и желаемым, между должным и сущим. Это сближение может быть несомненным, но оно никогда не бывает абсолютным и никогда не стирает определенные противоречия между должным и желаемым.

мым. Вместе с тем неверна и другая крайность, когда долг и желаемое рассматриваются как вечные противоположности, как два полюса, как два взаимоисключающих стремления. Этот крайний взгляд возможен тогда, когда долг выступает как нечто внешнее, чуждое, внутренне невоспринятое. Истина, как это часто бывает, лежит посередине. Долг и желание — не исключают друг друга противоположности. Они могут очень сильно сближаться или расходиться, но никогда практически не исключают друг друга. Задача руководителей, воспитателей и состоит в том, чтобы сотрудники правоохранительных органов видели эту диалектическую связь между долгом и желанием. Долг — это требование общества, коллектива, желаемое — атрибут личности. Важно осознать, что, в конечном счете, долг работает на достижение желаемого, а желаемое при его правильном понимании ведет к более успешному выполнению долга. Человек с высоко развитым чувством долга может подняться над своими субъективными желаниями и страстями, подчинить всего себя требованиям долга, которые как бы растворяют в себе все личное. Таким образом должное становится могучим, несокрушимым желанием, превращается из внешнего во внутренне побуждение личности. Разлад между долгом и устремлениями и соблазнами личности, между долгом и чувством самосохранения, ведет не только к провалу порученного дела, но и к самым серьезным последствиям для сотрудника правоохранительных органов, вплоть до гибели. Исковерканная жизнь может стать ценой минутного сомнения и необходимости исполнения служебного долга, в справедливости порученного дела.

Нравственность охватывает практически все отношения между людьми, их отношения к государству и обществу. Те же требования, которые предъявляются государством и обществом к человеку в его повседневной жизнедеятельности, нравственность отражает и закрепляет в нормах общежития, соответствующих определенному идеалу. Нормы морали, воспринятые личностью, становятся ее внутренним побуждением, овладевают чувствами, приобретают силу привычки. Общественная мораль способствует дальнейшему укреплению общественного и государственного строя, формирует активную личность. В процессе формирования личности на нее оказывает влияние оценочная и нормативная сторона морали. Если

оценочная сторона сконцентрирована в добре и справедливости, то нормативная — главным образом в долге. Долг — это фокус, через который вся совокупность моральных норм непосредственно связывается с практической деятельностью людей. В этом фокусе соединяются в единое целое исходное и производное, оценочное и нормативное, достигнутое и перспективное. В нем теория преобразуется в практику, идея добра и справедливости — в могучую материальную силу, моральные принципы и нормы — в реальные действия и поступки. В долге непосредственно проявляется активная природа морали. Она не только придает четкую оформленность идее и целям, но и побуждает, требует их достижения. Общественный долг, следовательно, можно назвать действующим сознанием. Он позволяет лучше всего охарактеризовать нравственность личности, так как о людях и их нравственных достоинствах и недостатках судят прежде всего по действиям, поступкам.

Отношение к общественному долгу характеризует не только личность, но и коллектив, и духовные силы общества в целом. В правоохранительных органах придается первостепенное значение долгу как непосредственному регулятору деятельности их сотрудников. Механизм поведения сотрудников правоохранительных органов, суть нравственных отношений в их коллективах основывается на трех важнейших факторах:

— зависимости сотрудника от коллектива, государства и общества, его заинтересованности в общественной поддержке и одобрении, находящую эмоциональное выражение в чувстве и муках совести;

— определенной свободе, независимости сотрудника, которая выражается в возможности выбора той или иной линии поведения в пределах объективно определенного спектра возможностей;

— ответственности сотрудников за результаты и возможные последствия «свободы» своих действий, т.е. обязанности каждого отдельного сотрудника быть готовым ответить за свой моральный выбор в рамках нравственных норм, формируемых коллективом и обществом.

Нравственный долг сотрудников правоохранительных органов имеет объективную и субъективную стороны. Объективное определяется потребностью защиты безопасности государства и

общества, обеспечение прав и свобод его граждан. Субъективное представляет четко сформированные задачи, поставленные государством перед правоохранными органами; сознательность и ответственность сотрудников при выполнении возложенных на них задач по укреплению правопорядка, защите безопасности государства и общества, прав и свобод его граждан; готовность и способность каждого сотрудника осознать требования нравственного долга, свое место и роль в общем деле, определить свое внутреннее отношение к долгу, предъявить высокие требования к самому себе.

Определенные задачи правоохранительных органов становятся добровольной и целенаправленной деятельностью, так как они воспринимаются сотрудниками как справедливые и истинные. Внутренний побудительный мотив органически входит и самую суть нравственного долга каждого сотрудника правоохранительных органов как источник его нравственных сил.

Следует заметить, что требования общественного долга едины для всех членов общества. Однако труд сотрудников правоохранительных органов особый. Специфика требований долга обусловлена характером задач, стоящих перед сотрудниками, особенностями организации, своеобразием условий, в которых протекает их деятельность. Эта организация требует особой ответственности, организованности и напряжения нравственных и физических сил.

В силу специфики организации правоохранительных органов нравственные отношения в них регламентированы нормами права более детально, чем в других сферах гражданской жизни. т.е. в значительной своей части носят деонтологический характер. Поэтому долг не столько пожелание, сколько требование государства и общества, и его веления должны быть выполнены. Нравственное содержание долга подкрепляется правовыми требованиями, имеющими силу закона. Через нравственную основу долга раскрываются высокие качества — исполнительность и разумная инициатива, самоотверженность и мужество, достоинство и честь, активное отношение к общественным обязанностям.

Все отношения, которые прямо выражают и закрепляют профессиональный долг, обладают нравственным и правовым авторитетом. Отступление от норм морали, как правило, всегда является

одновременно и нарушением юридических норм. В требованиях юридически оформленного профессионального долга, выраженного в присяге, уставах, наставлениях, инструкциях, вместе с тем заключена моральная оценка и правовая норма. В сфере профессионального долга нет юридических требований, которые были бы лишены моральной силы, как нет и нравственных норм, лишенных правовой активности.

Но в правовых актах, регулирующих деятельность правоохранительных органов, взаимодействие и взаимопроникновение этих двух видов общественных требований более тесное и глубокое. Правовые и нравственные нормы, регулирующие правоохранительную деятельность, обеспечивают высокий уровень организованности, четкости и дисциплины. Профессиональный долг обладает активной мобилизующей силой, наполняет дела и мысли сотрудников стремлением исполнять свою работу четко и в срок, всю силу воли направить на достижение поставленных целей.

В профессиональном долге нельзя категорично разграничивать правовые и нравственные требования. Специфическим качеством правовой стороны, как известно, является возможность высшего контроля, пусть даже потенциального, вероятность применения административной санкции, наказания в случае невыполнения предписания. Моральные же нормы реализуются на основе внутренней убежденности, веления совести, под влиянием силы общественного мнения. Здесь же оба этих «компонента» сливаются воедино.

Следовательно, профессиональный долг представляет собой единство правовой и нравственной сторон, так как моральные требования совпадают с государственной волей. Правовая санкция и моральный мотив имеют различия в характере их воздействия на сознание и волю сотрудников правоохранительных органов. Если право более оперативно, то действия, совершаемые по внутреннему убеждению, моральному мотиву обладают основательностью, устойчивостью, постоянством, но необходимо время, чтобы ранее подготовленный в моральном отношении сотрудник совершал поступки в строгом соответствии с нравственными принципами. Правовая санкция действует немедленно, по мере необходимости, с применением государственного принуждения к отдельным сотрудникам. Нравственные требования распространяются на все

многообразие человеческих поступков. Они наиболее подвижны с точки зрения отражения и оценки изменений в отношениях сотрудников.

Важной составляющей нравственного долга является самодисциплина. Ни сила правового воздействия, ни влияние коллектива сами по себе, если они не вполне совпали с внутренними личными побуждениями, убежденностью, совестью и страстью, еще не могут быть прочной гарантией того, что в процессе оперативно-служебной деятельности сотрудник сохранит твердость характера и не будет деморализован. Необходима такая высокая степень развития нравственного отношения к долгу, когда ни один поступок не совершается вопреки самосознанию, а выполнение долга подкрепляется велением совести, когда дисциплина, как главное выражение профессионального долга, становится самодисциплиной. Дело в том, что самодисциплина есть осознанная необходимость исполнения требований профессионального долга, внутренняя заинтересованность, готовность согласовывать свои действия с требованиями профессионального долга. Внутренняя готовность следовать требованиям Присяги, уставов и своих руководителей, осознаваемая как внутренние побуждения, как необходимость,— это самая высокая мера ответственности, готовность выполнить профессиональный долг не по принуждению, а по совести, добровольно. Установление гармонических отношений между требованиями долга и личными моральными мотивами, между долгом и совестью ведет к тому, что общественная дисциплина как требования долга поднимается до самодисциплины. Долг превращается в нравственную потребность. Поэтому самодисциплина есть высоконравственное поведение, которое совершается на основе сближения долга и совести.

Однако осознание общественной необходимости профессионального долга лишь одна сторона самодисциплины. Ее второй стороной является свобода воли, свобода выбора действий в рамках безусловного выполнения поставленной задачи. Исполнительность только тогда придает размах деятельности, когда дополняется инициативой, готовностью взять на себя всю полноту ответственности за самостоятельное решение. Вместе с тем отсутствие инициативы снимает нравственную ценность исполнительности, а инициати-

ва без исполнительности — произвол, который нередко пытаются представить как риск. Разумный риск вытекает из общих интересов, верности долгу. Произвол же — жест отчаяния, индивидуализма и эгоизма.

Следует обратить внимание на то, что практические задачи формирования нравственных отношений в правоохранительной деятельности требуют решения проблемы морального критерия деятельности сотрудников. Определение критерия моральной оценки выполнения профессионального долга требует исследования вопросов деятельности и мотивов поведения сотрудника и служебного коллектива. Нравственным мерилom профессионального долга являются не слова, а дела, практическая сфера, которая образуется из отношений к государству и обществу, и сотрудников друг к другу. Хорошо известно, что высокие морально-патриотические и профессиональные качества сотрудников формируются в основном в процессе их активного участия в профессиональной и общественной деятельности.

В понятие нравственного критерия выполнения профессионального долга сотрудниками правоохранительных органов входят не только его практические результаты, но и мотивы деятельности. Ни объективные последствия деятельности (ее результаты), ни субъективные побуждения (мотивы деятельности) в отдельности не дают ответа о нравственной ценности выполнения профессионального долга. Чтобы это осуществить важно выяснить степень ответственности сотрудника за выполнение поставленной задачи и осознания ее служебно-деловой важности, а также степень учета им реальных возможностей решения задачи и последствий его действий. Кроме того, нравственная оценка конкретного поведения сотрудника предполагает учет его предшествующей деятельности.

Моральный критерий профессиональной деятельности ориентирует на максимальные возможности развития нравственных сил сотрудников и основывается на углублении субъективной стороны профессионального долга.

К числу наиважнейших категорий профессиональной этики относится категория чести. Профессиональная честь — это признание общественным мнением и осознание самими сотрудника

ми правоохранительных органов высокой социальной ценности (нужности и важности) самоотверженного выполнения своего долга. Чувство чести — это мощный движитель дел и поступков сотрудников правоохранительных органов.

Категория чести очень близко примыкает к категории достоинства. Эти категории практически совпадают по своему объективному содержанию, но различаются по форме. Оценка чести — это оценка общественного мнения, а оценка достоинства — это, прежде всего дело самой личности. Безусловно, что и последняя оценка происходит не в отрыве от общественного мнения, просто в данном случае акцент переносится на собственную самооценку, которая опять-таки базируется на осознании своих заслуг перед обществом и своей личной самоценности.

Сотрудники правоохранительных органов в своем большинстве — люди чести. Она проявляется у них прежде всего в выполнении ими своего служебного долга. Его специфика в том, что и в мирное время выполнение долга требует мужества, выдержки, а порой и самопожертвования. Как правило, они не говорят о своем высоком предназначении, о постоянной опасности, сопровождающей их при выполнении долга. Они его просто исполняют и люди им благодарны за это.

Честь сотрудника правоохранительных органов неотделима от чести коллектива, подразделения, в котором он несет свою нелегкую службу. Поэтому он не может позволить себе ничего такого, что позорило бы своих товарищей по службе. Честь коллектива — это и его честь. Здоровое честолюбие — не чуждое чувство для сотрудника правоохранительных органов. Правильно понимаемое честолюбие не вредит общему делу, а наоборот, придает дополнительные силы для его выполнения. Другое дело, когда честолюбие гипертрофировано, перерастает в карьеризм, когда человек готов использовать самые грязные средства для достижения своекорыстных целей.

Сплав чести сотрудника и чести коллектива порождает чувство гордости, — то есть моральной удовлетворенности сотрудника правоохранительных органов от осознания своей принадлежности к ним. И хотя авторитет правоохранительных органов за последние годы в общественном мнении значительно снизился, все же

вся система правоохранительных органов в народе рассматривается как необходимая и в целом оценивается положительно. Долг сотрудника постоянно поднимать авторитет правоохранительных органов в глазах общественного мнения и возрождать лучшие традиции, которые у них несомненно были. Кстати, честь сотрудников органов правопорядка проявляется и в отношении к хорошим традициям. Забвение их или тем более втоптывание в грязь должно встречать в служебной среде суровое осуждение. Традиции — это не просто история, а могучее средство воспитания молодого поколения людей, стоящих на страже общественного порядка.

В то же время следует подчеркнуть, что опора на традиции предполагает их развитие, движение вперед. В народе справедливо считают, что старая слава новую любит. Честь сотрудников правоохранительных органов требует от них движения вперед, овладения современной техникой и новейшими приемами и методами для выполнения своих профессиональных обязанностей. В этом смысле важно изучать опыт работы и достижения правоохранительных органов других стран. Это укрепляет и возвышает честь и достоинство наших правоохранительных органов, помогает более эффективно выполнять свой служебный долг.

Наконец, еще об одной составляющей категории чести — верности данному слову. Человек слова! Это такое важное качество человека, что иногда оно даже отождествляется с понятием чести. Дал слово — сдержи его, пообещал что-то — выполни. В противном случае тебя перестанут уважать и просто назовут болтуном, лжецом, необязательным человеком. Ничто так не подрывает чести сотрудника органов правопорядка как нарушение данного слова, отступление от него. В конце концов, он неизбежно теряет авторитет и его ждет неотвратимое фиаско.

Категория чести, как следует из вышеизложенного, действительно одна из важнейших в нравственной культуре сотрудника правоохранительных органов. Дорожить честью — это долг и повседневная обязанность. Содержание чести как категории в значительной степени зависит от уровня общей культуры человека, его духовного и физического развития, умения мыслить по государственному. Этому надо постоянно учиться.

3.4. Добро и зло

Понятие «мораль» имеет смысл только при противопоставлении ее инстинктивному, импульсивному поведению, с одной стороны, и рациональному расчету, нацеленному на получение строго определенного результата, с другой. Самые первые моральные заповеди: «Поступай по отношению к другим так, как ты желал, чтобы они поступали по отношению к тебе» (золотое правило нравственности) или принцип любви: « возлюби ближнего своего, как самого себя» — требуют от человека следования добродетели.

Добро и его антипод зло в самом абстрактном подходе тождественны нравственности и безнравственности. В понятии добро люди выражают свои наиболее общие интересы, устремления и пожелания, надежды на будущее. Добро — то, что служит сохранению и развитию жизни. Зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей. Все добродетели и пороки, с которыми имеет дело этика, имеют относительный смысл. Например, смирение, вызванное страхом или компенсирующее подавленное высокомерие, теряет свою ценность, а высокомерие как выражение неуверенности и самоуничужения не является пороком. Добродетельный или порочный характер, пишет Э. Фромм, а не единичные добродетели или пороки — вот подлинный предмет этического исследования.

Хотя добродетельный человек может создавать полезные вещи, произведения искусства и системы мысли, но куда более важным предметом добротворения является сам человек. Если физический рост происходит сам по себе при наличии надлежащих условий, то процесс рождения на уровне нравственности не происходит автоматически. «Трагедия человеческой ситуации,— пишет Э. Фромм,— отчасти в том, что развитие никогда не бывает полным. Человек всегда умирает прежде, чем успевает полностью родиться». В этом и суть назначения человека.

Добродетель можно определить, говорит Аристотель, принимая во внимание назначение человека. Добродетельный человек — это человек, своей деятельностью под руководством разума дающий жизнь присущим человеку возможностям. Добродетель у Спинозы идентична использованию человеком своих сил, а порок

— пренебрежению своими силами, сущность зла — это бессилие. С учетом сказанного, можно дать предварительное определение «добра» не просто как общего этического понятия, обозначающего положительные социальные ценности, но как реализованную в поступках людей человечность.

Дальнейший анализ добродетели и пороков требует ответа на принципиальный вопрос: «Человек, добр он или зол?» Многие представители гуманистической этики отвечали на этот вызов настойчивым утверждением, что человек от природы добр и зло не является неотъемлемой частью его природы (Э. Фромм. *Человек для себя.* — Минск, 1992 г.). Ярким проявлением концепции добродетельного человека является учение великого гуманиста XX века А. Швейцера о благоговении перед жизнью. Изложим основные его моменты.

Поистине нравственен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред. Для него священна жизнь как таковая. Он не сорвет листочка с дерева, не сломает ни одного цветка, не раздавит ни одно насекомое. Когда летом он работает ночью при лампе, то предпочитает закрыть окно и сидеть в духоте, чтобы не увидеть ни одной бабочки, упавшей с обожженными крыльями на его стол (А. Швейцер. *Благоговение перед жизнью.* — М., 1992 г., с. 218).

Этика благоговения перед жизнью не считает, что людей надо осуждать или хвалить за то, что они чувствуют себя свободными от долга самоотрешения ради других людей. Она требует, чтобы мы в какой-либо угодной форме и в любых обстоятельствах были людьми по отношению к другим людям. Ты счастлив, поэтому ты обязан пожертвовать многим. Все что дано тебе в большей степени, чем другим — здоровье, способности, талант, успех, богатство и др. — все это ты не должен считать само собой разумеющимся. Ты обязан отплатить за это. Ты обязан отдать силы своей жизни ради другой жизни (А. Швейцер, там же, стр. 225).

Но реальная жизнь полна компромиссов, чтобы сохранить свою жизнь, я должен оградить себя от других жизней, которые могут нанести мне вред. Я добываю себе пищу путем уничтожения растений, животных. Мое счастье часто строится на вреде другим лю-

ням. То, что в действительности отнюдь не является этическим, а только смесью жизненной необходимости и этики, люди часто выдают за этическое.

Гуманистическая этика не признает и не оправдывает этот компромисс. Она признает добрым только то, что служит сохранению и развитию жизни. Всякое отступление от этого, независимо от того, при каких условиях это произошло, она характеризует как зло. Человек должен каждый раз сам решать, в какой степени он может подчиниться необходимости нанесения вреда жизни, и в какой мере, следовательно, он может взять за все это вину на себя. Так нравственно закаляется человек. Итак, добро в гуманистической этике — это утверждение жизни, развертывание человеком своих сил. Добродетель — это ответственность за собственное существование. Зло лишает человека сил, порок — это безответственность по отношению к самому себе.

В истории этической мысли можно встретить различные концепции зла: от оправдания и апологии его до теории «меньшего зла». Среди них осевое место занимает религиозное учение о зле. Оно имеет прямое отношение к этике бизнеса. Если возьмем развитые очаги рынка (Запад и АТР), то нетрудно заметить господствующее влияние христианства и буддизма (в различных модификациях). Социологические исследования показывают, что евроамериканцы в качестве ключевых этических ценностей называют 10 заповедей христианства.

Согласно христианской концепции зло происходит не от бога, а от небытия, из которого бог создал мир. Мир в целом является благим и прекрасным, а зло в нем существует относительно: в виде недостатка, отсутствия, отрицания и небытия. В мире имеют свое место не только несовершенные вещи, вроде грязи, гнили, уродства, но и моральное зло — грех и грешники. Конкретное содержание греховных действий весьма разнообразно: ложь, блуд, лукавство, корыстолюбие, злоба, убийство, распри, обман, злонравие, клевета, обида, самохваление, гордыня, непослушание, вероломство, жестокость, идолослужение, пьянство, лихоимство, сквернословие, пустословие и т.д. Они представляют собою нарушения обще человеческих норм нравственности, а с точки зрения религии связаны с мифом о первородном грехе. «Не бог, а чело-

век выдумал пытку, рабство, тюрьму, ружье и бомбу. Человеческая корысть и глупость, а не Божья воля породили нищету и непосильный труд. Мы — мятежники, которые должны сложить оружие (К. Льюис. Страдание.— «Этическая мысль».— М., 1992 г., с. 411). Значительное место в христианском толковании зла занимает идея осуждения плотских влечении. Библейское наставление гласит: «Попечение о плоти не превращайте в похоти». Человеческая природа испорчена с грехопадения, каждое поколение проклято от рождения из-за непослушания первого человека, и только милость Божья, переданная через церковь и ее таинства, может спасти человека.

В отличие от христианства, в исламе источником зла для человека не является другой человек. Адом для человека является его самость. Человек должен отказаться от самого себя и приблизиться к Богу. В современном мире идея человеческой никчемности и ничтожества нашла свое выражение в авторитарных системах (фашизм, социализм, автократия), в которых государство, партия, элита, автократ стали высшими правящими силами, а инвалид, признав свою собственную незначительность, должен был удовлетвориться покорностью и подчиненностью. Отсутствие реальной демократии и свобод, почти полное наличие вышеперечисленных зол правители многих современных, так называемых «демократических государств» пытаются прикрыть дешевой демагогией о «воле народа». Действительно обман — грех, а злонамеренный обман — двойной грех.

Если зло реально существует, то перед гуманистической этикой возникает вопрос: как можно обуздать деструктивную сторону человеческой природы, не прибегая к запретам и авторитарным приказам?

Своеобразный ответ на этот вопрос дает Э. Фромм. С его точки зрения следует различать рациональную и иррациональную ненависть. Реактивная, рациональная ненависть — это реакция человека на угрозу его собственной, или другого человека, свободе, жизни, идее. Она возникает как реакция на жизненную угрозу, и исчезает, когда угроза устранена: она не противостоит, а сопутствует стремлению к жизни.

Иррациональная ненависть — *это* черта характера, непрерывная готовность ненавидеть. Ненавидящий человек, кажется, испытывает чувство облегчения, и как бы счастлив, когда ему удастся найти удобный случай проявить свою затаенную ненависть. Ненавидеть можно и самого себя, она часто проявляется в виде жертвенности, чувства неполноценности, самобичевания, аскетизма. Индивидуальные и социальные условия, блокирующие жизнеутверждающую энергию, порождают деструктивность, которая в свою очередь становится источником, где берут начало разнообразные проявления зла. Из всего сказанного можно сделать вывод, что человек не обязательно зол, а становится злым только тогда, когда отсутствуют надлежащие условия для его роста и развития. Зло не обладает независимым существованием само по себе, оно есть отсутствие добра, результат неудачи в реализации жизни.

«...Святое право мысли и суждения. Ты божий дар! Хоть с нашего рождения Тебя в оковах держат палачи, чтобы воспарить не мог из заточья Ты к солнцу правды, — но блеснут лучи, И все поймет слепец, томящийся в ночи». (Дж. Г. Байрон. Паломничество Чайльд — Гарольда)

Рассмотрение ключевой категории этики «добро» будет неполным без выяснения ее соотношения с понятием «польза». Последняя составляет конечную цель экономических устремлений людей. Тем более это важно для посттоталитарного общества, выходцы которого долгие годы воспитывались в духе аскетизма и уравниловок, где даже мысли о Богатстве, наслаждении, успехе объявлялись дьявольскими.

Противопоставление добра и пользы имеет долгую традицию. Ещё Аристотель в «Никомаховой этике» подчеркивает, что предметом этики не является просто благо, а наивысшее благо. В европейской этике различные мыслители проводили грань между моральной и утилитарной деятельностью (последнее с латинского переводится как «польза»). Но есть объединяющее как «добро», так и «пользу»: они означают положительные социальные ценности. Если добро более связано с целями человека, то польза — это характеристика средств, годных для достижения заданной цели. «Польза», «успех», «эффективность» — таковы основные

понятия, которые означают достижение максимальных целей минимальными средствами. Такая полезная деятельность изучается специальной наукой — праксеологией.

Основоположник утилитаризма И. Бентам подчеркивал, что добродетель не противостоит пользе, поскольку интересы бывают разными, добродетель состоит в пожертвовании меньшим интересом ради большего интереса (изб. соч., т. 1, с. 21). Основные ценности утилитаризма можно сформулировать в виде следующих афоризмов: «Стремись к успеху», «Исходя из своего интереса, извлекай из всего пользу», «В достижении целей используй оптимальные средства». Многое привлекает в таком человеке: целеустремленность и решительность, независимость, готовность идти на риск, бережливость, дисциплинированность и т.д. Если не смешивать пользу с корыстью, принцип пользы предстает как важный механизм гармонизации частных интересов, более того, такой их синэргетизации, которая приближает к общему благу.

Конечно, нельзя абсолютизировать принцип полезности и выдать его за идеал, за высшую добродетель. Принцип полезности безусловно противоречит абсолютной морали высшего гуманизма. Например, такие виды бизнеса как производство алкоголя, табачных изделий, экологический вредной техники является полезным для части населения. Вовлечение товаров и услуг в рыночные отношения как вы овеществляет их, оправдывает их экономически, хотя наличие некоторых видов товаров и услуг провоцирует и закрепляет дурные наклонности людей, калечит их, вредит нравственному здоровью общества. Давно это подметил Б. Мандевиль в своей знаменитой «Басне о пчелах»: «Пороки частных лиц — благо для общества».

Хотя принцип полезности противостоит высокой морали, но именно он, воплощаясь в общественных отношениях, создает для нее условия, полезность становится фактором гармоничного развития общества, раскрепощения сил и способностей живущих в таком обществе людей. Рассмотрение соотношения добра и пользы явно подталкивает нас к проблеме социальной и моральной справедливости.

3.5. *Справедливость*

Одной из форм конкретизации добра является справедливость. Она занимает исключительное место среди добродетелей, т.к. выражает меру ожидания, воздаяния общества человеку. Справедливость характеризует и оценивает распределение блага и зла между людьми. Как оценка условий и способов существования человека справедливость тесно связана со смыслом жизни людей.

«Справедливость,— пишет Д. Роулс,— есть главная добродетель общественных институтов, подобно тому, как истина есть главный добродетель научных систем» (Д. Роулс. Теория справедливости — «Этическая мысль». — М., 1990).

Общество тогда хорошо организовано, когда оно не только создано для представления блага людям, но и когда оно эффективно саморегулируется принципом справедливости. Как неистинная теория, несмотря ни на что должна быть опровергнута, так и несправедливые общественные отношения должны быть упразднены или исправлены. Права, гарантированные справедливостью, не могут быть предметом политических спекуляций.

Понятие справедливость в тоже время является относительным, конкретно-историческим. В первобытной культуре справедливость находилась вблизи табу, талиона в смысле «воздающего ока». Благополучие рода находилось под покровительством неписанных, вечных и установленных богами законов. Справедливость характеризовала надлежащее отношение к этим установлениям, освященным традициям. Плохо приходилось тому, кто на них посягал. Одним из ее выражений был институт родовой мести.

С переходом от родового строя к цивилизации воздающая справедливость сменяется ее более распределительным пониманием. На передний план выдвигается справедливость — равенство. Идеи «разделить всем поровну» и желание отличиться, получить побольше оказывали существенное влияние на все последующее моральное развитие человечества. И не только моральное. Под лозунгами справедливости и равенства свершались революции, бунты, завоевания. Под флагом «социальной справедливости» большевики истребляли богатых и предприимчивых людей Российской империи. Семь десятилетия номенклатура держала в своих

руках рычаги распределения в СССР. Чтобы сделать возможным равенство необходимо наделить какой — либо орган государственной власти правом централизованного управления общественным продуктом. Однако следование этой морали привело к уничтожению огромного количества людей и обнищанию основной массы оставшегося. «Кроме распределения продуктов,— пишет Ф. Хайек,— с помощью рыночной конкуренции мы не знаем никакого иного способа информировать индивидов о том, куда каждый из них должен направить свои усилия, чтобы его вклад в создании совокупного продукта оказалась максимальным». (Пагубная самонадеянность.— М., 1992.— С. 16). Оборот «социальная справедливость» — это просто семантическая передержка, темная лошадка из той же конюшни, что и «народная демократия». Вся идея распределительной справедливости — каждый индивид должен получить соответственно своему нравственному достоинству — при расширенном порядке человеческого сотрудничества бессмысленна, размеры имеющегося продукта обусловлены в общем нравственно нейтральным способом распределения его частей.

Я замечал,— пишет Ф. Хайек,— что определение «социальный» приставляется ко всему, что связано с уменьшением или устранением различия доходов..., оно есть подталкивание к еще одному шагу в сторону «социальной справедливости» социализма. А между тем это несовместимо с конкурентным рыночным порядком, а также с ростом и даже поддержанием существующей численности населения и достигнутого уровня богатства (Пагубная самонадеянность.— М., 1992.— С. 203). Также можно оценить и любимый в настоящее время казахстанский (и СНГ) термин «социально защищенная экономика».

Но несостоятельность абстрактного равенства и распределительной справедливости не означает обесценивание морального принципа справедливости. « В природе человеческого сознания,— утверждает Д. Белл,— схема моральной справедливости является необходимой основой для всякого социального порядка: чтобы законность существовала, власть должна быть оправдана. В конце концов, именно нравственные идеи — представление о том, что желаемо, формируют историю через человеческие устремления. (Д. Белл. Культурные противоречия капитализма.— 1976, Р. 8433).

Сама идея о равенстве тоже не исчерпала свой гуманистический потенциал. В массовом сознании следует выделить три вида равенства: перед богом, перед моралью и перед законом. В теоретической мысли заслуживает интереса концепция «равенства возможностей». Требование «равенство результатов» означает радикальное перераспределение богатства в пользу малообеспеченных слоев, которое неизбежно нарушит баланс между распределением и экономическим ростом. Всякое значительное перераспределение дохода ведет к возрастанию потребления за счет уменьшения инвестиции и, следовательно, к замедлению темпов экономического роста. Еще Аристотель разграничивал «равенство по количеству» и «равенство по достоинству», и несправедливость возникает, когда к равным относятся как к неравным и к неравным относятся, как к равным. Д. Белл считает, что неравенства должны соответствовать условиям жизни, социальному окружению, роду деятельности, наследству, которыми определяется место индивида в обществе. Поэтому недопустимо говорить о неравенстве, скажем, врача и санитарки, рабочего и менеджера, ассистента и профессора, и т.п.

Согласно Д. Беллу, надо признать неравенства между этими категориями граждан в социальном статусе, дохода и в авторитете в качестве неустраняемого результата общественного труда в условиях естественного неравенства индивидуальных способностей. Единственным принципом распределения адекватным как по эффективности, так и по справедливости является следующий: каждому давать в зависимости от его личного вклада и в соответствии с полномочиями и привилегиями, присущими сфере его деятельности. Справедливы существующие неравенства, приносящие пользу людям. И каждому дается возможность достичь успеха в жизни.

Но в тоже время общество не должно стремиться к резкому накоплению благ в руках одних и обнищанию и пауперизации остальных. Окостенению перегородок между общественными группами должны противостоять различные социальные действия. В наше время заметно усиливается роль государства в регулировании социально экономических и моральных проблем. Отныне уже невозможно возложить ответственность за существующие не-

равенства на «беспристрастного слепого арбитра» — рынок. Возникает проблема обеспечения групповых прав аутсайдеров. Решение этих проблем позволяет идти прогрессу человечества по пути справедливости.

3.6. Счастье

Понятие «счастье» — одно из самых фундаментальных в этике. Не будет преувеличением сказать, что оно является также и одной из самых плодотворных социальных идей. Спиноза отмечал, что «счастье — не награда за добродетель, а сама добродетель, не потому мы наслаждаемся счастьем, что обуздали свои страсти, а наоборот, наслаждение счастьем делает нас способными обуздать их». Хотя счастье кажется человеку осязаемым представлением, оно полно глубинных противоречий и ипостасей. В истории этики наблюдается многоголосица суждений, пестрота мнений и текучесть взглядов о сути счастья.

В истории культуры сложилась прикладная этическая дисциплина о счастье — фелицитология. Назовем ряд важных фелицитарных сочинений: «Никомахова этика» Аристотеля, «О счастливой жизни» Сенеки, «Трактат о счастье» Фомы Аквинского, «Философское утешение» Боэция, «О счастливой жизни» Августина Блаженного, поэма «Счастье» Гельвеция, «Эвдомонизм» Л. Фейербаха, «О свободе» Дж. С. Милля, «Человек для себя» Э. Фромма, «О счастье и совершенстве человека» В. Татаркевича и др. Не только обширны произведения на эту тему, но и совершенно противоположны взгляды авторов.

Одни утверждают, что счастье в любви. Но столь же верно, что любовь — скоротечна. Счастье — в молодости? Но Цицерон утверждает, что старость — счастливее. Многим кажется, что счастье в удовлетворении желаний? Но разве не прав тот, кто опасается пресыщения и равнодушия? Тогда может быть, дружба? Но «избегай друзей, враги менее опасны». Знание? Но «кто приобретает знание, тот приобретает печаль». Слава? Но «не ищи славы, ибо тогда любой льстец найдет тебя». Парадоксы счастья многолики.

Но это не означает, что счастье неуловимо и не поддается теоретическому анализу. В. Татаркевич считает, что под счастьем люди имеют в виду не одно и то же. Есть, по крайней мере, четыре понятия счастья. Самое распространенное в массовом сознании: счастье — это удача, случай, судьба, то, что от нас не зависит («птица счастья»). Второе — счастье как радость, наслаждение и удовольствие в жизни. Третье — счастье есть обладание высшим благом и добродетелью. И наконец, четвертое: счастье — не сумма удовольствий, не проникающее в душу состояние глубочайшей радости, подобное вспышке, не обладание внешними благами, а полное длительное удовлетворение жизнью в целом, сознание, что она удалась, что через страдания и печали мы обрели сокровенную суть бытия. Последнее понимание кажется более приемлемым. Но и оно не раскрывает полностью «Формулу счастья».

Если обратимся к общему содержанию фелицитарных идей, то можно обратить внимание не только на разброс мнений, но и выделить общие признаки в понимании счастья:

1) субъективное переживание удовольствия само по себе не является достаточным критерием счастья: 2) счастье сопутствует добродетели: 3) можно найти объективный критерий счастья. Платон считает таким критерием идею «хорошего человека»; Аристотель — «назначение человека». Спиноза — реализацию человеком своей природы путем использования своих сил. Спенсер — биологическую и социальную эволюцию человека.

Учения о человеческом счастье можно разделить на три направления: психология счастья, аксиология счастья и социология счастья. С психологической точки зрения, базирующейся на данных самочувствия, счастьем является удовлетворенность жизнью, приятные эффекты, отсутствие заметных неприятностей, которые могли бы подавить позитивные настроения.

Чувство счастья может быть мгновенным, быстро проходящим, вызванным каким — либо сегодняшним событием. Оно может быть постоянным, прочным, вызванным постоянно действующими факторами радости, подъема душевных сил, хорошей перспективы, гармонии и удовлетворенности. Чувство счастья, таким образом, фиксирует разнообразие отношений человека к миру и к самому себе. При этом очень важно различие между счастьем и радостью.

Они отличаются в том смысле, что радость соответствует единичному акту, а счастье — это непрерывное и полное переживание радости. Счастье,— по определению Э. Фромма,— это критерий совершенства в искусстве жить, добродетель в том ее значении, какое она имеет в гуманистической этике (Человек для себя.— М., 1992, с. 182). В человеческой деятельности нет, конечно, прямой и открытой погони за счастьем. Постановка и достижение различных жизненных целей не делает человека автоматически счастливым. Однако, стремясь к ним, он испытывает счастье, даже не заботясь о нем. Это есть «хитрая стратегия», «психологический закон» счастья (Дж. С. Милль). У человека присутствует внутреннее «недремлющее око», которое следит за конечной эффективностью и внутренним ценностным смыслом индивидуальной жизнедеятельности.

Но психология счастья в основном оперирует описательными терминами, уточняющими переживания фактами. Удовольствия или страдания не могут быть главными показателями счастья или несчастья. Мы видим, что одни находят удовольствие в садизме, деструктивности, оскорблении людей, а другие находят его в том, чтобы любить, делиться с друзьями тем, что имеют, дерзать и творить. Если счастье или несчастье тождественны нашему чувству о них, тогда наслаждаться или страдать, не зная об этом, все равно, что не наслаждаться или не страдать. Если рабы не осознают страдания, причиняемого им их хозяином, как может посторонний человек выступать против рабства во имя счастья человека? (Э. Фромм). Счастье, как и несчастье, это не просто состояние ума. фактически, счастье или несчастье — это проявление состояния всей личности. Счастье соответствует увеличению жизнеспособности, силы чувств и мышления, плодотворности; несчастье способствует ослаблению этих способностей и функции.

В аксиологическом плане счастье — это ценность, мера добра в жизни человека. Счастье олицетворяет добро, которое одно только и может развивать в человеке самые лучшие, самые человеческие черты и тесно связано со смыслом его бытия. Счастье не тождественно отдельным чувствам или какой — то особой деятельностью. С точки зрения западного этика Р. Барроу, у человека должна быть своя позиция в оценке связей и отношении с миром. Если она

реалистична, если ожидания соответствуют объективным возможностям, человек достигает трех существенных условий счастья: безопасности, самоутверждения и верного понимания ситуаций. Моральные ценности не являются непосредственной причиной счастья. Ведь моральный человек может быть несчастлив, а счастливый человек не морален. Но ценностный кризис обязательно соединен с духовно-эмоциональным кризисом.

Стремление к счастью не всегда объединяет людей, особенно в обстановке, когда несчастье одних является условием счастья других. Люди иногда довольствуются «маленьким счастьем», вредные для себя и унижительные положения они считают счастьем, не ведая их настоящего смысла. Представление людей о счастье и понятие счастье различаются как конкретное и абстрактное, тут наличествует противоречие между должным и сущим. Понятие счастье воплощает идеальное, истинное, полное и которое имеет императивную основу, а не ситуативный источник. Этика упрекает человеческие мнения в том, что они полны «не тем» счастьем, а людям кажется, что для истинного счастья не подходит та жизнь, которая им дана.

Социология счастья — важная составная часть фелицитологии. Она описывает те общеизвестные влечения, которые люди хотели бы достичь, например, почета, богатства, многочисленного потомства, безбедной старости. Поэтому в социологии счастья особое место занимают пути и средства достижения общественных благ и прежде всего честный, добродетельный труд во всех его формах.

Социология счастья широко представлена в трудах классиков утилитаризма. Например, И. Бентам приводит список удовольствий, которые выгодны и приближают человека к счастью: здоровье, умение, дружба, доброе имя, власть, благочестие, доброжелательность, ожидание, общение, утешение и др. «индексы» ценностей являются величиной неустойчивой. Это особенно характерно для переходных обществ. «Современный человек, — утверждают Е. Дубко и В. Титов, — обладает «психикой — гироскопом, своеобразным свободно колеблющимся и само сбалансированным устройством приспособленным к переменчивой судьбе» (Идеал, справедливость, счастье. — М., 1989, с. 72).

В условиях рыночной экономики и массовой культуры на подъеме ценность самоосуществления и качества жизни. Прежде она была прерогативой, элитных слоев общества. Теперь она превращается в массовый ориентир.

Новое поколение придает большое значение повышенным стандартам жизни, меньше думают о голоде и болезнях. Однако НТР и информационный взрыв взвинтил ритм человеческого существования, ослаблены механизмы локализации конфликтов, обостряется нравственная и экологическая ситуация. Негативные последствия этого процесса, а именно появление разочарования, ощущение того, что жизнь не дает чего-то важного, снижение сосредоточенности воли, тоска, чувство вины и агрессивность создают препятствия счастливому существованию человека.

Проблема взаимодействия рыночной экономики и человеческого счастья широко обсуждалась в этической, естественно — научной, технической литературе. Счастье — это полезность предмета обмена, способная удовлетворить разнообразные потребности (товар), и вещь, которую «носят в кармане» (деньги). Умножить свое счастье и доставить пользу другим может только нравственный человек, т.е. тот, кто способен своим, продуктом «увлечь» чужую потребность с выгодой для своего счастья, кто умеет «превратить свой собственный продукт в жизненное средство для самого себя». В «Декларации независимости» Т. Джефферсона записано: «Охраняя стремление к счастью, государство по своему предназначению должно защищать и поощрять дух предприимчивости в людях, чувство рискующей самостоятельности, а именно это и существенно для счастья».

В заключение можно перечислить следующие структурные элементы счастья. Во-первых, благополучие, которое означает жизнь без горя, лишений, болезней, утрат, увечий. Ясно, что мало кто обходит все эти подводные рифы течения жизни. Во-вторых, удовлетворение потребностей. Нужен определенный позитивный баланс удовлетворения потребности. Здесь громадное значение имеет собственность человека, без которой нет ни свободы, ни богатства. Следующим, третьим, элементом является довольство. Когда человек доволен, он хотел бы жить так, как живет. Он не прочь еще лучше, но не порывая при этом со своими взглядами и привычками, своим окружением.

В-четвертых, счастье умозрительно вез радости. В том, что человека радует, виден он весь — и его ум, и его чувство, и его ценностный спектр. Пятым элементом надо считать оценку жизни в целом с позиции человечески значимого и обязательного.

Этика очень хорошо может обосновать ценность счастья и радости, как своих главных добродетелей, но при этом она знает, что требует от человека решения не самой легкой, а самой трудной задачи: полного развития его плодотворности (Э. Фромм. Человек для себя.— М., 1992 г., с. 184).

3.7. *Совесть*

У великого Канта есть одна изумительная мысль о том, что две вещи приводят человека в восхищение и трепет: бесконечность звездного неба и внутреннего морального закона. Первую бесконечность человек преодолевает все, более осваивая новые пространства, а вторую — сам все более подчиняясь голосу совести. Что такое совесть?

Совесть в ее различных жизненных проявлениях феномен весьма запутанный. Различаются ли всевозможные виды совести только по их содержанию, а в остальном они сходны? На протяжении всей истории люди, придерживающиеся совершенно противоположных установок заявили, что они поступают «по совести»: Конфуций и Сократ, Заратуштра и Платон, Иисус и Мухаммед призывали людей к духовности и к строгому следованию велениям совести и чести; но инквизиторы и ксенофобы, завоеватели и тираны, фанатики фашизма и большевизма также заявляли, что они поступают во имя своей совести.

Этическая литература содержит множество различных ответов на эти вопросы. Сенека говорит о совести, как о внутреннем голосе, осуждающем или защищающем наше поведение в зависимости от его этических качеств. Стоическая философия связывает совесть с самосохранением (заботой человека о самом себе). В религиозной философии совесть считают законом разума, внушенным человеку богом. С точки зрения Фихте, совесть не зависит от общественного положения людей и она является голосом внутрен-

него «Я», подлинным авторитетом морали. По Марксу, она есть своего рода гнев, только обращенный вовнутрь. Ж.— П. Сартр объявляет совесть единственным оазисом внутри личностной деятельности, призванным противостоять внешним требованиям и запретам, предъявляемым человеку со стороны общества.

Феномен совести все время был в центре художественной культуры. Его яркое и тонкое описание дал Шекспир:

«О совесть робкая, как мучишь ты! Огни синеют. Мертв полночный час. В поту холодном трепетное тело. Боюсь себя? Ведь никого здесь нет. Я — Ричард и Ричардом любим. Убийца здесь? Нет! Да! Убийца я! Бежать? Но от себя? И от чего? От мести. Сам себе я буду мстить? Увы, люблю себя. За что? За благо, что самому себе принес? Увы! Скорее сам себя я ненавижу за зло, что самому себе нанес!».

Совесть как морально-психологический механизм нравственного сознания созвучна императивной, связывающей силе морали, действующей в обществе. Она охраняет во внутридушевном мире личности ту или иную систему нравственных ценностей, объективно закрепленную в общественных отношениях, в культуре, в образе жизни и деятельности социальных субъектов. Нравственно психологическим своеобразием совести является то, что она выступает как цельный механизм, органический соединяющий в себе самые разнообразные элементы психической жизни человека. Она складывается в результате взаимодействия всех слоев психики: подсознания, рационального, интуитивного, опирается не только на холодный расчет мышления, но и на мудрость чувств, отраженный в них жизненный опыт, на моральную интуицию.

Своеобразием совести является ее виртуальность, замаскированность и избирательность. А. Милтс так описывает природу совести: «Там, в душевной преисподней, находится наше серое равнодушие, наш компромисс между добром и злом. Там увлечения, которые мы путали с любовью. Там слезы страсти и охлаждения, растерянность. Там доверенные нам, но не сохраненные тайны. Там наши привычки, которые мы проклинаем, запутавшись в них, как в паучьей сети. Там наше легковерие и поверхностность, грехи, совершенные в гневе и ненависти. Там бесконечные, часто хаотичные записи в подсознании...». Совесть — это внутренний моно-

лог, хотя чаще происходит диалог, даже многоголосая дискуссия. Латинская поговорка звучит: «Совесть — тысяча свидетелей». Не позволяя уснуть духу, в человеке спорит вечный оппонент с вечным защитником. Вечный судья в человеке видит, смыслит и чувствует то, что скрывается от общественного мнения» (А. Милтс. Совесть. — М.: Этическая мысль, 1990, с. 274—275).

В повседневной жизни чувство совести выполняет роль своеобразного нравственного компаса, включающегося всякий раз, когда поведение человека выходит за рамки привычного и «автоматизированного» образца. Конечно, совесть не всесильна. В случае нравственного компромисса или преобладания безнравственного мотива при наличии возможности свободного выбора совесть принимает в себя чужеродное начало, тенденцию к самоотрицанию. Чувство угрызения совести, как правило, первоначально сопровождающее осознаваемые безнравственные поступки, со временем притупляется и личность уже идет по пути нравственной атрофии и оказывается вне рамок собственно моральной регуляции поведения.

Хотя совесть есть внутренний голос человека, «процесс внутреннего определения добра» (Гегель), однако она должна быть знающей. Возможен такой парадокс: аморальный выбор может быть предрешен в силу нравственного максимализма, сопровождаемого неведением. Но и гармония повышенных нравственных требований и истины еще не гарантирует сама по себе свободного выбора «поступка по совести». Так в условиях отсутствия свободы и демократии, господства коррумпированных и бюрократических сил индивид неизбежно находится в роли марионетки, которой навязываются суррогаты совести. При состоянии культурной аномии, маргинализации общества, люмпенизации его членов совесть как бы впадает в спячку... Власть вез совести — это саморазрушающаяся власть. Но ее деструктивная природа наносит людям неисчислимый вред. Самое удобное оправдание тиранов и палачей — ссылка на «жестокость века» и на Фоне чужой мерзости своя вроде милее. Понижение морали до уровня образцов какой — то «эталонной группы» неизбежно связано с преследованием людей, действующих по совести. Честный человек в лживой системе кажется аномалией. Реальная практика тоталитарных и

коррупцированных обществ полна этих примеров. Обстановка всеобщего «одобряем» не выносит совести как нечто аномального. Бесчеловечность, садизм, демагогия иным могут доставлять радость, если с их помощью достигаются корыстные цели. В тоже время честная и совестливая жизнь других может вызвать злобу и зависть. Многие так называемые «исторические деятели» и «отцы народов» через манипуляцию общественным мнением пытаются создать для себя удобную мораль. Чаще всего это мораль расчета, служащая утилитарным целям и стандартам «вождизма». Для них главное прилично выглядеть, услышать похвалу, что легче всего достигается на всеобщем фоне безнравственности.

Для анализа нравственной ситуации в посттоталитарных обществах актуальным является учение Э. Фромма об авторитарной и гуманистической совести. По его определению, авторитарная совесть — это голос интериоризованного внешнего авторитета, авторитета родителей, государства или кого вы то ни было, кто окажется авторитетом в той или иной культуре. Здесь мы едва ли можем говорить о совести; такое поведение просто соотнобразуется с требованиями момента, регулируется страхом наказания, и надеждой на вознаграждение, всегда зависит от внушительности данных авторитетов, от их осведомленности и мнимой или реальной возможности наказывать или награждать. Зачастую переживание, которое люди принимают за чувство вины, порожденное их совестью фактически является не чем иным, как страхом перед такими авторитетами. Самое важное заключается в том, что предписания авторитарной совести определяются не ценностными суждениями самого человека, а исключительно тем фактом, что ее повеления и запреты заданы авторитетами. (Э. Фромм. Человек для себя., стр. 139—141).

Авторитарная совесть бывает двух видов. Чистая совесть — это сознание, что авторитет доволен тобой; виноватая совесть — это сознание, что он тобой недоволен. Чистая (авторитарная) совесть порождает чувство благополучности и безопасности, ибо она подразумевает одобрение авторитета и достаточную близость к нему, виноватая совесть порождает страх и ненадежность, потому что действия наперекор воле авторитета чреваты опасностью наказания и — что еще хуже — опасностью отверженности.

Неповиновение становится главным грехом, а послушание — главной добродетелью. Послушание предполагает признание за авторитетом верховной власти и мудрости, признание его права приказывать, награждать и карать по своему усмотрению. Авторитет может снизойти до объяснения своих приказов и запрещений, наград и наказаний, но индивид не имеет никакого права критики в адрес авторитета. Уже сам тот факт, что некий индивид отваживается на критику, является доказательством его виновности.

Каковы бы ни были прерогативы авторитета, будь он владыкой Вселенной или отцом народа, посланным судьбой, принципиальное неравенство между ним и любым из людей — это основной догмат авторитарной совести.

В отличие от авторитарной совести гуманистическая совесть — это наш собственный голос, данный каждому человеческому существу и не зависимый от внешних санкций и поощрений. Она — реакция всей нашей личности на ее правильное функционирование или на нарушения такового. Совесть оценивает исполнение человеческого назначения, она является вестью в нас (корень слова со — весть), вестью о нашем относительном успехе или о поражении в искусстве жизни.

Итак, совесть — это наша реакция на самих себя. Это голос нашего подлинного Я, требующего от нас жить плодотворно, развиваться полно и гармонически — т.е. стать тем, чем мы потенциально являемся. Это страж нашей честности, это способность ручаться за себя и с гордостью, стало быть, сметь также, говорить» Да!» самому себе. Чтобы услышать голос собственной совести, мы должны услышать себя, а большинству людей нашей культуры это удается огромным трудом. Мы прислушиваемся к каким угодно голосам, но только не к самим себе. Мы постоянно окружены шумом мнений и идей, вдалбливаемых нам кино, газетами, радио, пустой болтовней. Часто мы боимся остаться наедине с собой. Мы предпочитаем самые неприятные компании, самые бессмысленные времяпровождения. Похоже, мы страшимся перспективы встретиться с собой лицом к лицу. Боязнь остаться с собой это скорее чувство замешательства, граничащее порой с ужасом увидеть человека, одновременно так хорошо знакомого и такого чужого, мы путаемся и бежим прочь. (Э. Фромм. Человек для себя.— М., 1992, с. 156).

Понятие совести может оказаться весьма зыбким у людей имеющих дело с богатством, с благом, если у них нет твердого жизненного кредо. Человек, который только начал иметь дело с богатством и человек, который им пресыщен, могут иметь разное понятие совести. По этому важнейшим элементом совестливости человека может быть его воспитание с детского возраста. На него большое влияние оказывает окружающая его среда, психология и ценностные ориентиры этой среды. Следовательно, деловым людям при подборе кадров следует учитывать и эти факторы, воздействующие на совесть человека.

На понятие совести большое влияние оказывает исторический период, национальные, территориальные и климатические особенности. Видимо, нельзя не отметить различие понятия совести современного времени от XVIII—XIX веков, когда только начиналось внедрение машин, механизмов в процесс производства. Разнятся понятия совести в брачных отношениях французов и казахов. Первые считают вполне нормальным браки между кузенами, а для вторых люди пожелавшие вступить в такой брак считаются бессовестными людьми, посягнувшие на кровосмешение. Совесть для народов Востока не всегда совпадает с народами западных стран или Африки и Латинской Америки. Поэтому в деловых отношениях всегда надо учитывать эти факторы и с уважением относиться к обычаям,

3.8. Нравственное содержание правоохранительной деятельности

Главная суть деятельности правоохранительных органов непосредственно обнаруживается в их названии: это исполнение важнейшей конституционной обязанности государства — охрана и защита прав и свобод человека и гражданина. Все остальные их функции — охрана общественного порядка, собственности, борьба с преступностью, пресечение антиобщественных проявлений и др. являются элементами этой важнейшей обязанности. И сами правоохранительные органы, в свою очередь, являются элементом, одной из главных структур государства — той властной структу-

рой, которая является гарантией права как система социальных норм и отношений, организующей нормальную жизнедеятельность того или иного общества.

Основными методами, через посредство которых правоохранительные органы осуществляют свою деятельность, являются профилактика правонарушений (т.е. воспитательная работа с гражданами) и принудительные санкции, принимающие в крайних случаях форму прямого насилия. Причем, как это видно из вышеприведенного определения, понятие «властная сила» (т.е. действия, опирающиеся на принуждение, на насилие) является основной характеристикой деятельности правоохранительных органов.

И здесь возникает вопрос: может ли быть принуждение, тем более, прямое насилие, нравственным? Что оно необходимо на данном уровне развития общества, а, следовательно, целесообразно и неизбежно, сомнений в принципе не возникает; дискуссии ведутся лишь по поводу сфер применения, степени насилия, но что касается моральности насилия, то позитивное или негативное решение этого вопроса уже длительное

время и по сегодняшний день разделяют ученых (и практиков конечно, тоже) на два направления: моралистское и реалистическое. Первое направление хорошо известно всем еще со школьной скамьи, когда благодаря творчеству Льва Толстого мы познакомились с концепцией «непротivления злу насилием» (верующие знакомы с ней даже раньше, поскольку она изложена в «Нагорной проповеди» Иисуса Христа). Эта же концепция лежит в основе движения пацифистов и ряда других, основанных на принципах гуманизма. Подобной точки зрения придерживаются и многие современные ученые, такие, как например, выдающийся философ, социолог и историк XX века Макс Вебер, который утверждает: «с моральной точки зрения принуждение всегда оценивается отрицательно, даже в тех случаях, когда оно, пожалуй, единственное средство для политики».

Реалистическое направление исходит из принципиального единства права и морали как отражения и выражения общих интересов тех или иных социальных групп и классов, которые в этих двух формах приобретают нормативное, регулятивное и императивное значение, и, следовательно, отличаются друг от друга не по сути, а

по механизмам их реализации. В отечественной мысли получило широкое распространение именно реалистическое направление, которое полагает принуждение и насилие необходимым компонентом любой формы социальной жизнедеятельности. С этой точки зрения говорить о безнравственности насилия — значит оторвать нравственность от социальной практики и переместить ее в сферу пустых абстракций. Предельно четко эта позиция сформулирована современным русским философом В. В. Денисовым:

«Свое конкретное выражение социальное насилие находит в применении или угрозе применения определенной группой, классом, государством, общественной системой различных форм, методов и средств прямого или косвенного принуждения и подавления (политических, экономических, военных, юридических и т.д.) в отношении других групп, классов, государств, общественных систем...». Приведенное определение помогает нам понять, что понятие нравственного не противоречит насилию, а взаимодействует с ним. Иными словами, насилие, также как и всякое другое деяние может носить как нравственный, так и безнравственный характер. Этот подход позволяет нам перейти к рассмотрению нравственно-содержания правоохранительной деятельности.

Люди, далекие от подлинного представления о деятельности правоохранительных органов, как правило, не задаются вопросом о нравственном содержании этой работы. С точки зрения обывателя, эти подразделения используют лишь средства устрашения и насилия — правового и физического. И, как они полагают, существующие в этой сфере требования — это требования к умению применять эти средства. Они не знают, что в работе сотрудников правоохранительных органов громадную значимость имеют нравственные качества: честность, любовь к людям, справедливость, самоотверженность, смелость, доброжелательность и многие другие, в том числе и чувство высокой ответственности за свои действия перед обществом. Наличие этих качеств у сотрудника служит обязательным мериллом его профессионализма, и на воспитание этих качеств направлены значительные усилия руководителей, работников воспитательных и кадровых аппаратов, служебных коллективов. Требования к этой стороне службы предъявляются как обществом, так и служебными документами, в частности, на-

пример, статьей 58-«л» «Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации», согласно которой работник, за совершение проступков несовместимых с требованиями, предъявляемыми к личным, нравственным качествам сотрудника органов внутренних дел, увольняется со службы.

Поэтому вполне естественно, что сотрудникам правоохранительных органов постоянно приходится задаваться вопросом, насколько справедливы те или иные их поступки и действия. И по настоящему профессиональным оказывается тот, кто оценивает свои действия не только с точки зрения закона, но и по чести, и по совести, тот, кто, по выражению В. Г. Белинского «не хочет счастья и даром», если не может быть уверенным в справедливости своих действий (вспомним, что справедливость — одна из основных категорий и нравственности, и права).

Не хлебом единым жив человек, не только материальными благами, но прежде всего правдой и свободой, совестью и частью, нравственностью и гуманизмом. И те свойства человеческого характера, которые традиционно рассматривались как высокоморальные устои личности, являются неотъемлемой стороной служебной деятельности сотрудника правоохранительных органов, показателем совершенства его профессионального мастерства, уровня его нравственного и культурного развития.

Любой человек живет и трудится в обществе, и это не только деятельность живущих ныне людей, стремящихся достичь своих целей. Это и система отношений, сложившихся веками, и принципы общественной нравственности, которые человек обязан учитывать и уважать, и господствующие в этом обществе идеи, теории и взгляды, сопровождающие каждый трудовой процесс. Именно потому положительное мнение о личном составе правоохранительных органов, об их служебной деятельности может получить положительную реакцию, уважение, одобрение и поддержку народа, когда она будет соответствовать духу национальных традиций, нормам нравственности, укоренившимся в обществе.

В IV веке до н. э. Аристотель писал, как происходит становление гражданина. В 18 лет юноша приходит на Народное собрание и дает клятву: я буду соблюдать законы, чтить отеческие святыни, буду сражаться за Отчизну, если это необходимо. А потом идет на

два года в армию. И лишь после этого становится полноправным гражданином. Уже в древности люди понимали, на чем стоит держава. А сегодня мы видим, как многие упорно отказываются от любых обязанностей перед своим государством: невыгодно, трудно, опасно.

Во всем мире государственная служба менее выгодна, чем предпринимательство. Но сознание того, что общество наделило тебя властью, высокий престиж государственной службы (не говоря уже о гарантированной пенсии и многочисленных льготах) компенсируют определенные материальные издержки. Уважение общества, почитание «людей государственных» — важнейший показатель духовного и нравственного здоровья общества, прочности и стабильности государства.

Конечно, главной сущностью службы является служение закону. Но при этом следует всегда твердо помнить, что сам по себе закон не является самоцелью, он существует во имя общественного блага. И закон — благо только при том условии, если он осознается обществом как воплощение справедливости, то есть как воплощение высшего нравственного начала, обеспечивающего нормальную жизнедеятельность общества и государства. Если же закон начинает восприниматься гражданами как несправедливый, тем более безнравственный и бесчеловечный, то его исполнение производит прямо противоположный, то есть общественно-дестабилизирующий эффект.

Почему вопрос здесь поставлен таким образом? Прежде всего, потому, что, к сожалению, существует не так уж мало работников правоохранительных органов, которые, думая, что служат закону, исполняют свои обязанности с казенным бездушием, не видя за буквой закона живых людей. Из приведенного выше анализа отчетливо видно, что подобное исполнение служебных обязанностей нередко приводит к недовольству законом, а иногда и к враждебному отношению к внутренней политике государства.

Речь идет в данном случае, разумеется, не о противопоставлении интересов государства и чьей-либо личности, не об умалении или пренебрежении требованиями закона. Закон свят. И святая обязанность сотрудника правоохранительных органов ни в каких случаях не поступаться законом. Но если для немца главнейшим принци-

пом общественной жизнедеятельности является «орднунг», т.е. порядок, иными словами, тот же закон, если Христос был распят прежде всего за то, что противопоставлял любовь к людям закону иудейской религии, то для россиянина главным является жизнь «по правде и по совести», и с позиции своих убеждений он ожидает, что закон служит этому же принципу. И одна из главных обязанностей сотрудника правоохранительных органов — исполнять свой служебный долг, иными словами, выполнять веления закона так, чтобы они носили нравственный характер, служили бы превращению в жизнь требований социальной справедливости.

Таким образом, сотрудник правоохранительных органов постоянно находится в сфере нравственного воздействия общества и своей служебной структуры. С одной стороны, он испытывает воспитательное нравственное воздействие общества, которое формирует его в соответствии с принципами общественной нравственности, а с другой, он своей деятельностью сам оказывает воспитательное воздействие на граждан — положительное, если исполнение им требований закона служит делу социальной справедливости и осознается гражданами как глубоко нравственное, отрицательное, если его действия воспринимаются гражданами как несправедливые и тем самым безнравственные.

Вот те основания, на которых построена воспитательная служба в правоохранительных органах. Она имеет много аспектов, но нравственное воспитание, куда органически входит воспитание у сотрудников чувства патриотизма и коллективизма, чувства социальной справедливости, уважительности к людям, является главной формой воспитательной работы как руководителей органов и подразделений, так и сотрудников воспитательных и кадровых аппаратов, служебных коллективов. Требования в этой области деятельности правоохранительных органов запечатлены в ряде служебных документов практически с самого начала их деятельности. Одним из первых было требование внимательного отношения к людям. Подчеркивалось, что грубость, хамство, бестактность, черствость, превышение власти несовместимы с пребыванием в органах. Сотрудник в любой ситуации должен вести себя вежливо, корректно, милосердно. Его действия должны быть не только строгими и решительными, но всегда справедливыми и понятными населению.

В плане развертывания поставленной проблемы следует обратить внимание на взгляды выдающегося русского философа В.С. Соловьева, изложенные им в труде «Нравственность и право», где он, в частности, отмечает: «В самом существе безусловного нравственного начала как заповеди или требования совершенства. еще не достигнутого, уже заключается признание относительного элемента нравственности — именно необходимых реальных условий достижения... образует правовую область, а сравнительное преобладание стороны безусловной — собственно нравственную область...

Различия между нравственностью и правом: 1) неограниченность чисто нравственного и ограниченность правового требования; в этом отношении право есть низший предел, или определенный минимум нравственности; 2) право требует главным образом объективной реализации этого минимального добра или действительного устранения известной доли зла; 3) в этой реализации право допускает принуждения»

Общее определение: право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла. Основание для этого в нравственности. Нравственный интерес требует личной свободы как условия для человеческого достоинства и нравственного совершенствования; но человек не может существовать и, следовательно, иметь возможность свободы и совершенствования иначе, как в обществе; итак, нравственный интерес требует, чтобы внешние проявления личной свободы сообразовались с условиями существования общества, то есть не с идеальным совершенством некоторых, а с реальной безопасностью всех. Эта безопасность, не обеспеченная безусловным законом, нравственным самим по себе, как не существующим для людей безнравственных, ограждается принудительным законом юридическим, имеющим силу и для них».

Уважение к праву — явление, формирующееся в процессе развития общественных отношений, правовой культуры общества. Об уважении к праву говорилось с момента его зарождения. И сегодня проблема знания законов и воспитания граждан в духе уважения их остается одной из актуальных.

«Почтительное», «уважительное» отношение — это связь между людьми. Всякая такая связь проявляется в соответствующем поведении. А поведение, основанное на уважении, обязательно предполагает удовлетворение притязаний уважаемого. Именно такой смысл следует вкладывать в понятие «уважение к закону».

Понимая уважение как «почтительное отношение», как чувство, необходимо заметить, что задача воспитания и уважения к закону состоит не только в том, чтобы воздействовать на чувства человека, но и в том, чтобы влиять на поведение соответствующее этим чувствам.

Таким образом, уважение к закону предполагает поведение, соответствующее его нормам, и проявляется в готовности сознательного исполнения его требований.

Но для того чтобы достичь в этом деле положительных результатов у населения, необходимо комплексно решать задачу, связанную с его правовым воспитанием. И здесь первостепенная роль принадлежит сотрудникам правоохранительных органов.

В этих целях они активно используют печатную пропаганду, телевизионные передачи, правовое обучение, художественные средства правового воздействия и т.д. Правовая пропаганда представляет собой определенный вид массовой идеологической работы, в ходе которой сотрудниками правоохранительных органов на основе научной информации.

Именно здесь заложены известные резервы углубления знаний о государстве, демократии и праве. Не случайно в нашей стране получили широкий размах соответствующие классы в общеобразовательных школах, милицейские колледжи, где учащиеся изучают азы правовых знаний; на курсах повышения квалификации инженерных, хозяйственных специалистов стали правилом выступления сотрудников правоохранительных органов.

Вместе с тем, ключевая роль в процессе правового и правопослушного воспитания населения принадлежит низовому звену, сотрудникам, непосредственно «стоящим на земле». И одной из центральных фигур этого звена является участковый инспектор милиции — человек в самом прямом смысле этого слова входящий в каждый дом, вступающий в непосредственный контакт с множеством граждан, ближе всех других работников правоохрани-

тельных органов стоящий к населению. Его рабочее место — конкретный микрорайон, конкретный административный участок. Он всегда на переднем крае. От результатов его работы прежде всего зависят общие конечные результаты борьбы с преступностью.

Нравственная сущность служения сотрудников правоохранительных органов обществу и государству — один из важнейших факторов воспитания у людей уважительного отношения к закону. Необходимость усиления правового воспитания населения обуславливается ныне возрастанием роли права в регулировании общественных отношений, повышением активности народных масс в сфере государственно-правового строительства. Сотрудники правоохранительных органов присущими им специфическими формами и методами проводят широкое информирование граждан о действующем законодательстве, обеспечивают воспитание у них убежденности в целесообразности и социальной справедливости законов, сознательного их исполнения как главной предпосылки искоренения правонарушений, укрепления законности и правопорядка.

Эффективность работы по правовому воспитанию, уважительному отношению к закону во многом определяется наличием системы, охватывающей различные категории населения с учетом их возрастных, образовательных, профессиональных и других особенностей и предусматривающей определенную целеустремленность и последовательность в изучении основ законодательства и конкретных правовых норм.

Особое внимание надлежит уделять правовому воспитанию подрастающего поколения, налаживанию работы в условиях учебного и трудового коллективов, повышению правовой подготовки должностных лиц, хозяйственных руководителей, руководителей самых разных коммерческих структур. В работе по формированию правосознания населения громадная роль отводится средствам массовой информации — печати, телевидению, радио, а также литературе и искусству.

В деятельности по воспитанию высокой правовой культуры трудящихся, их уважительного отношения к закону особая ответственность ложится на юридические органы и учреждения — суды, прокуратуру, милицию, адвокатуру, правовую службу различных банковских, коммерческих и иных формирований.

Строжайшее соблюдение законности в деятельности юридических учреждений, всемерное усиление профилактической направленности в их работе, повышение профессиональной культуры и воспитательного значения судопроизводства, улучшение приема граждан, рассмотрение их жалоб и заявлений — важная предпосылка укрепления правосознания граждан, их уважительного отношения к закону.

Сколько раз каждому из нас приходилось оказываться в ситуации, которая требовала выбора: от простых жизненных вопросов до сложных проблем, определяющих судьбу и затрагивающих интересы многих людей. Как поступить? Какой выбор сделать?

«Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достойно ли терпеть без ропота позор судьбы. Или надо оказать сопротивление. Восстать, вооружиться, победить. Или погибнуть? Умереть. Забыться».

Эти слова шекспировского героя в полной мере раскрывают всю сложность, противоречивость, трагичность морального выбора. Если в повседневной жизни человек действует как индивид, и каждый сделанный им выбор, совершенный поступок характеризуют его лично, то в профессиональной деятельности все действия работника правоохранительных органов воспринимаются окружающими как действия представителя государственного органа, наделенного соответствующими властными полномочиями, являющегося олицетворением и воплощением государственной власти. С одной стороны, это облегчает ему выбор поступка, поскольку закон и ведомственные инструкции диктуют определенный тип поведения. Но с другой стороны, это порождает целый ряд коллизий, когда приходится выбирать между личными убеждениями и требованиями «мундира».

Анализ морали как системы норм и ценностей позволяет увидеть ее как общественное явление в статическом состоянии. Изучение морали с точки зрения морального выбора дает возможность раскрыть ее динамическую сторону, увидеть, как работают нормы, принципы, нравственные ценности и оценки в практике общественных отношений.

Моральный выбор иногда трактуют слишком узко лишь как сознательный акт принятия человеком решения. Но для того, чтобы

это решение было принято, необходимо наличие определенных объективных и субъективных предпосылок и условий выбора, возможностей познания этого выбора. Кроме того, принятием решения не заканчивается акт выбора. Продолжением его служит выбор средств реализации решения, практическое его осуществление и оценка результата. Поэтому при рассмотрении морального выбора в поле зрения попадают почти все объективные и субъективные компоненты поведения человека.

С этой точки зрения структура морального выбора может быть представлена следующим образом: формулировка проблемы, познание вариантов выбора, принятие решения, выбор средств достижения цели, практическая реализация выбора (процесс достижения цели), получение результатов и их оценка.

При этом следует учитывать, что выбор человеком пути решения проблемы зависит от объективных и субъективных условий. К числу объективных условий можно отнести наличие вариантов выбора поведения и возможности их реализации. Субъективные условия включают в себя уровень нравственного развития личности, степень усвоения ею нормативных требований той или иной системы морали, развитость чувства долга, совести и другие нравственные характеристики личности.

Диапазон целей, которые встают перед человеком, группой или обществом и определяют необходимость морального выбора, достаточно широк. Он характеризуется и степенью общности субъекта (личность, группа, общество), и значимостью (удовлетворение сиюминутной потребности или наиболее полная реализация интересов субъекта выбора), и уровнем сложности (простая, ясная, легкодоступная цель и цель, требующая преодоления трудностей, связанная с большими материальными, физическими или моральными затратами). Соответственно, нравственная оценка различных целей будет неоднозначна.

Цели, стоящие перед правоохранительными органами и их сотрудниками, обусловлены задачами борьбы с преступностью, носят социально значимый характер, имеют глубоко гуманистическое содержание. Однако это не означает, что любая цель, которую преследуют правоохранительные органы или их сотрудники, автоматически приобретает положительное нравственное содер-

жание. Это содержание зависит от соблюдения законности, уровня правосознания, форм и методов деятельности и многих других факторов. Поэтому в каждом конкретном случае требуется всякий раз по-новому оценивать возникающую цель.

Для того чтобы выбор поступка был наиболее эффективным и с практической, и с нравственной стороны, человек должен познать все варианты возможных действий, чтобы затем определить среди них наилучший с его точки зрения. Специфика борьбы с преступностью вносит некоторые особенности в познание вариантов выбора, главная среди которых состоит в том, что сотрудникам правоохранительных органов достаточно часто приходится делать моральный выбор в ситуациях риска, когда трудно выяснить все возможные варианты выбора.

Отсутствие достаточной информации для принятия решения может толкнуть человека на совершение необдуманных действий, когда во имя долга и идеала он не обращает внимания на обстоятельства и последствия своих поступков. Это тип авантюрного поведения, нередко связанный с проявлениями индивидуализма, честолюбия, стремления выделиться, безответственности.

Другой тип поведения в рискованных ситуациях — так называемый «гамлетизм», когда человек отказывается от решительных действий из-за боязни ошибиться. «И вянет, как цветок, решимость наша в бездумье умственного тупика», — эти шекспировские слова достаточно полно характеризуют такое поведение. Но при этом следует учитывать, что отказ от выбора — это тоже форма выбора, к тому же не всегда лучшая.

Характер правоохранительной деятельности, связанный с острым противоборством, нестандартными ситуациями, значительно обостряет проблему выбора в условиях риска. Эту проблему подметил еще Аристотель в своей работе «Никомахова этика», когда выделил действия субъекта «по неведению» и «в неведении». Действия «в неведении» — когда человек сознательно избирает незнание, неведение. Действия «по неведению» имеют место тогда, когда остаются неизвестными некоторые частные или случайные обстоятельства, которые помимо воли действующего лица изменяют смысл поступка (когда, скажем, сотрудник ГАИ, пытаясь задержать преступников и не зная, что в салоне автомобиля по-

мимо них находится еще ребенок, случайно ранит этого ребенка). Установление того, является ли действие непроизвольным, представляет порой трудную задачу, идет ли речь об установлении обстоятельств по уголовному делу или о разбирательстве по служебному проступку сотрудника.

Специфика борьбы с преступностью нередко обуславливает ситуации, когда сотрудники правоохранительных органов в силу тех или иных причин не заинтересованы в познании всей совокупности возможных вариантов выбора, а ограничиваются познанием лишь некоторых из них, то есть сознательно выбирают неведение. Например, следователь, выдвинув одну, понравившуюся ему следственную гипотезу, не изучает другие, менее вероятные, на его взгляд, варианты совершения преступления. Но в силу скрытого характера преступной деятельности те обстоятельства, которые представляются следователю несущественными, могут на самом деле оказаться наиболее значимыми, то есть выбор, сделанный этим следователем, окажется неверным по его вине.

Иная ситуация возникает, когда приходится действовать «по неведению», то есть когда варианты поведения независимо от воли человека остаются от него скрытыми и поэтому его действия могут иметь иной смысл, нежели он предполагал. В правоохранительной деятельности такие ситуации нередки, поскольку преступники в большинстве случаев стараются скрыть истинные обстоятельства своей вины и направить действия правоохранительных органов на выбор ложного варианта. Кстати, и в приведенном выше примере действия следователя «в неведении» дополняются действиями «по неведению», что приводит к неверному выбору поведения.

Если будет установлено, что выбор действия был сделан правильно, но его осуществлению помешали объективные условия или условия, которые сотрудник не мог предвидеть, нравственная оценка этих действий должна быть положительной. Отрицательной оценки заслуживают те ошибки в выборе, которые вызваны некомпетентностью морального решения, нецелесообразностью избранных средств.

Конечно, трудно дать какую-то формулу определения значения того или иного поступка в рискованных ситуациях, но можно попытаться выяснить, правильный ли выбор сделал человек. Если

сотрудник правильно соотнесет значение упущенной в результате выгоды с возможным в случае неудачи ущербом, соизмерит вероятность успеха с вероятностью неудачи и в результате придет к обоснованному выводу о целесообразности рискованных действий, то независимо от их исхода и последствий не может быть речи о привлечении его к ответственности. Напротив, в случае неудачи у него должна быть закреплена установка на оправданный риск. Подлежит ответственности тот сотрудник, который идет на неоправданный риск, но еще в большей мере тот, кто не выполняет возложенных на него обязанностей, бездействует из боязни последствий.

Если при выявлении вариантов выбора мораль играет роль регулятора, направляющего на наиболее полное и всестороннее исследование обстоятельств и возможностей выбора, то на этапе выбора варианта поведения ей отводится решающая роль.

Важнейшую роль в выборе варианта поведения играет нравственная мотивация. Почему именно этот поступок наиболее предпочтителен? Чем обосновывается такой выбор? Эти вопросы в наибольшей степени характеризуют выбор варианта поведения.

Выбор всегда означает признание приоритета (предпочтения) одной ценности перед другой. В одних случаях обоснование выбора и сам выбор не вызывают затруднений, в других связаны с острейшей борьбой мотивов. Ситуации второго рода обычно называют нравственными конфликтами.

3.9. Нравственные конфликты в правоохранительной деятельности

Правоохранительная деятельность в силу острого противостояния с преступниками, использования специфических сил и средств достаточно часто ставит сотрудников в ситуации нравственного конфликта. Данные конфликты возникают при наличии противоположной направленности мотивов, когда субъекту приходится мысленно «взвешивать» общественную необходимость, выраженную в требованиях долга, и личные планы, рационально осознанные мотивы и идущие вразрез с ними желания, когда воз-

никает колебание между выбором близких и дальних целей, когда человека тревожит выбор между большим и меньшим злом и т.д.

Особенность нравственного конфликта состоит в том, что в сложившейся ситуации выбор любого поступка как следование той или иной норме морали ведет к нарушению другой нормы. Сложность здесь состоит не столько в том, что человек может не знать некоторых нравственных норм и потому не в состоянии сделать выбор, а также не в том, что он не желает выполнять требования морали, сколько в необходимости разрешить столкновение этих требований.

Примером может служить ситуация, когда перед сотрудником правоохранительных органов, производящим обыск на квартире подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, встает дилемма: либо произвести осмотр постели больного человека, находящегося при смерти, либо, руководствуясь гуманными соображениями, отказаться от этого. Сложность подобных ситуаций состоит еще и в том, что преступник нередко придерживается иной системы моральных ценностей и, зная, что нормы морали для сотрудников правоохранительных органов имеют высокую степень императивности, старается использовать это в своих интересах.

Среди конфликтов, имеющих профессиональное значение для сотрудников правоохранительных органов, следует обратить внимание на внешние и внутренние конфликты. Внешние конфликты проявляются как острые нравственные противоречия между людьми (личность — общество, личность — группа, личность — личность, группа — группа, группа — общество). Они выражают расхождение направленности ценностных ориентации отдельных личностей, социальных групп и общества.

Природа внутренних конфликтов иная. Их источником является сложность, разнохарактерность самих мотивов личности, находящихся в подчинении и соподчинении друг другу.

Разрешение внутреннего конфликта может явиться в ряде случаев поводом к возникновению внешнего. Так, принятие человеком решения сотрудничать с правоохранительными органами на конфиденциальной основе может быть, например, результатом разрешения внутреннего конфликта между страхом разоблачения в той среде, в которой ему приходится работать, и осознанием необ-

ходимости такого сотрудничества в пользу последнего, что может привести к возникновению внешнего противоречия (конфликта) между негласным помощником и средой его деятельности (если эта среда имеет противоположную моральную направленность).

Особенность деятельности сотрудника правоохранительных органов состоит в том, что иногда ему приходится работать в преступной среде, скрывая свою принадлежность к государственным структурам. В этих ситуациях в сознании человека одновременно сосуществуют две нравственные системы — одна, которую он разделяет сам, и другая, которую разделяет преступная среда и в соответствии с которой он должен строить свое поведение в этой среде. Вспомните хотя бы случай из кинофильма «Место встречи изменить нельзя», когда сотрудник уголовного розыска Шарапов внедряется в банду «Черная кошка».

В сознании человека в таких ситуациях одновременно конфликтно взаимодействуют различные системы моральных ценностей. С этой точки зрения данный конфликт может быть назван внутренним. Однако специфика внутреннего конфликта состоит в том, что для него характерна борьба норм, ценностей, мотивов, признаваемых личностью в качестве верных. Для внешнего конфликта, напротив, характерно отрицание правильности противоположных убеждений, взглядов, ценностей, идей. Сотрудник, работающий в чуждой среде, вынужден скрывать свое конфликтное отношение к той системе моральных ценностей, которая господствует в этой среде. Такое положение вызвано не ситуацией морального выбора (выбор сотрудником уже сделан), а особенностями оперативной работы. Поэтому данный конфликт можно назвать скрытой формой внешнего конфликта.

Форм проявления моральных конфликтов в правоохранительной деятельности существует множество. Они обусловлены конкретными особенностями того или иного направления этой деятельности, специфическими условиями, в которых осуществляется эта деятельность, социально-психологическими характеристиками участников конфликта и другими обстоятельствами.

Развитие конфликта приводит к его разрешению, то есть выбору определенного варианта поступка или поведения. Здесь важно помочь человеку определить правильную позицию, лежащую

в основе принимаемого им решения. Причем эта позиция будет тем более прочной, чем более осознаваемые человеком моральные требования превращаются в его убеждения. Этот вопрос имеет практическое значение для правоохранительной деятельности, в частности, для работы с негласными помощниками. Негласный помощник может осознавать правильность принятого им решения сотрудничать с правоохранительными органами, иметь верное представление о моральной стороне этого решения, сознательно и добровольно выполнять задания оперативного работника и при этом субъективно, психологически не чувствовать внутреннего удовлетворения от своего поведения. Так бывает, когда осознание своего поведения не превратилось в устойчивые убеждения, чувства, привычки. Негласный помощник может совершать правильные поступки и мотивировать их, но это не всегда мотивация убеждения. Воля к самопринуждению, чувство долга — это тоже высокие мотивы положительного поведения, но все-таки ставить их на один уровень с мотивацией убеждения, которая характеризует высший тип нравственного поведения, нельзя.

В литературе предпринимаются попытки выработать рекомендации, способствующие преодолению и разрешению нравственных конфликтов. В качестве общего принципа при этом выдвигается положение об иерархии нравственных ценностей, системе предпочтений (общественный долг, например, рассматривается как более высокий по сравнению с частным).

Аксиомой в разрешении моральных конфликтов нередко является положение о приоритете общественного интереса перед частным. К сожалению, в действительности это положение понимается и реализуется подчас весьма упрощенно и грубо. Конфликтную ситуацию нередко разрешают простым принесением интересов отдельной личности в жертву общему интересу, не замечая при этом, что ситуация при более тщательном анализе обнаруживает, может быть, несколько более сложный способ своего разрешения, но зато такой, при котором реализация общего интереса не потребует каких-то жертв от индивида. Подчинение личного общественному — это крайний, хотя и довольно часто встречающийся вариант разрешения тех ситуаций, в которых другого выхода быть не может. Для оптимального выхода из конфликтной ситуации необходима

не только готовность личности пожертвовать собственными интересами, но и усилия общества по удовлетворению интересов личности. Только в таком встречном движении от личности к обществу и от общества к личности и возможен правильный моральный выбор.

Решение, принятое в ситуации выбора, для своей реализации требует определенных средств достижения поставленной цели. С этой точки зрения средства выступают промежуточным звеном между собственно выбором и целью. Данный этап морального выбора представлен в виде проблемы соотношения цели и средств ее достижения. Для деятельности правоохранительных органов решение этой проблемы представляет не только чисто научный, но и практический интерес, что обусловлено характером их работы и спецификой используемых ими средств.

Вопрос о том, как соотносятся цели, выдвигаемые людьми, со средствами, которые применяются для их достижения, служил камнем преткновения в течение многих веков. В своей классической формулировке он выражался следующим образом: оправдывает ли цель любые средства? При этом подразумевается благородная цель.

История этической мысли выдвинула два альтернативных ответа на вопрос о соотношении цели и средств, наиболее ярко воплотившем в концепциях макиавеллизма и так называемого абстрактного гуманизма.

Первая концепция известна как принцип «цель оправдывает средства». Она исходит из того, что средства обусловлены целью, подчинены ей, в то время как цель независима от средств. В качестве основного критерия для выбора средств выдвигается их эффективность для достижения цели, нравственная сторона при этом в расчет не берется.

Вторая концепция придерживается прямо противоположной позиции, согласно которой ни какая цель не оправдывает средства. Средства совершенно независимы от цели и обладают самостоятельностью и своей ценностью: либо положительной, либо отрицательной. Так, если иезуиты как представители первого направления считали, что любое насилие оправдано, если оно помогает быстрейшему достижению цели, то сторонники движения не-

насилия признают насилие абсолютным злом, не допустимым ни в коем случае. По мнению последних, в зависимости от того, каковы средства, такова будет и цель: благородные средства определяют благородную цель, безнравственные средства ведут к достижению безнравственной цели. Другими словами, основа этой концепции заключается в тезисе: не цель оправдывает средства, а напротив, средства определяют цель.

Естественно, в своих крайних формах апология иезуитизма или абстрактного гуманизма встречается относительно редко. Даже сам Макиавелли, с именем которого связывают принцип «цель оправдывает средства», не был сторонником полного отказа от учета нравственного содержания средств, используемых для достижения цели.

Правоохранительная деятельность, пожалуй, как ни одна другая, требует научного решения проблемы соотношения цели и средств. Во многом это связано с не всегда положительной оценкой в общественном мнении как используемых в ней средств, так иногда и самих целей, когда они направлены, например, на защиту политических сил, реализующих не государственный, а свой личный или групповой интерес. Но даже наличие благородной цели защиты безопасности личности, общества и государства не ограждает используемые правоохранительными органами средства и методы деятельности от неоднозначной оценки со стороны общественной морали. Понятно, что сотрудники данных государственных органов не могут взять на вооружение ни концепцию макиавеллизма, ни концепцию абстрактного гуманизма, поскольку и та, и другая абсолютизируют крайности при решении вопроса о соотношении цели и средств. Наиболее правильной следует признать позицию, в соответствии с которой цель и средства объективно взаимосвязаны, находятся в состоянии диалектического взаимодействия.

В соответствии с этой позицией признается обусловленность средств, выбираемых людьми, целью, стоящей перед ними. Но и то же время не отрицается и обратное влияние средств на цель, признается, что средства могут исказить благородную цель. Средства должны соответствовать поставленной цели. В этом соответствии цель играет доминирующую роль. Именно она определяет состав средств, обуславливает их нравственное содержание.

Соответствие цели и средств означает, что в своем единстве они дают поступок или поведение, которые могут быть оценены как нравственно положительные, несмотря на то, что цель или средство как самостоятельные явления могут быть отрицательными. Так, скажем, борьба с преступностью сама по себе однозначно оценивается, как нравственно положительное явление, а принуждение по отношению к человеку вряд ли может получить такую оценку. Однако когда мы рассматриваем борьбу с преступностью и принуждение как цель и средство, эта однозначность исчезает. Если суд за совершение разбойного нападения назначает преступнику наказание в виде лишения свободы с отбыванием наказания в тюрьме — это справедливая мера наказания, показывающая соответствие средства (тюремное заключение как вид принуждения) цели (борьба с преступностью) и имеющая положительную нравственную оценку, несмотря на использование в принципе негативного средства. И напротив, лишение свободы за переход улицы в неполюженном месте рассматривалось бы как несправедливое, поскольку в данном случае нарушен принцип соответствия цели и средства.

Критерием для определения положительной или отрицательной ценности поступка или поведения может быть признан следующий: нравственно допустимым считается поступок, совершение которого повлекло за собой меньшие материальные, физические, нравственные или иные издержки, нежели его не совершение. Или иначе, если результат, достигнутый с помощью данных средств, окажется по своему значению выше, чем ущерб, нанесенный применением этих средств.

По сути этот же критерий положен в основу юридической ответственности в ситуации крайней необходимости, что говорит о единстве нравственной и правовой норм, действующих в подобных ситуациях. Так, не является преступлением деяние, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным кодексом, но совершенное в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей интересам государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если

причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред.

В правоохранительной деятельности нередко возникают ситуации, когда для достижения благородной цели необходимо использовать средства, связанные с ущемлением прав и свобод личности. Безусловному осуждению подлежат действия, когда из всего наличия средств для достижения цели выбираются заведомо негативные, хотя, возможно, и самые эффективные. Сложнее обстоит дело, когда обстоятельства предоставляют лишь такие средства, которые нельзя однозначно признать нравственно положительными. Если моральные издержки от используемых средств перекрывают нравственную ценность цели, то нужно категорически отказываться от достижения цели. Скажем, если действия в рамках необходимой обороны оцениваются как необходимые и допустимые, то превышение этой меры квалифицируется уже как уголовно наказуемое деяние. В данном случае неправильный выбор средств (при положительной цели) приводит к негативной оценке поступка.

В ситуации определения соответствия цели и средств мы имеем дело с предполагаемыми последствиями от использования тех или иных средств и достижения той или иной цели. Это положение важно как в процессе выбора, так и при оценке результатов выбора. Разница состоит лишь в том, что в первом случае все возможные последствия являются предполагаемыми (возможными), во втором они налицо (действительны).

Таким образом, выбор средств достижения цели может быть признан верным при соблюдении следующих условий:

- полного изучения предполагаемых последствий от достижения цели и от использования каждого из имеющихся в распоряжении средств;
- изучения возможностей наступления этих последствий;
- соотнесения предполагаемых последствий от избранного средства с последствиями использования других средств или отказа от достижения цели.

Признание выбора правильным не означает, что при реальном его осуществлении всегда получаются предполагаемые результаты, что связано с наличием случайности, а также со скрытыми от человека, совершающего выбор, объективными обстоятельствами,

которые могут повлиять на конечный результат. В таком случае этот человек не подлежит ответственности, поскольку выбор поступка им был сделан правильно, хотя и силу не зависящих от него обстоятельств он оказался неверным.

При рассмотрении проблемы морального выбора, в том числе соотношения целей и средств в правоохранительной деятельности, неоднократно вставал вопрос о допустимости и границах применения мер правового принуждения, специальных средств борьбы с преступностью. С одной стороны, несомненно, что использование этих средств правоохранительной деятельности вызвано объективными обстоятельствами. Без применения правового принуждения, средств оперативно-розыскной деятельности невозможно эффективно бороться с таким социальным злом, как преступность. С другой стороны, так же очевидно, что эти меры ущемляют личную свободу граждан, пусть даже подозреваемых или совершивших преступление. Сам по себе факт ограничения личной свободы граждан, взятый вне социальных условий, не может быть признан положительным. Но всякая оценка дается не абстрактным, а конкретным явлениям. Конкретно-исторический подход признает вмешательство в личную жизнь граждан, ограничение их свободы как в принципе негативное, но в то же время допускает возможность и даже необходимость такого вмешательства для ограждения личных интересов или интересов других граждан, общества, государства от преступных посягательств на них.

Нельзя не учитывать и того, что использование мер правового принуждения оказывает не всегда положительное влияние на самих сотрудников правоохранительных органов. В частности, может произойти деформация морального сознания и даже изменение некоторых личностных качеств. Например, может сформироваться установка на допустимость применения любого принуждения, вмешательства в личную и общественную жизнь граждан, произойти снижение ценности человеческой свободы, привыкание к «изнанке» жизни и т.п. Поэтому известный русский мыслитель И. А. Ильин, много внимания уделивший вопросу о «сопротивлении злу силою», предупреждал, что только лучшие люди способны на такую работу, не заражаясь ею. Они должны твердо знать, где, в чем и почему их деятельность отступает от заветов праведности,

и допускать это не более, чем того требует необходимость борьбы со злом.

Таким образом, речь должна идти не о возможности применения мер правового принуждения и средств оперативно-розыскной деятельности в принципе (такое применение обусловлено объективными обстоятельствами борьбы с преступностью), а о том, какова мера, обоснованность их применения в каждом отдельном случае.

В оценке деятельности правоохранительных органов нередко используется двоичная формула «нравственное-безнравственное», которая имеет и глубокие исторические корни. Еще древние стоики утверждали, что как палка бывает или прямая, или кривая, так и поступок — или справедлив или несправедлив. Согласно такой позиции мораль, чужда каких бы то ни было расчетов и безразлична к количественной стороне: нет существенной разницы между тем, кто крадет золото из банка, и тем, кто крадет булку из лавки. Нравственность, с этой точки зрения, в равной мере порицает и те и другие поступки. Но в действительности никогда не бывает абсолютно белого или абсолютно черного. Реально существует огромный спектр оттенков, располагающихся между этими абсолютами. Точно так же любой поступок имеет свой нравственный «оттенок». В приведенных выше рассуждениях игнорируется реально существующее различие между злом, причиненным, допустим, одному человеку, и оскорблением, нанесенным всему обществу; между неуважением, проявленным к человеку, и предательством по отношению к нему. Не случайно даже терминологически существует «количественная» градация нравственности. Одну степень осуждения мы вкладываем в выражение «он совершил неэтичный поступок» и другую — в выражение «он совершил безнравственный поступок», хотя и в том и в другом случае речь идет о нарушении требования морали, но значимость этих нарушения различна. Давая, например, одинаковую положительную оценку действиям сотрудника правоохранительных органов, который идет под пули бандитов, захвативших заложников, и действиям оперативного работника, вынужденного скрывать от близких и знакомых истинный характер своей работы, нельзя не заметить их различную нравственную ценность. В первом случае речь идет о безусловно нравственном поступке, во втором — о пограничном с безнравственным.

Следовательно, диапазон понятий «нравственное» и «безнравственное» достаточно велик. Причем даже в тех явлениях, которые получают безусловно нравственно положительную или отрицательную оценку, всегда содержится элемент противоположной оценки. Так, в первом случае приведенного выше примера жертвенность сотрудника во имя жизни других людей омрачается возможностью его гибели или ранения, горем его близких и друзей и т.д., что уже привносит негативное содержание в это явление, и в то же время данный факт усиливает положительную ценность поступка сотрудника. В этом состоит диалектика нравственности: чем большее зло преодолевается поступком, тем выше его положительное содержание, и чем больший ущерб причиняется человеку, борющемуся со злом, тем более ценным является его поступок.

Все поступки людей могут быть расположены на одной линии с двумя уходящими в бесконечность полюсами: к абсолютной нравственности и абсолютной безнравственности. На этой линии просматриваются различные виды поведения, среди которых выделяются идеальное, желательное, допустимое, в совокупности составляющие положительное (должное) поведение и отрицательное (недопустимое) поведение. Учитывая особый характер деятельности правоохранительных органов, особое внимание нужно уделить нравственно допустимому поведению как наиболее значимому для них и неоднозначно оцениваемому.

Идеальное поведение опирается на общечеловеческие ценности. Это императив, норма-идеал, вытекающая из сущностной основы человека и объективной потребности в установлении действительно человеческих форм взаимоотношений между людьми. Таково, например, поведение человека, руководствующегося принципом «не лги» без каких бы то ни было исключений. Но в реальности такое поведение, которое действительно должно быть основой человеческих отношений, нередко становится безнравственным, поскольку не учитывает конфликтных жизненных коллизий, компромиссности морального выбора, столкновения моральных норм. Руководствуясь такой нормой-идеалом, мы должны были бы признать поведение оперативного работника, легендирующего свои действия перед преступниками, безнравственным, что, естественно, было бы несправедливо. А как оценить по-

ведение человека, который, зная, что коллега находится на грани нервного срыва, сообщает ему неприятные сведения, что приводит к его самоубийству? Не случайно мудрость гласит: «Правда, сказанная злобно, лжи отъявленной подобна». То же можно сказать и о других нормах-идеалах: не убивай, не кради, не прелюбодействуй и т.п. По сути, любая норма нравственности, будучи абсолютизированной, т.е. когда она рассматривается как обязательная всегда, везде, при любых обстоятельствах, превращается в норму-идеал и при определенных условиях становится невыполнимой и даже безнравственной.

Иначе говоря, требования к идеальному поведению не всегда находят достаточно объективных условий для своей реализации. Поэтому часть положительного поведения, которая не имеет условий для своей реализации на практике в массовых масштабах, становится желательным поведением. Общество не может требовать от людей такого поведения, но оно может ориентировать их на него, создавать условия для его реализации. Так, обеспечение личной безопасности каждого человека — это область должного поведения, но существующие общественные отношения, к сожалению, не позволяют реализовать это требование в полной мере.

Но если моральные нормы и принципы не могут реализоваться в действительности в полной мере и в массовом масштабе, то есть не укладываются в рамки идеального и желательного поведения, означает ли это, что все остальное поведение должно быть отнесено к безнравственному? Давая положительный ответ на этот вопрос, мы допустили бы большую ошибку. Можем ли мы признать нравственно идеальным или желательным поведением действия сотрудника милиции, который, защищая жизнь человека от вооруженного преступника, подчас рискуя при этом собственной жизнью, наносит последнему смертельное ранение? Едва ли кто признает убийство человека в принципе соответствующим идеальным или желательным формам человеческих отношений. Но в то же время в данном конкретном случае ни у кого не вызывает сомнения, что мужество сотрудника милиции оценивается по высшей шкале нравственных ценностей. Как писал Гегель, «суды, войны не только имеют право убивать людей, но это их долг, однако при этом точно определено, по отношению к какого типа людям и при каких обстоятельствах это дозволено и является долгом».

Оценивая такие поступки, мы нередко называем их нравственно оправданными. Но, пожалуй, более правильно было бы вести речь о нравственно допустимых поступках и поведении, к числу которых относится использование мер правового принуждения и специальных средств оперативно-розыскной деятельности.

Понятия «нравственная допустимость» и «нравственная оправданность», на первый взгляд, тождественные понятия, что не лишено основания, поскольку в нравственное оправдание нередко вкладывается тот же смысл, что и в нравственную допустимость. Однако между ними есть и существенные различия, которые можно увидеть, раскрывая *содержание нравственной допустимости*, которое сводится к следующему: Нравственная оправданность носит в большей степени субъективный характер. Она предполагает, что оправдываются аморальные, выходящие за рамки нормы поступки или поведение, на совершение которых человека вынудили обстоятельства. С этой точки зрения, например, дезинформация противника должна быть признана безнравственной, хотя и оправданной. Точно так же безнравственными следовало бы считать целый ряд средств и методов правоохранительной деятельности, например, использование агентурных сообщений о преступной деятельности, оперативно-технических средств в целях выявления, предупреждения и пресечения этой деятельности, так как подобные действия не являются нравственно идеальными. Едва ли такой подход можно считать соответствующим действительности.

Нравственная допустимость, напротив, опирается на объективные основания. Она исходит из того, что совершен (предполагается совершить) поступок, который укладывается в рамки нравственности, но вследствие действия объективных обстоятельств не является идеальным с точки зрения критерия морали. Когда мы говорим о нравственно допустимом поступке или поведении, то, не отрицая его «нежелательного» характера, тем не менее, признаем его нравственным. Так, идеалом был бы отказ от мер правового принуждения по отношению к нарушителям закона, но такой отказ был бы безнравственным по отношению к другим гражданам и обществу, поскольку открывает простор преступной деятельности. Вот почему в ситуации «использовать или не использовать меры правового принуждения и специальные средства оперативно-

розыскной деятельности» предпочтение отдается использованию этих мер и средств как наиболее гуманному и справедливому. Поэтому Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепил положение о том, что «при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга».

Чем более низок уровень преступности, тем выше должна подниматься планка нравственной допустимости и тем меньше возможностей должно быть для использования правоохранительными органами названных средств.

Таким образом, *нравственно допустимое поведение* — это поведение, хотя и отвечающее требованиям морали, но находящееся на границе нравственного и безнравственного, это «минимум нравственности». Конкретный поступок человека может не нести в себе высшие идеалы гуманизма, но быть необходимым для достижения благородной цели. Допустимый поступок — это наиболее приемлемый в данных условиях с точки зрения всех критериев поступок. Следовательно, понятие нравственной допустимости означает придание положительной оценки таким действиям, которые не выступают идеалом нравственности, но являются наиболее нравственными в тех или иных условиях. Идеальное и желательное поведение соответствуют требованиям нормы-идеала, допустимое поведение — требованиям нормы-меры. Норма-мера указывает не на цель, а на границы поведения, которое можно назвать нравственным.

Допустимое поведение отстает от нравственного идеала, но является нормой для данных конкретных обстоятельств возникает, как правило, в результате разрешения нравственных конфликтов и выражает меру возможного отступления от моральных норм в случае их столкновения. Так, конфликтное столкновение двух нравственных норм — необходимость обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств

и недопустимость ограничения личной свободы человека порождает компромиссную норму, допускающую ограничение личной свободы, но в строго определенных законом пределах. Если отдать предпочтение норме обеспечения безопасности при полном игнорировании личной свободы, можем получить ситуацию, хорошо описанную Дж. Оруэллом в романе «1984». Казалось бы, чем больший контроль над поведением граждан будет установлен, в том числе с помощью средств оперативно-розыскной деятельности, тем меньше возможностей для совершения преступниками противоправной деятельности. Но необоснованное расширение такого контроля приводит к противоположному результату, когда средство — защита человека для обеспечения его личной свободы — превращается в цель. А прежняя цель (личная свобода) исчезает. И наоборот, полный отказ от средств обеспечения безопасности личности, общества и государства, затрагивающих личную свободу граждан, развязал бы руки преступникам и тем самым сделал эту свободу невозможной.

Как врач, который вынужден использовать средства лечения, доставляющие больному неудобства и боль, так и правовая система вынуждена защищать права и свободы граждан и законные интересы общества, используя средства, не совсем удобные для общества, но необходимые для поддержания его социального здоровья.

Другое дело, в какой мере допустимы эти средства. В истории правоохранительной деятельности немало примеров, когда, излечивая одну «болезнь», неумеренное употребление «лекарств» вызывало другую: желая оградить человека от преступной деятельности, ущемляли его личную свободу. Вот почему так важно верно определять меру допустимого поведения в каждой конкретной ситуации.

Нравственная оправданность не позволяет дать разграничение нравственных и безнравственных поступков, ибо если что-то оправдывается, то уже как бы предполагается, что оправдывается безнравственное, поскольку нравственное поведение не имеет смысла оправдывать. Поэтому в данном случае требуется определить, насколько, в какой мере оправдано безнравственное поведение. Таким образом, оправданию можно подвергнуть любое амо-

ральное действие, так как аргументы для такого оправдания всегда можно подыскать. Тем самым нравственное оправдание не имеет своего предела.

Нравственная допустимость, напротив, устанавливает предел, границу, за которой начинается безнравственное. Критерием для определения этого предела являются не субъективные аргументы, а совокупность объективных условий. Поэтому, например, можно найти оправдания для следователя, в прямом и переносном смысле выколачивавшего в 1937 году из подсудимых необходимые для «дела» показания, но нельзя признать его действия нравственно допустимыми.

Разграничение оправданности и допустимости позволяет решить и проблему так называемого добродетельного обмана, к которому относится, в частности, дезинформация противника, легендирование оперативно-розыскной деятельности и некоторые другие средства правоохранительной деятельности. Нередко на уровне обыденного сознания правда отождествляется с положительной нравственной ценностью, а ложь — с отрицательной. Это имеет под собой основание, так как в подавляющем большинстве случаев положительной оказывается правда.

Признание любого обмана аморальным восходит еще к Августину Блаженному и находит своих последователей на протяжении всей истории этической мысли. Так, И. Кант считал ложь недопустимой, даже если это ложь во спасение. Но поскольку в ряде случаев обман все-таки признается необходимым, появляются различные попытки оправдать добродетельный обман, считая его тем не менее аморальным. Однако подобное «оправдание» наносит больше вреда, чем признание добродетельного обмана положительным, поскольку позволяет оправдать любой обман, так как снимает границу между нравственным и безнравственным, границу допустимости обмана. К этому следует добавить, что и правда не всегда нравственна. Раскрытие перед преступниками плана проводимой правоохранительными органами операции вряд ли может получить положительную оценку.

Точно так же оценивается и умолчание. С одной стороны, государственная, следственная, врачебная тайна — это формы умолчания, имеющие положительное нравственное содержание. С другой

стороны, умолчание о совершенном преступлении из-за желания «умыть руки», остаться в стороне осуждается моралью. Не случайно Эрих-Мария Ремарк говорил, что умывающие руки, как правило, умывают их в крови. Так, о подготовке к захвату автобуса с заложниками в аэропорту Минеральных Вод, приведшему к человеческим жертвам, знали по меньшей мере пять человек, не имевших отношения к преступлению, но никто из них не постарался предупредить его.

До недавнего времени от широкой общественности тщательно скрывался факт использования правоохранительными органами негласных помощников, казалось бы, с благой целью — не возбуждать в народе излишней подозрительности. Но если защита безопасности личности и общества осуществляется в их интересах, то они вправе знать, какими средствами достигается эта безопасность. Если же эти средства скрываются, то вполне естественно может возникнуть подозрение: либо эти средства используются не по назначению, либо имеются иные средства, более гуманные и приемлемые для общества, но не совсем удобные для правоохранительных органов. Если в действительности ни то, ни другое не верно, то нет оснований для сокрытия от общественности тех средств обеспечения безопасности, которые применяются для защиты интересов личности, общества и государства. Ссылки на то, что тем самым мы расшифруем эти средства перед преступниками неуместны, поскольку последние прекрасно осведомлены о них. Другое дело, если речь идет о конкретных формах и способах применения этих средств. Здесь принцип конспирации должен действовать в полной мере. Поэтому закрепление в законе об оперативно-розыскной деятельности специальных средств и условий их применения придает им не только правовую, но и нравственную основу.

При различении оправданности и допустимости очень важен психологический аспект. Нравственная оправданность у людей с обостренным чувством справедливости вызывает постоянные угрызания совести за аморальность своих действий, что на первый взгляд, казалось бы, хорошо. Но в действительности это может вылиться в два негативных типа поведения. Во-первых, в отказ от нравственно необходимых в данных условиях поступков во имя

абстрактного принципа и тем самым фактически в отказ от выбора наиболее правильного поведения. Примером такого типа поведения может служить отказ гражданина сотрудничать с правоохранительными органами на том основании, что эта деятельность противоречит его нравственным принципам. Воспринимая любой вид тайного сообщения кому-либо какой бы то ни было информации как аморальный поступок, этот человек отождествляет доноительство как безусловно безнравственное поведение с оказанием помощи в борьбе с преступностью, имеющей противоположную нравственную оценку. Во-вторых, психологические переживания, вызванные ложными представлениями о нравственном и безнравственном, могут привести к совершению действительно аморальных поступков, к так называемой стыдливой безнравственности, когда угрызения совести, призванные стоять на границе моральности, теряют ориентиры и размывают эту границу.

В отличие от оправданности нравственная допустимость, основанная на понимании того, что в данных условиях именно такое поведение является единственно возможным, то есть в наибольшей степени отвечающим требованиям нравственности, позволяет человеку обрести уверенность в правильности своих действий и в то же время не дает ему возможности переступить черту, отделяющую допустимое поведение от недопустимого. Это не значит, что человек лишается угрызений совести, принося их в жертву рационализму. При нравственно допустимом поведении человек должен испытывать такие угрызения не за отступление от нормы-идеала, а за то, что, имея возможность в данных условиях выбрать наиболее удовлетворяющий нравственным требованиям вариант поведения, выбрал другой, менее нравственный, но более отвечающий тем или иным его интересам и потребностям.

Не может быть какого-то единого правила, рецепта, руководствуясь которым человек безошибочно определял бы единственно верный в данных условиях вариант поведения, но жизнь работала, хотя иногда и критикуемый, но, тем не менее, наиболее приемлемый в подобных ситуациях критерий «наименьшего зла». Невозможность выполнения моральной нормы-идеала в полном объеме в силу объективных обстоятельств, столкновение норм при выборе варианта поведения приводят к необходимости взвешива-

ния последствий выполнения разных норм, чтобы ущерб от невыполнения тех или иных норм был наименьший. В практическом плане это означает необходимость всесторонне взвесить все последствия и принять решение, наиболее соответствующее принципам гуманизма и справедливости.

В этой связи важно отметить, что решение о допустимости использования того или иного средства деятельности правоохранительных органов может быть признано верным, если будут учтены все или по меньшей мере наиболее значимые последствия, которые может предвидеть человек, выбирающий это средство. В любых действиях учитываются прежде всего их прямые последствия. Однако эти последствия могут иметь значение как для самого человека, так и для других людей, в том числе общества.

С точки зрения морали важно учитывать интересы как отдельной личности, так и социальной группы или общества. В практике деятельности правоохранительных органов бывают ситуации, когда человек, отстаивая свои законные, признанные обществом интересы, причиняет ущерб другим людям и даже целым группам людей (например, при необходимой обороне, в борьбе с несправедливостью и т.п.). Следовательно, не все те действия, в которых преобладают эгоцентрические интересы и возникают соответствующие последствия, являются безнравственными. Безусловно, порочным следует признать лишь такое поведение, когда ущерб от действий человека в названных ситуациях превышает его моральные (и законные) права на защиту своей жизни, чести и достоинства. Скажем, спасая свою жизнь, человек достигает этого ценой гибели других ни в чем не повинных людей. Многие следователи в годы сталинских репрессий понимали, что отправляют в лагерь или на смерть безвинных людей, но отказ любой ценой выполнять установку вождя об усилении борьбы с окопавшейся контрреволюцией мог обернуться теми же последствиями для самих следователей. Наиболее честные, не поступившиеся своей совестью, гражданским и профессиональным достоинством сотрудники правоохранительных органов, которые не пожелали причинять зло другим, разделили участь жертв сталинского режима. Другие же, не смея протестовать против беззакония, фактически раскручивали маховик репрессий, нередко опять-таки сами, попадая в число жертв.

В повседневной жизни при принятии, казалось бы, правильного решения или при определении меры ответственности за те или иные действия не так уж редко ограничиваются учетом лишь прямых последствий. Когда не принимаются во внимание побочные последствия этих действий, которые могут иметь возможно большее значение, чем прямые, то это может, в конечном счете, привести к прямо противоположному результату. К таким побочным следует отнести те последствия, которые либо не связаны непосредственно с полученным результатом, но влияют на последующие действия человека (например, безнаказанность при совершении противоправного деяния сотрудником правоохранительных органов помимо прямых последствий от этого поступка оказывает влияние на правосознание нарушителя закона, провоцирует на совершение других подобных поступков, снижает авторитет правоохранительных органов, приводит к недоверию к правовой системе, неверию в справедливость и т.п.), либо имеют значение для тех членов общества, которых этот поступок непосредственно не касается, но чьи интересы он затрагивает. Так, напряженные отношения между начальником и подчиненным сказываются не только на их поведении по отношению друг к другу, но и на взаимоотношениях в коллективе. Нередко внутри коллективные отношения отражаются и на служебной деятельности.

Нравственные последствия чаще всего являются опосредованными, побочными. Но они обладают той особенностью, что внешне, казалось бы, бесполезные, неэффективные, не имеющие непосредственной ценности поступки приобретают высокое социальное значение. Безоружный сотрудник милиции бросается на защиту человека, ставшего жертвой нападения группы вооруженных преступников, заранее зная, что проиграет в этой схватке, но повинувшись требованиям долга. С точки зрения практической эффективности его поступок лишен рациональности, но с позиции высокой нравственности он имеет высшую ценность. Последствия этого поступка по своей опосредованной значимости намного превышают его непосредственный результат своим влиянием на сознание и поведение граждан, обретающих уверенность в своей защищенности; на сознание и поведение преступников, теряющих уверенность в своей безнаказанности и т.д.

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что сотрудник правоохранительных органов при принятии решения, когда приходится руководствоваться нормами нравственности, должен помнить, что существуют два вида таких норм:

— норма-идеал, на совокупности которых основывается вся классическая этика и все простые принципы нравственности, в том числе и в бытовых, общеупотребительных формах (например, как уже упоминавшиеся «не кради», «не лги», «не прелюбодействуй» и т.д.); нормы-идеалы являются как бы вершиной нравственных устремлений, идеальной целью нравственного воспитания, ориентирами нравственного выбора в обычных ситуациях;

— норма-мера, то есть норма, соизмеримая с конкретными условиями и возможностями той реальной ситуации, в которой сотрудник выполняет служебную задачу и которая показывает нижнюю границу, перейдя которую принятое решение становится однозначно безнравственным, какой бы социальной или служебной целесообразностью оно ни оправдывалось; эта норма определяется следующими критериями: а) наименьший ущерб;

б) наиболее благоприятные нравственные последствия; в) соблюдение интересов наибольшего круга людей; г) соблюдение принципа разумной достаточности используемых средств.

Совершенно очевидно, что, поскольку в силу специфики служебной деятельности сотруднику правоохранительных органов нередко приходится работать в условиях, близких к нижней границе нормы-меры, ему следует постоянно воспитывать в себе умение нравственного мышления, нравственного анализа ситуации для того, чтобы в каждом нетипичном случае, когда отсутствуют заданные стереотипы поведения, определить соответствие своих действий вышеуказанным критериям, для того, следовательно, чтобы они оставались в границах нравственной допустимости. Эта способность, иными словами, нравственная культура, нравственная воспитанность сотрудника должна быть его профессиональным качеством, позволяющим ему осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы в ней профессиональный интерес не утратил нравственные ориентиры, не выходил за пределы гуманистических ценностей, соответствовал бы общественному нравственному идеалу, но в то же время не был бы и ущемлен в

уюду абстрактно, тем более ложно понимаемым нравственным ценностям и нормам.

Совершение человеком поступка как следствия принятого им решения в ситуации морального выбора так или иначе затрагивает интересы других людей, общества. Поскольку моральный выбор выражает реальную связь личности с другими людьми, а полученный результат имеет определенное значение и для них, то он всегда накладывает на эту личность определенную ответственность. Эта ответственность условно может быть разделена на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя ответственность, являющаяся атрибутом такой моральной категории, как совесть, — это способность личности осознавать последствия своих действий и поступать в соответствии с этим осознанием, руководствуясь нормами морали. Внешняя ответственность выступает в виде общественных санкций за действия личности.

В этой связи встает вопрос о мере ответственности. Очевидно, бессмысленно говорить об ответственности, если нет свободы морального выбора, когда действия человека однозначно predetermined. Если под движущийся поезд внезапно бросается самобийца, то машинист не может мгновенно остановить локомотив. Поэтому в данной ситуации машинист не подлежит не только уголовной, но и моральной ответственности, поскольку он не мог предотвратить гибель человека. Другое дело, что он может испытывать психологические переживания, связанные с произошедшим, как и любой человек, который сталкивается с трагедией.

В этике существовали две крайние позиции по вопросу о мере ответственности. Одна из них — фаталистическая — говорит о predeterminedности поведения человека свыше и, следовательно, отсутствии у него свободы выбора. А если человек не волен выбирать, то он не может и нести ответственность за свои действия. Другая позиция — волюнтаристская — делает вывод о фактической безответственности человека либо потому, что человек абсолютно свободен и поэтому никто не вправе привлекать его к ответственности, либо потому, что человек обязан отвечать за все, происходящее в мире, то есть на самом деле не отвечать ни за что конкретно.

На практике отголоски этих концепций могут проявляться в стремлении снять с себя ответственность, прикрываясь ссылками

на «объективные обстоятельства», или в попытках представлять себя отвечающим за то или иное дело в целом, чтобы не нести ответственность за конкретные действия.

В действительности мера ответственности за моральный выбор вытекает из диалектики свободы и необходимости. В отечественной этической литературе фактически общепризнанно положение, в соответствии с которым личность ответственна в меру свободы выбора, то есть она отвечает лишь за то, что она объективно могла и субъективно должна была выбрать и реализовать в поступке.

В последние годы остро встал вопрос об ответственности правоохранительных органов и их сотрудников за совершенные ими действия. Суть этого вопроса состоит в следующем: в какой мере и за что они могут и должны нести ответственность.

На первый взгляд, решение данного вопроса достаточно просто: мера ответственности, как было отмечено, определяется мерой свободы выбора, то есть наличием объективных возможностей для альтернативных действий и степенью следования нравственным требованиям. На вопрос «за что?» должен быть дан только такой ответ: за конкретные противоправные (в случае юридической ответственности) или аморальные (в случае нравственной ответственности) действия конкретных лиц или органов государства. Однако в действительности оценка действий человека или целой организации не всегда укладывается в «прокрустово ложе» той или иной формулы. Так, скажем, несут ли ответственность нынешние органы безопасности и органы внутренних дел за деятельность их предшественников во времена сталинских репрессий? Можно ли привлечь к ответственности следователя или судью, которые действовали в рамках закона, но сам этот закон был не правовым? Можно ли возлагать ответственность на правоохранительный орган, если проступок или преступление совершил его сотрудник? Эти и многие другие вопросы не имеют однозначного ответа и должны решаться по-своему в каждом конкретном случае.

4 РАЗДЕЛ

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

(из книги: Нуржанов Б. Г., Габитов Т. Х.,

Ибраева А. С., Айдарбаев С. Ж. и др.

На пути к культуре мира. — Алматы: КазГУ, 2000)

4.1. Демократия

Термин «демократия» возник в глубокой древности — в эпоху античности. С момента его появления и до сегодняшних дней содержание данного понятия постоянно изменялось, так как мыслители, политические деятели различных эпох вкладывали в него разный смысл. Особенно большое количество определений демократии возникло в XX веке, когда данный термин применялся разными политическими силами (от либералов до коммунистов), вкладывающими в данное понятие различный, а часто диаметрально противоположный смысл. Поэтому можно отметить, что понятие демократии является одной из самых спорных и проблемных категорий современной политической мысли.

Данный термин произошел из греческого языка и дословно переводится так: *demos*-народ + *cratos* — власть. Отсюда можно предположить, что сущность этого явления представляется самоочевидной: демократия — это народовластие. Здесь можно привести формулировку демократии, данную американским президентом А. Линкольном: «демократия — это правление народа, избранное народом и для народа».

Для того, чтобы разобраться в современном понимании этого термина, рассмотрим существующие подходы к пониманию демократии, а также основные исторически сложившиеся формы демократической организации общества.

Своими корнями демократия уходит в эпоху первобытнообщинного строя. Именно здесь возник первый в истории опыт

самоуправления. В это время люди проживали родами, а власть осуществлялась на основе самоуправления и выражала общие (коллективные) интересы. Существовали следующие институты управления обществом: собрание рода, племени, совет старейшин, совет вождей. При этом не существовало специальных карательных органов и средств принуждения.

Отношения между людьми в родоплеменных сообществах регулировались табу — императивными запретами, и обычаями — правилами поведения устного характера, сложившимися исторически. Сформировавшуюся в данный период форму власти народа называют родовой демократией (общинное самоуправление).

Когда человеческое общество достигло определенного уровня развития первобытнообщинный строй начал разлагаться. Данный процесс начался с возникновением частной собственности, когда стали развиваться процессы имущественного и социального расслоения общества. Эпоха разложения родового строя характеризуется постоянной угрозой войн. Это обусловило образование крупных межплеменных военных союзов, повышение роли племенных вождей, возникновение постоянного профессионального войска и всеобщего вооруженного ополчения мужчин, на которых легло основное бремя обеспечения военной безопасности.

Здесь еще сохранились традиционные институты общинного самоуправления. Однако право принимать важнейшие решения все более ограничивается кругом наиболее значимых военных вождей. Данная форма власти народа получил название «военной демократии».

Однако и родовая демократия, и военная демократия являются догосударственными формами власти народа. Одной из первых известных истории форм государственной демократии является возникшая в V в. до н. э. в городах-государствах древней Греции полисная демократия, которая считается классической.

В эпоху древнего мира классическая демократия достигла своего расцвета в древнегреческом полисе — Афинах. После определенных социальных реформ (реформы Клисфена, Солона) в Афинах сложился такой государственный строй, который способствовал утверждению власти народа: верховная власть принадлежала регулярно созываемому *народному собранию*. Оно решало наиболее

важные вопросы, относившиеся к внутренней и внешней политике государства: выбирало должностных лиц определяло размер налогов и порядок расходования государственных средств. Все законы и важнейшие решения принимались всенародно, без каких-либо опосредующих звеньев (партий, парламентов, чиновников) собранием граждан.

Право участия в народном собрании имел каждый гражданин, достигший двадцатилетнего возраста. Наряду с народным собранием существовал избиравшийся на демократических началах *Совет пятисот*. Это был исполнительный орган, занимавшийся вопросами текущего управления.

Третьим важнейшим демократическим органом государственного строя Афин был *Народный суд* (гелиэя), учреждение которого стало решающим шагом к установлению демократии в Афинах. Своего наивысшего расцвета афинская демократия достигла в эпоху вождя афинского демоса Перикла (V в. до н. э.).

Однако полисная демократия является достаточно примитивной, так как здесь не достигалась главная цель демократического правления — способствование наибольшему обеспечению прав человека и гражданина. Так, в условиях афинской демократии решения принимались при наличии большинства голосов, а меньшинство должно было безоговорочно подчиниться воле большинства. Античная демократия не знала оппозиции в современном понимании этого термина. По отношению к инакомыслящим обычно применялась практика остракизма — изгнание из полиса, а иногда и более суровые меры наказания.

Кроме того, неограниченная власть Народного собрания распространялась не только на все общественные, но и на многие формы личной жизни. В этом большой недостаток полисной демократии, так как он создавала условия для ее вырождения в тиранию большинства.

Однако афинскую демократию эпохи Перикла нельзя путать с **охлократией** — **власти толпы**. Афинская демократия постепенно превратилась в охлократию после смерти Перикла, когда начались упадок афинской демократии, резко усилилась роль рабского труда, началось массовое разорение среднего класса, увеличилось имущественное неравенство. В таких условиях в политической жизни Афин начало усиливаться влияние черни.

Именно данные обстоятельства послужили основанием негативного отношения Платона и Аристотеля к демократической форме правления, которое они отождествляли с властью толпы или худших людей (люмпенов, плебеев). Режим охлократии по Аристотелю и Платону является самым худшим после тирании. Этому мы находим не одно подтверждение во всеобщей истории государства. Когда верховная власть принадлежит простому народу, который правит не опираясь при этом на закон, как правило, происходит упадок государства.

Несмотря на все свои недостатки для своего времени афинская демократия была прогрессивной, так как такой демократический строй позволял проявлять инициативу, обладать свободой такому числу людей, которое было просто немыслимо в условиях Древнего мира (например, в древневосточных государствах). Здесь получила широкое развитие частная собственность, свободный рынок, что позволяло развиваться человеческой активности, его способностей. Граждане чувствовали себя свободными, потому что могли непосредственно влиять на внутреннюю и внешнюю политику своего города-государства.

Поскольку граждане участвовали в работе таких собраний лично, а не через своих представителей, афинскую демократию можно назвать **непосредственной, прямой**. В наше время прямая демократия тоже имеет место, например, в форме волеизъявления граждан на референдуме.

Одним из ярких примеров демократии является **древнеримская республика**. Республиканский строй в Древнем Риме установился в 510 году до н. э. со дня изгнания из города царя Тарквиния Гордого. Здесь власть осуществлялась выборными и ежегодно сменяемыми должностными лицами — консулами, преторами, народными трибунами и квесторами. Правом обсуждения законов обладал Сенат, но принимало их Народное Собрание. В отличие от древнегреческих полисов, форму осуществления власти народа в Древнем Риме следует назвать представительной демократией — граждане избирают в органы власти людей, представляющих их интересы.

Самым крупным вкладом римлян в развитие демократии стало римское право, которое до сегодняшних дней играет важную роль

в развитии гражданско-правовых отношений, в развитии человеческой активности.

В эпоху Средневековья государств, в которых бы осуществлялось реальное народовластие, было мало. В данный период в Европе господствовали авторитарно-монархические режимы правления, государства носили теократический характер.

Государствами Средних веков, где реально осуществлялось народовластие, были такие города-республики, как Флоренция, Генуя, Бремен, Новгород, Псков и др. Здесь верховная власть осуществлялась непосредственно народом.

Высшим органом власти Новгородской Республики являлось народное собрание (вече). Его основными функциями являлись: принятие законов, решение важнейших вопросов внутренней и внешней жизни государства, избрание должностных лиц, осуществление судебной власти, объявление войны и заключение мира, определение размера подати, рассмотрение наиболее важных уголовных дел. Вечевое собрание избирало важнейших должностных лиц республики. В первую очередь, это князя, также посадника, тысяцкого и религиозного владыку — архиепископа. В работе народного собрания принимали участие все свободные и экономически самостоятельные граждане.

Исполнительная власть в Новгороде осуществлялась князем. Князь приглашался на княжение из других русских земель и проходил обязательную процедуру избрания. Между князем и вече заключался договор (ряд), в котором устанавливались его конкретные функции и полномочия. Если князь нарушал договор, то он по решению вече мог быть лишен полномочий.

Для Новгородской Республики, таким образом, характерны все атрибуты прямой (непосредственной) демократии, которая сохранялась вплоть до захвата Новгорода Иваном Грозным в XVI в.

Древние и средневековые демократии сыграли важную роль в развитии важнейших атрибутов современной традиционного демократического правления — верховного закона, равенство граждан перед законом, равенство политических прав.

В данный период в основном преобладала непосредственная демократия или классическая форма демократии. С течением времени на смену непосредственной демократии пришла представительная демократия. Это было связано с тем, что в эпоху Древ-

него мира и Средневековья общественные отношения не носили такого сложного характера как в более поздние периоды. Кроме того, здесь классическая форма демократии получила развитие в компактных маленьких городах-государствах, где население было небольшим, и поэтому частные народные собрания можно было проводить довольно часто.

Когда же повседневное и непосредственное участие всех граждан в управлении страной стало практически невозможным, на смену непосредственной демократии пришла представительная. В связи с этим изменилось и первоначальное значение понятия демократии, которое по своей сути приблизилось к современному.

Представительная демократия это такая **форма народовластия, где граждане избирают официальных лиц для принятия политических решений, которые наделяются их при этом соответствующими полномочиями.**

Представительная демократия получила распространение в эпоху Нового времени. В данный период в ряде стран Западной Европы и Северной Америки появились новые формы демократического правления, заложившие основы современной формы демократии. В развитии демократического устройства государства эпохи Нового времени главная роль принадлежит идеологии и практике либерализма и конституционализма.

Либерализм как идейно-политическая доктрина обосновывала необходимость признания человека высшей ценностью и обеспечения его свободы в рамках закона. Также важнейшими требованиями либерализма являлись:

- приоритет интересов свободной самоопределяющейся личности над интересами общества и государства;
- священность и неотчуждаемость естественных прав человека, их защита должна быть первоочередной задачей государства;
- правовое равенство всех людей, неприкосновенность частной собственности.

Таким образом, основополагающей ценностью буржуазного общества становится свобода и независимость индивида¹. Важно

¹ В значительной степени это связано с тем, что представительная демократия эпохи Нового времени начинала формироваться в условиях господства абсолютизма в Европе, бесправия большинства, отсутствия у основной массы населения свободы, незащищенности личности, правового и политического неравенства людей.

отметить, что в данный период основная угроза свободе индивида исходила от государства, которое в эпоху Средневековья подавляло свободу большинства населения. Поэтому в данный период свобода понималась не в позитивном значении этого слова («свобода для»), т.е. как возможность активного равноправного участия в политике, а в негативном аспекте («свобода от») как право каждого человека быть огражденным от вмешательства со стороны других людей, общества, но, прежде всего государства.

В связи с этим в эпоху Нового времени были предприняты различные меры, которые способствовали ограничению всевластия государства, защищали индивида от произвола властей.

Таким образом, **либерализм заложил ценностные ориентиры демократического переустройства общества. Для реализации требований либерализма необходимы определенные институциональные условия. Система данных условий и принципов функционирования политической системы составляют понятие конституционализма.**

Важнейшими демократическими *принципами конституционализма* являются:

— суверенитета народа (данный принцип является исходным в системе принципов конституционализма). Данный принцип выражается в том, что народ (нация) является источником верховной власти в обществе и ему принадлежит право устанавливать и учреждать ту или иную форму правления, которая только с согласия большинства граждан становится законной. Таким образом, здесь также как и в классических формах демократии реализуется воля народа.

Однако между классической формы демократии и народовластием эпохи Нового времени имеются существенные различия. Принципиальным таким отличием являются **институты народного представительства — парламенты**, появившиеся в Новое время. То есть народ осуществляет свою власть через избираемых и сменяемых представителей — депутатов парламента. Хотя возможно и непосредственное участие народа в разработке и принятии важнейших политических решений в ходе референдумов и плебисцитов (опросов), а также и народные инициативы.

— **принцип приоритета Конституции над политической властью.** Данный принцип существует для того, чтобы демократия

не превратилась в охлократию. Именно данный принцип создает возможности для правления не столько народа в лице его представителей, сколько правление и верховенство Закона, Конституции. Отсюда понятие «конституционное правление».

— **принцип разделения властей.** Целью данного принципа является предотвращение деспотии, осуществление действенного контроля общества над государственной властью;

— **принцип правового равенства.** Сущность данного принципа заключается в том, что все субъекты права (в том числе и все должностные лица) равны перед законом несмотря на их социальные и природные различия.

Форма демократии, сложившаяся в эпоху Нового времени получила название — *либеральной демократии*. Главными ее отличиями от классической демократии являются следующие:

А) либеральная форма демократии — это представительное народовластие, а классическая — прямое;

Б) либеральная демократии в отличие от классической уравнивает право большинства различными ограничениями на применение власти, что позволяет учитывать и уважать интересы меньшинства.

Впервые термин «демократия» стал применяться в работах мыслителей античности. Размышляя над тем, как лучше организовать власть в государстве, чтобы она зависела от народа и служила ему, мыслители данной эпохи предлагали различные идеи. Так, Аристотель классифицировал формы государственного устройства на два вида: «правильные», где власть используется в интересах всех граждан, всего общества; «неправильные», где стоящие у власти используют ее в собственных интересах. К правильным он отнес монархию, аристократии и политию. К неправильным формам, по Аристотелю, относятся тирания — монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия, где власть защищает выгоды состоятельных граждан; демократия — защищаются выгоды неимущих.

В дальнейшем понятие демократии обрело несколько иной смысл и было отнесено к «правильной» форме государства — политии, а за «неправильной» формой правления утвердилось понятие охлократии, что означает «власть толпы», черни, не сдерживаемой никакими законами.

Понимание демократии как формы государства, в котором власть принадлежит всем или большинству свободных граждан, подчиняющихся закону, преобладало довольно длительное время — вплоть до конца XVIII в., до времен Великой французской революции.

С утверждением буржуазных отношений, формированием конституционного строя в новоевропейской политической мысли понятие демократии было перенесено с форм на принципы политического устройства. Развитие процесса демократизации в XIX и особенно в XX в., повышение влияния демократии на все стороны жизни общества привели к тому, что в наше время содержание термина “демократия” значительно усложнилось.

Для формирования современного понимания демократии большую роль сыграл французский мыслитель — Ж. Руссо. Его заслуга заключается в том, что он заложил основы понимания политической демократии не как формы правления, а определенного типа государства, где верховная власть принадлежит народу, а формы правления могут быть разными.

Если исходить из традиционного понимания демократии, то основным критерием классификации различных форм демократии являются субъекты осуществления высшей государственной власти. Согласно этому критерию все существующие концепции демократии можно разделить на две теоретические модели: *коллективистские* (идентитарные) и *представительные* (репрезентативные).

Основные принципы теории *коллективистской демократии* наиболее последовательно разработал Ж. Ж. Руссо. По мнению Руссо единственным источником государственной власти является народ. «Я утверждаю, — пишет Руссо, — что суверенитет, который есть только осуществление общей воли, не может никогда отчуждаться и что суверен, который есть ничто иное как коллективное существо, может быть представлен только самим собой»¹. Кроме того, суверенитет народа предполагает, что частные интересы должны уступить место интересам всего общества (общая воля).

Попытки реализации на практике модели демократии по Руссо неизбежно приводили к подавлению свободы личности, массово-

¹ Руссо Ж. Ж. Трактаты. — М., 1969. — С. 168.

му террору. Таким образом, практика показала, что власть народа и даже большинства не может быть реальной без гарантированной индивидуальной свободы и других основополагающих прав человека. В связи с этим в современной практике наибольшее распространение получили конкурентные, представительные модели демократии.

Конкурентная, представительная модель демократии основывается на признании различия интересов в обществе; при этом между носителями данных интересов происходит открытая «здоровая» борьба за власть. Таким образом, суть конкурентной демократии заключается в свободном соперничестве политических сил.

При этом должны существовать органы представительной власти, которые обладают правом самостоятельно формировать волю народа, а в случае необходимости действовать вопреки ей и под свою ответственность.

В современной политической науке можно выделить несколько наиболее распространенных концепций представительной модели демократии.

Либеральная концепция демократии базируется на идее приоритета личности, индивида по отношению к обществу и государству. Здесь источником высшей государственной власти является не народ в целом, а отдельная личность.

С положениями данной концепции взаимосвязана **концепция плюралистической демократии**. Здесь также на высшем уровне находятся права индивида, его свобода. Однако с точки зрения представителей данной концепции источником власти являются не личность и не народ, а социальная группа, которая представляет собой главный субъект политики.

Индивид без группы — безжизненная абстракция. Именно в процессе взаимоотношений в социальной группе, а также в межгрупповых отношениях человек формируется как личность, определяются его интересы, ценностные ориентации и мотивы политической деятельности. С помощью группы индивид получает возможность выражения и защиты своих интересов.

Подлинно демократическое общество должно быть плюралистическим, состоящим из множества малых и больших групп, каж-

дая из которых преследует свои собственные цели и интересы. В сфере политики эти группы организованы в политические партии и движения, группы давления, предпринимательские ассоциации, профсоюзы и т.п. В сфере экономики это могут быть различные трудовые коллективы, хозяйственные товарищества, фонды и другие организации. Кроме того, существуют общественные организации, которые объединяют людей в зависимости от их интересов, например, общество кинологов — любителей собак, общество филателистов, общество национальных меньшинств, объединения людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией и другие.

Республика Казахстан является унитарным государством с многонациональным населением, здесь проживает более 120 различных национальностей и народностей. Поэтому Казахстан стремится создать условия для равного развития культуры, языка всех народов, проживающих на его территории.

Однако деятельность различных групп населения в плюралистическом обществе не должна нарушать его целостность, должна осуществляться в рамках закона. Согласно ст. 5 Конституции РК, «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности Республики, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни, а также создание не предусмотренных законодательством военизированных формирований. В Республике не допускается деятельность политических партий и профессиональных союзов других государств, партий на религиозной основе, а также финансирование политических партий и профессиональных союзов иностранными юридическими лицами и гражданами, иностранными государствами и международными организациями».

Под разжиганием социальной, расовой, религиозной, национальной, сословной и родовой розни понимаются программы или действия общественных объединений, направленные на распространение идей, взглядов, лозунгов, совершение других акций, подрывающих общественное согласие, доверие и уважение к людям другой национальности, расы, религии, сословия, возбуждающих чувство неприязни к людям других социальных групп, к их

образу жизни, быту, семейному укладу, к их культуре, обычаям, традициям и т.п.

Статья 164 Уголовного кодекса РК предусматривает уголовную ответственность за умышленные действия, направленные на возбуждение социальной, расовой, религиозной, национальной, сословной и родовой розни, на оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан, а также пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, сословной, национальной, родовой или расовой принадлежности.

Назначение демократии состоит в предоставлении всем гражданам возможности открыто выражать свои интересы и тем самым влиять на ход принятия решений. Правительство выступает как посредник в сложных процессах взаимодействия соперничающих интересов социальных групп.

Концепция элитарной демократии основывается на идее ограниченного участия народных масс в управлении государством. По мнению представителей данной концепции (И. Шумпетер) народные массы равнодушны к любым процессам, которые непосредственно не связаны с их повседневной жизнью. Так как основная масса народа некомпетентна в вопросах политики, является дилетантом, то народ не может непосредственно управлять государством. Власть же необходимо представить высокопрофессиональному меньшинству — элите, которая в состоянии рационально использовать демократические механизмы, сохраняя при этом свободу и возможности принятия решений.

Таким образом, демократия — это неоднозначное многоплановое понятие. Можно отметить, что демократия понимается в узком и широком смыслах. В широком смысле демократия понимается не только как определенная организация политического правления, выражающаяся в функционировании демократических институтов власти, но и как основанный на определенной системе ценностей идеал общественного устройства и соответствующее ему мировоззрение.

В более узком смысле под демократией понимается политическая форма организации общества, основу которой составляет определенная система институтов, способов формирования и ме-

тодов осуществления власти. В современных демократических политических системах существуют три основные формы народовластия: прямая или непосредственная, плебисцитарная и представительная (*репрезентативная*).

К институтам *непосредственной демократии* следует отнести местное самоуправление. Например, в США к институтам прямой демократии относятся мелкие муниципальные самоуправляющиеся сообщества, сохранившиеся здесь как «реликтовые» формы непосредственного самоуправления народа. Сюда же можно отнести так называемые «специальные округа»: школьные, пожарные, жилищного строительства и др., выполняющие одну или несколько строго определенных функций, в рамках которых они полностью автономны и непосредственно не подчиняются органам государственной власти. Институтами *плебисцитарной демократии* являются референдумы, опросы общественного мнения (*плебисциты*)¹.

Институтом представительной демократии является *парламентаризм*. Парламент правит от имени народа. Он является представительным и законодательным органом власти. При этом сама деятельность парламента основывается на следующих принципах: уважения мнения меньшинства (в связи с этим оппозиция представляет собой неотъемлемый компонент института парламентаризма); разделения государственной власти.

Таким образом, несмотря на различия конкретных моделей демократической политической системы общества, демократия в со-

¹ Некоторые авторы референдум и опросы иногда относят к институтам непосредственной демократии. Это мнение обосновывается тем, что в данном случае воля народа выражается непосредственно. Однако прямая и плебисцитарная демократия — это не тождественные понятия. Так, прямая демократия предполагает участие граждан на всех важнейших стадиях процесса властеуправления (разработка, обсуждение и принятие политических решений, контроль за их осуществлением), а при плебисцитарной демократии возможности политического влияния граждан сравнительно ограничены. Здесь граждане обладают правом посредством голосования одобрить или отвергнуть тот или иной вариант уже готового решения, которое обычно подготавливается правительством, президентом или инициативной группой. Поэтому институты плебисцитарной демократии могут использоваться (и нередко используются) в целях манипулирования волей граждан, достигаемого с помощью двусмысленных формулировок, вопросов, выносимых на голосование.

временном понимании представляет собой систему, *устройство управления государством и обществом, базирующиеся на уважении прав и свобод личности*. При этом нельзя говорить о демократии только для какой-то части общества, или что она допускается в одних сферах общественной жизни, но отсутствует в других. То есть демократия — целостное общественное явление, которое реализуется во всех сферах жизни общества и распространяется на всех граждан данного государства.

Современные демократические общества развиваются на основе правового государства, где демократия рассматривается как самоценность, как реальное воплощение в государственном строе важнейших общечеловеческих ценностей, к ним относятся сам человек, его жизнь, права и свободы. Признание их высшей ценностью означает, что государство не имеет более важной задачи, чем забота о человеке, о его материальном благополучии. Государство обязано создать все зависящие от него условия для того, чтобы человек мог существовать нормально и обязано защищать жизнь человека от посягательств, предоставляя ему возможность и самому защищаться от неправомерных действий, обеспечивая нормальную окружающую среду. Закрепление в Конституции прав и свобод человека означает, что государство должно всемерно содействовать их реализации в *первую очередь*.

4.2. Права человека

Права человека — это неотъемлемые свободы и права личности, которые индивид обретает в силу рождения. Права человека являются основным понятием естественного и всякого права в целом. Они объемлют гражданские права и политические свободы, экономические, социальные и культурные права, а также права целых общностей (дети, женщины, национальные меньшинства, народы и т.д.). Права человека представляют собой принципы, нормы взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивающие индивиду возможность действовать по своему усмотрению (эту часть прав человека обычно называют свободами) или получать определенные блага (это собственно права человека).

Права человека формировались из многократно повторяющихся актов деятельности людей, повторяющихся связей и форм отношений, в результате которых формировались определенные устойчивые нормы, эталоны, ценности, которые способны упорядочивать процесс взаимодействия людей. Каждый человек имеет притязания на определенный объем материальных и духовных благ, получению которых должны содействовать общество и государство, причем объем этих благ исторически всегда определялся положением индивида в классовой структуре общества, в системе материального производства. Эти блага, которыми наделялся индивид, могут быть названы правами человека.

Проблема прав человека всегда была предметом острых классовых битв, которые велись за обладание правами, расширение прав, фиксирующих положение человека в обществе. История показывает, что каждому поколению нужно вновь и вновь защищать права человека, что человечеству еще незнакома ситуация, при которой не требуется усилий для поддержания и защиты прав и свобод человека. Каждое поколение отвечает на вечный вызов истории, связанный с отстаиванием такой великой ценности, как свобода и права человека.

Права человека являются одной из высших культурных ценностей, поскольку они ставят личность в центр всех процессов общественного развития, определяют его свободу и равноправие.

Идея ценности человека была выдвинута еще в античном обществе, и, если вначале точкой отсчета был полис, то уже с эпохи эллинизма им становится индивид. При феодализме религиозное сознание заслонило человеческую индивидуальность, но в новое время культура вновь делает человека мерилom всех вещей.

Современное понимание прав человека ведет свое начало от либерализма, виднейшими представителями которого были Локк, Гроций, Монтескье, Джефферсон, Смит, Бентам, Милль и др. Эти мыслители обосновали понимание фундаментальных прав человека на жизнь, безопасность, свободу, собственность, сопротивление угнетению и некоторых других как естественных, неотъемлемых и священных норм человеческого поведения, существующих независимо от государства и охраняемых им. При этом естественность прав человека означает присущность их человеку от рождения, не-

отъемлемость прав человека означает их имманентность индивиду как живому существу, без наличия которых создается угроза утраты индивидом специфических человеческих качеств, делающих его подлинным социальным субъектом, членом общества, а священность прав человека можно понимать как их величайшее уважение и почитаемость вследствие высшего ценностного статуса.

Впервые либеральная концепция прав человека нашла свое юридическое закрепление в Декларации независимости 1776 г., положенной в основу американского Билля о правах 1789 г. Чуть позже основополагающие права человека были закреплены во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

Нужно заметить, что категория прав человека — это результат развития европейской цивилизации, основанной на христианской религии, породившей высокую гуманистическую культуру, в которой появились представления о ценности индивида, о значимости права и основанного на нем порядка, обеспечивающего свободу личности.

В то же время, и в других, незападных обществах также формировались зачатки идей о правах человека. Так, в казахской степи имела место определенная кочевническая демократия, характерными чертами которой можно назвать относительную незакабаленность индивида деспотическими устоями, определенную степень свободы и равенства женщины, отсутствие рабского поклонения власти, так характерной для оседло-земледельческих цивилизаций античности и средневековья.

Власть казахских ханов никогда не была деспотичной, а казахские кочевые племена в случаях возникновения конфликтов с властителями родов или жузов всегда имели возможность откочевать на другие земли. Права человека регулировались в законах Тауке-хана — Жеты Жаргы, в котором нашли отражение личные (гражданские) и экономические права индивидов. Политические права, предоставляемые определенным членам общества, нашли свое выражение в институте выборности ханов.

Важное значение имел институт биев, призванный выполнять судебно-административные функции по разрешению индивидуальных и коллективных споров, причем демократичность этого института выражалась в получении индивидом звания бия лишь на

основе своего авторитета в народе. Исторический факт осуждения биями султана Барака за убийство Абулхаир-хана свидетельствует об отсутствии иммунитета от судебного преследования у представителей знати. После колонизации казахских земель царским режимом традиционные структуры защиты прав и свобод человека были разрушены.

Вместе с тем, если говорить об индуистской цивилизации, то лежащая в ее основе индуистская религия представляла собой систему правил, детально регламентировавших всю общественную жизнь, предписывала определенный образ жизни и поведения, исключала возможность разумной оценки обычаев и традиций. Наряду с другими социальными причинами (экономическая и национальная раздробленность, замкнутость общин) это в значительной мере повлияло на аморфность, обезличенность человека, испытывавшего безусловную власть общины, касты.

В мусульманской цивилизации, в основе которой находится религия ислама, целью регламентации поведения индивида является обеспечение интересов «правоверных», ислама в целом. Человек, противопоставивший себя этому целому, становился отступником от ислама, подвергался тяжким наказаниям. Мусульманское право носило религиозный характер, и поэтому осуществление его норм становилось в глазах «правоверных» религиозной обязанностью. Мусульманское право было призвано детально регулировать не только внешнее поведение мусульман, но и лежащую в основе его постулатов внутреннюю мотивацию. Это определяет добровольное, сознательное подчинение индивида общности, основанной на предписаниях ислама, который является одновременно и «верой в государство». Выдвижение идеи прав человека как его притязаний к власти в контексте исламской культуры означало бы посягательство на незыблемость религиозных установлений.

Таким образом, только европейская цивилизация, основанная на христианской религии, выдвинувшей идеи свободы и относительной индивидуализации человека, оставляла больше свободы выбора индивиду и заложила основы персоноцентристского учения.

Начиная с XV—XVI веков, права человека начинают закрепляться в двусторонних договорах государств, а в XX веке уже принимаются и многосторонние соглашения по правам человека.

Первыми международными договорами, направленными на защиту прав человека, были двусторонние соглашения европейских государств о защите религиозных меньшинств. На Венском конгрессе 1815 года, впервые был принят документ, направленный на защиту уже не религиозных, а национальных меньшинств, предусматривавший гарантии прав польского национального меньшинства. Кроме того, на этом же конгрессе европейские государства, также впервые, приняли Декларацию об уничтожении торговли неграми, которая осуждала это позорное явление и требовала от государств прекратить эту практику.

В рамках Лиги Наций впервые устанавливается специальная система международной защиты одной из наиболее уязвимых групп населения — национальных меньшинств. Но, вследствие непродуманности механизма защиты, а также неодинакового объема обязательств членом Лиги Наций в этой сфере, данная система не смогла оправдать возлагавшиеся на нее надежды.

После создания ООН права человека становятся одним из главных направлений деятельности этой организации. В Уставе ООН правам человека уделяется много внимания. Так, уже в преамбуле этого документа в качестве одной из целей ООН зафиксирована решимость «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций». Кроме того, ст. 1 Устава, определяя главные цели ООН, называет среди них *осуществление международного сотрудничества в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии* (п.3 ст.1). основополагающий характер прав человека подтверждается и указанием на них в ст.55 Устава, в которой сказано, что «с целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует:

а) Повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития;

б) Разрешению международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и подобных проблем; международному сотрудничеству в области культуры и образования;

с) Всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии».

Цели ООН, установленные в ст. 55 Устава, так или иначе, связаны с обеспечением прав человека. Единственное, что их отличает — это направленность на обеспечение прав человека в различных сферах, на разных уровнях и по разным направлениям. Но, основной акцент этих целей — это все же человек, его права и свободы.

Таким образом, можно утверждать, что вся основная деятельность ООН в той или иной степени в конечном счете направлена на защиту прав человека.

Более того, уважение прав и основных свобод человека является одним из основополагающих принципов современного международного права и никакие другие действующие нормы как международного, так и внутреннего права государств, не могут противоречить этому императивному принципу.

Нормативное содержание этого принципа было раскрыто в «Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях», являющейся составной частью Хельсинкского Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 1975 года. В соответствии с этим документом государства признали, что весь комплекс прав человека вытекает из достоинства, присущего человеческой личности, и является существенным для ее свободного и полного развития. Кроме того, государства-участники признали также всеобщее значение прав и основных свобод человека, уважение которых является важным фактором мира, справедливости и благополучия, необходимых для обеспечения развития дружественных отношений и сотрудничества между всеми государствами. На основе этого, государства взяли на себя обязательство уважать права человека, поощрять и развивать их эффективное осуществление и содействовать этому, действовать в этой области в соответствии с целями и принципами Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека, выполнять свои обязательства по международным соглашениям в этой области, подтвердили право лиц знать свои права и обязанности и поступать в соответствии с ними.

В составе принципа уважения прав человека отдельно были выделены положения о необходимости признания и уважения свобо-

ды личности исповедовать религию или веру, действуя согласно велению собственной совести, а также о необходимости уважения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и предоставления им полной возможности фактического пользования правами и свободами человека.

Таким образом, обеспечение международного мира и безопасности, а также благополучие и стабильность государств и межгосударственных отношений, были поставлены в прямую связь с уважением прав и основных свобод человека.

Данная связь постоянно подтверждается в различных документах, принимаемых ООН. Например, в Декларации ООН об укреплении международной безопасности от 16 декабря 1970 года было еще раз подтверждено, что «всеобщее уважение и полное осуществление прав человека и основных свобод и устранение нарушений этих прав являются неотложным и необходимым условием укрепления международной безопасности» и, в этой связи, были осуждены «все формы угнетения, тирании и дискриминации, в особенности расизм и расовая дискриминация, где бы они ни проявлялись» (п.22). Это очень важное обстоятельство, которое оказало большое влияние на состояние и развитие международных отношений.

Защита прав человека стала одним из основополагающих аспектов международной политики в современном мире.

Борьба прогрессивных сил человечества за права человека нашла свое логическое воплощение во «Всеобщей декларации прав человека», принятой 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН. Это первый в истории человечества международный документ, который зафиксировал перечень основных прав и свобод человека. Причиной принятия этого акта стало и то обстоятельство, что Устав ООН, закрепляя обязанность государств сотрудничать в деле всемерного поощрения и уважения к правам и основным свободам человека для всех, без различия расы, пола, языка и религии, в то же время перечня таких прав, которые должны были соблюдаться государствами, не зафиксировал.

В силу целого комплекса причин проблема прав и свобод человека стала эпицентром политической борьбы в последние два-три десятилетия. В данном вопросе мировое сообщество добилось

беспрецедентных успехов. Тем не менее, многие страны все еще далеки от того, чтобы признать права и свободы человека общечеловеческими ценностями. Так, на Всемирной конференции по правам человека, состоявшейся в Вене в 1993 году, лишь несколько азиатских стран, в том числе Япония и Южная Корея, поддержали резолюцию, призывающую рассматривать права человека в качестве универсальных ценностей.

Связано это, прежде всего, с неоднозначным подходом азиатских стран к правам человека. Многие из них считают категорию индивидуальных прав человека чуждой для своей цивилизации, поскольку во многих восточных обществах главенствующее место отводится не индивидуальным правам человека, а правам коллективных образований. А такая страна, как Иран, на Венской конференции прямо заявила, что права человека, так же, как и международные документы их закрепившие, являются выражением ценностей иудейско-христианской цивилизации и поэтому не могут быть приняты мусульманским обществом этой страны. Проблема культурного релятивизма, является, таким образом, одной из самых больших в этой сфере.

Каким же образом права человека связаны с культурой мира?

Прежде всего, следует заметить, что культурный прогресс общества невозможен, если он не вносит принципиально нового в положение личности, если человек не получает с каждой новой ступенью развития минимум свободы, расширяющейся от одной общественно-исторической формации к другой.

Кроме того, как было закреплено еще в проекте Декларации о культуре мира, культура мира, основанная на самом широком и позитивном понимании мира, является сочетанием ценностных установок, мировоззренческих взглядов, традиций, видов поведения и образов жизни, которые отражают и поощряют:

- а) уважение жизни, человека и всех его прав;
- б) отказ от любых форм насилия и приверженность делу предупреждения насильственных конфликтов путем устранения в корне причин их возникновения и решения проблем посредством диалога и переговоров;
- в) признание равных прав и возможностей мужчин и женщин;
- д) признание прав каждого на свободу выражения мнений и убеждений и получение информации;

е) приверженность принципам демократии, свободы, справедливости, терпимости, солидарности, сотрудничества, плюрализма, культурного разнообразия, диалога и взаимопонимания между народами, этническими, религиозными, культурными и другими группами и между отдельными людьми;

ж) приверженность принципам социально ориентированного общества, которое охраняет права слабых путем принятия последовательных и долгосрочных мер, направленных на развитие общества, в центре которого стоит человек и которое основано на взаимной поддержке;

з) приверженность всестороннему участию в процессе справедливого удовлетворения потребностей нынешних и будущих поколений в области развития и окружающей среды.

По словам Генерального Директора ЮНЕСКО Ф. Майора «Соблюдение прав человека ... представляет собою соблюдение *всех* прав человека и прав *всех* людей. А это имеет важнейшее значение, ибо означает конец эксплуатации! Демократия означает демократию на всех уровнях и применительно ко всем путям принятия решений. Это имеет радикальное значение и потому, что означает конец принуждению! Терпимость, диалог, культурное многообразие и примирение означают, что нет больше врагов, нет больше конфронтации, что положен конец насилию. Содействие развитию означает также революционные изменения, ибо развитие невозможно без далеко идущих социальных преобразований. Воспитание в духе мира и свободное распространение информации означают конец покрову секретности и манипулированию информацией в целях приобретения власти, а также активный обмен знаниями и расширение подготовки для обретения навыков жизни в условиях мира, демократии и развития. Участие женщин означает конец монополии власти мужчин». Иными словами, без уважения и соблюдения всего комплекса прав человека осуществить переход к культуре мира невозможно.

Таким образом, можно утверждать, что в основе концепции культуры мира находится человек, его права и свободы.

Эта мысль подтверждается и другими пунктами проекта Декларации о культуре мира. Например, в пункте 61 говорится, что культура мира не есть только конечная цель, к достижению кото-

рой надо стремиться, а является также *всеобъемлющим процессом* институциональных преобразований и *долгосрочных действий*, направленных на укоренение в сознании мужчин и женщин идеи защиты мира. Она является основой для глобального осуществления права человека на мир.

При этом, *культура мира* — это процесс, который вытекает из *воззрений и действий самих людей* и развивается в каждой стране в зависимости от конкретных исторических, социально-культурных и экономических условий, а ключом к культуре мира является превращение жесткой конкуренции в сотрудничество, основанное на общих ценностях и целях, что требует, в частности, общего стремления конфликтующих сторон к достижению целей, представляющих общий интерес на всех уровнях, включая процесс развития.

Нужно заметить, что, находящиеся в основе концепции культуры мира права человека, представляют собой явление многоаспектное, многогранное, непосредственно связанное с десятками других важнейших проблем мирового сообщества. Это обстоятельство было подчеркнуто в Венской Декларации и программе действий, принятой 25 июня 1993 года на Второй Всемирной конференции по правам человека. Так, в этом документе было подтверждено, что все права человека являются универсальными, неделимыми, взаимозависимыми и взаимосвязанными, и хотя, значение национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей необходимо иметь в виду, государства, независимо от их политических, экономических и культурных систем, несут обязанность поощрять и защищать все права человека и основные свободы.

Кроме того, было прямо заявлено, что поощрение и защита всех прав человека является первоочередной задачей ООН.

Венская Декларация установила взаимозависимость и взаимоукрепляющий характер демократии и уважения к правам человека, иными словами, это означает, что там, где нет демократии, не может быть и уважения к правам человека, а где не уважаются эти права не может быть речи о демократии. При этом права человека должны уважаться без каких-либо условий со стороны государств.

В рассматриваемом документе было акцентировано внимание на связь прав человека с правом на развитие, как универсальным

и неотъемлемым правом, составляющим неотъемлемую часть основных прав человека. В данном ракурсе устанавливалось, что нельзя ссылаться на отсутствие развития для оправдания ущемления международно-признанных прав человека. Здесь же фиксировалась связь прав человека с достижениями научно-технического прогресса и с практическим применением его достижений, особенно в биомедицинских и биологических науках, а также в области информационных технологий, что может иметь потенциально негативные последствия для неприкосновенности, достоинства и прав личности.

Для полного осуществления прав человека большое значение имеет и решение проблем внешней задолженности развивающихся стран, крайней нищеты, существования различных форм расизма и расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости.

Деятельностью направленной на уничтожение прав человека и демократии были названы акты, методы и практика терроризма.

Особое внимание в Венской Декларации обращалось на то, что составной и неделимой частью всеобщих прав человека являются права человека женщин и девочек, лиц из числа меньшинств, коренных народов, права ребенка (при этом надлежащее внимание должно уделяться взглядам ребенка), права инвалидов, беженцев, трудящихся-мигрантов.

Всемирная конференция призвала все государства присоединиться к международным договорам по правам человека, избегая по возможности оговорок, создать эффективную национальную систему средств правовой защиты для рассмотрения жалоб в связи с нарушениями прав человека и устранения таких нарушений, воспрепятствовать грубым и массовым нарушениям прав человека, привлекая виновных лиц к строгой ответственности, обеспечить направленность систем образования на укрепление уважения к правам человека.

Конференция подтвердила конструктивную роль национальных учреждений по вопросам поощрения и защиты прав человека, а также основополагающую роль региональных механизмов защиты прав человека. Было также отмечено большое значение, кото-

рое придается в этой сфере неправительственным организациям и средствам массовой информации.

Таким образом, вполне очевидно, что идеи культуры мира не могут быть осуществлены, если не будут соблюдаться и уважаться права и основные свободы человека.

Практическая реализация всего комплекса прав человека является всеобъемлющей комплексной задачей, степень решения которой непосредственно характеризует уровень развития, прогрессивность и гуманизм как отдельных стран, так и всей человеческой цивилизации. На пороге XXI века соблюдение и уважение прав человека выступает важнейшим критерием человеческого измерения внутренней и международной политики. Через уважение прав человека утверждается верховная ценность личности в отдельных государствах и в мире в целом.

В рамках отдельных стран соблюдение прав человека служит необходимым условием устойчивого развития, предотвращает различные тоталитарные и иные эксперименты над народами, агрессивную внутреннюю и внешнюю политику.

В мировом масштабе соблюдение и уважение прав человека является важнейшей гарантией построения международных отношений на подлинно гуманистических началах, сохранения и упрочения мира.

Уважение прав личности способствует укреплению доверия между народами, создает благоприятную атмосферу для разносторонних человеческих контактов и сотрудничества, вносит в международные отношения нравственное начало.

Уважение прав человека позволяет личности быть сознательным и свободным творцом своей собственной общественной и частной жизни, полноправным субъектом внутренней и международной политики, конструктивно разрешать конфликты, вытекающие из несовпадения интересов, мнений и ценностных ориентаций людей. Иными словами, уважение прав человека должно послужить исходным принципом построения земной цивилизации на началах рациональности и гуманизма. Именно поэтому права человека, необходимость их всеобщего соблюдения и уважения являются центральным звеном концепции культуры мира.

4.3. Свобода мнений

Право на свободу мнений является одним из важнейших естественных прав человека и гражданина и занимает особое место в системе прав и свобод человека и гражданина. Чтобы разобраться в понятии и сущности свободы мнений следует рассмотреть понятие свободы вообще, а также трактовку свободы мнений в исторических документах, сыгравших важнейшую роль в становлении прав человека.

Важнейшим шагом в развитии прав человека стали буржуазно-демократические революции, произошедшие в Европе в XVII—XVIII вв. Так, в ходе английской, французской и других европейских буржуазных революций выдвигался не только обширный перечень прав человека, но и такой важнейший принцип правового государства как формальное равенство. Именно данный принцип стал основой универсальности прав человека и придал им подлинно демократический характер.

Основным итогом европейских буржуазных революций стало признание следующих прав и свобод человека и гражданина — это право на свободу мысли, совести и религии, право на жизнь, личную свободу, на предпринимательскую деятельность. Данные права получили название прав первого поколения и были признаны либеральными ценностями демократического общества.

Большинство прав данной группы по-другому называют свободами. Между правом и свободой юридическое различие провести весьма сложно. Кроме того, в законодательстве различных стран зачастую данные понятия отождествляются. Так, в ч. 1 ст. 11 германского Основного закона устанавливается, что «все немцы пользуются *свободой* передвижения в пределах всей федеральной территории», а согласно ч. 2 это «*право* может ограничиваться лишь законом или на основе закона ... ». То есть германские законодатели не проводят различия между данными понятиями.

Однако можно предположить, что субъективное право предусматривает наличие *конкретного* субъекта, на котором лежит соответствующая данному праву юридическая обязанность; причем здесь речь идет, как правило, о совершении активных действий в пользу управомоченного лица. Свобода же возлагает обязанность

воздержаться от вмешательства в сферу её реализации, т.е. она предполагает пассивное поведение обязанного лица; при этом речь идет о *неопределенном* круге обязанных субъектов (к ним относятся и государство). Таким образом, *свобода — это способность выбирать такой вариант поведения, который наиболее приемлем для субъекта. При этом такое поведение субъекта не должно выходить за рамки закона.*

Свободы, существующие в современном демократическом обществе, можно разделить на три группы: а) политические свободы; б) социальные свободы; в) экономические свободы. Данные свободы реализуются в соответствующих им сферах жизни общества — политической, социальной и экономической. То есть в данных сферах субъекты могут выбирать такой вариант поведения, который наиболее приемлем для них. Так, к политическим свободам можно отнести свободу выбирать между конкурирующими кандидатами на какую-либо государственную должность, самим выставить свою кандидатуру в качестве кандидата на тот или иной пост, а также создавать или вступать в члены политических партий или общественных организаций. Важнейшей свободой в политической сфере является свобода мнений.

Статья 11 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, где наиболее четко были сформулированы либеральные ценности буржуазного общества, гласит: «Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека. Каждый человек может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом».

Идеи данной Декларации получили свое развитие в XX веке в Международном пакте о гражданских и политических правах. Так, статья 19 Пакта гласит, что «каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору».

В Европейской конвенции о защите прав человека устанавливается, что «каждый человек имеет право на свободу выражения

своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ».

Таким образом, *особенностью свободы мнений является ее многосоставность*, то есть она состоит из нескольких структурных элементов, раскрывающих различные аспекты реализации данной свободы. Так, в первую очередь, свобода мнений предполагает возможность субъекта свободно придерживаться собственного мнения, а также выражать свои взгляды в различных формах (устно, письменно, с помощью художественных форм и т.д.) при условии соблюдения требований закона.

Во-вторых, данная свобода предполагает право на получение информации, а также свободное ее распространение любыми не запрещенными законом способами.

В-третьих, свобода мнений немыслима без свободы средств массовой информации (СМИ), так как именно через СМИ материализуется свобода выражения мнений. Все рассмотренные структурные элементы свободы мнений существуют в единстве и взаимообусловлены (т.е. ни один из элементов не может существовать без двух других). Для объективного и полного рассмотрения свободы мнений изучим каждый из ее элементов.

Свобода придерживаться собственного мнения и выражения взглядов означает, что человек может иметь свою точку зрения по различным вопросам общественной жизни. Свобода придерживаться собственного мнения предполагает наличие идеологического и политического плюрализма. Идеологический плюрализм означает существование на равных условиях различных политических, экономических, философских, нравственных и других идей, течений, воззрений и ценностей. В демократическом обществе никакая мысль не должна быть лишена права на существование. Важнейшей обязанностью государства является создание равных условий для существования различных взглядов, оно должно воздержаться от навязывания своей государственной идеологии. Граждане должны обладать гарантированной возможностью выбора идей, ценностей по своему усмотрению, соответствующих их интересам.

Идеологический плюрализм способствует духовному раскрепощению людей, идейному развитию общества, расширению творческой активности человека.

Идеологический плюрализм предполагает, что никакая точка зрения не должна быть принята за единственно верную, так как даже самые очевидные истины могут оказаться ложными. Так, английский философ Джон Стюарт Милль справедливо отмечал, что «запрещать высказываться — значит творить зло, жертвой которого становится весь человеческий род, не только современники, но и потомки; не только согласные с этим мнением, но, в большой степени, также и придерживающиеся его. Ибо если высказывание истинно, то, запрещая его, люди лишаются шанса исправить ошибку; если оно ложно, то они лишаются, пожалуй, не меньшего блага — более ясного видения и более яркого выражения истины, кое происходит при столкновении истины с заблуждением».

Для познания истины необходимо иметь возможность выбора той или иной идеи, ознакомившись с которыми субъект может выбрать ту, которая соответствует его внутреннему убеждению. Таким образом, идеологический плюрализм способствует выявлению идей, соответствующих интересам большинства, являющихся наиболее целесообразными и необходимыми для развития общества, приводящих к прогрессу человеческой цивилизации.

Идеологический плюрализм тесно связан с политическим. Политический плюрализм означает функционирование различных политических партий и движений, которые, как правило, придерживаются различных взглядов и воззрений. При этом демократическое государство и общество предполагает такую систему власти, которая базируется на взаимодействии и «противовесах» различных политических сил.

Конституция РК предусматривает, что в РК признается идеологическое и политическое многообразие, не допускается слияние общественных и государственных институтов, создание в государственных органах организаций политических партий. Кроме того, в соответствии с Конституцией РК общественные объединения равны перед законом. Не допускается незаконное вмешательство государства в дела общественных объединений и общественных объединений в дела государства, возложение на общественные

объединения функций государственных органов, государственное финансирование общественных объединений (ст. 5).

Для реализации данных конституционных положений были приняты важнейшие законодательные акты — это Законы РК «Об общественных объединениях» и «О политических партиях». В соответствии с данными законодательными актами общественными объединениями признаются политические партии, профессиональные союзы и другие объединения граждан, созданные на добровольной основе для достижения ими общих целей, не противоречащих законодательству.

С началом демократических преобразований в Казахстане было создано множество общественных объединений. Так, уже к концу 1990-го года общее количество общественных объединений было более сорока. К важнейшим из них можно отнести экологические объединения: «Невада-Семипалатинск», Комитет по проблемам Арала и Балхаша, Народный штаб «Аттан» по борьбе за закрытие ядерных полигонов. Были созданы правозащитные организации: Алматинский хельсинский комитет, Демократический комитет по правам человека, Рабочее движение Казахстана, «Правовое развитие Казахстана». Позже было создано Казахстанско-американское бюро по правам человека. Образовались Федерация профсоюзов Казахстана, Конфедерация свободных профсоюзов, Движение социальной защиты пенсионеров «Поколение». Наряду с этим сегодня в Казахстане активно формируется многопартийность.

Важнейшим условием свободы мнений является возможность высказывания оппозиционных взглядов, а также функционирования оппозиционных общественных организаций. Так, сегодня в Казахстане функционирует ряд оппозиционных общественных объединений и движений. К ним можно отнести «Рабочее движение», политическое движение «Азамат» и др.

Несмотря на законодательное провозглашение свободы мнений и общественных объединений в Казахстане пока еще существует ряд проблем, как законодательного характера, так и практического. Так, официальные власти зачастую подвергают гонениям лидеров оппозиционных объединений. Примером тому является арест лидеров «Рабочего движения» М. Исмалова и Ю Винкова, а также лидера национального движения пенсионеров Н. Савостиной по-

сле организации ими мирной несанкционированной демонстрации перед зданием Парламента РК в знак протеста против повышения цен на электричество¹.

Здесь следует отметить, что свободой мнений нельзя злоупотреблять, а политический и идеологический плюрализм не должны нарушать целостности общества, создавать угрозу правовому порядку. В связи с этим п. 3 ст. 5 Конституции РК устанавливается запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности Республики, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни, а также не предусмотренных законодательством военизированных формирований.

Наряду со свободой придерживаться собственного мнения важным является и свобода выражения своих взглядов в различных формах: устно (публично или конфиденциально), письменно, через изобразительное искусство, литературу, музыку, научные исследования, а также средства массовой информации. Важнейшим компонентом свободы мнений является свобода слова и творчества.

Еще Аристотель отмечал, что человек — существо общественное. То есть именно в процессе общения с себе подобными человек формируется как личность. Потребность в беспрепятственном самовыражении, в том числе и через общение, объективно присуща человеку, который «имеет право быть самим собой, если не мешает другим быть тем же и не производит общего затруднения»². В связи с этим особая значимость свободы слова заключается в том, что она присуща человеку как мыслящему существу. Именно через нее индивид проявляет себя как личность, через данную свободу выражается самобытность и уникальность каждого человека.

«Цель человека — самореализоваться как личность и проявить свои способности. Для этого необходима свобода. Из этого следует, что любое подавление выражения убеждений, мнений или каких-либо других форм самовыражения оскорбляет чувство соб-

¹ Отчет о положении с правами человека в странах мира, 1999.

² Ключевский В. О. Исторические портреты.— М., 1990.— С. 35.

ственного достоинства человека и игнорирует его как человеческую личность»¹.

Статья 20 Конституции РК провозглашает свободу слова и творчества, а также запрет цензуры. Ранее в условиях тоталитарного режима в Казахстане, также как и в других союзных республиках, существовала жесткая цензура на произведения искусства, научные исследования и др. Все, что не соответствовало коммунистической идеологии, признавалось чуждым советскому обществу, подвергалось гонениям со стороны властей. Так поступила советская власть со многими известными писателями, поэтами, художниками, композиторами.

Сегодня же каждый человек может выразить свои идеи в любой форме. Кроме того, важнейшим итогом свободы выражения своих взглядов является академическая свобода. Так, ранее на научные исследования сильно влияла коммунистическая идеология, т.е. все научные взгляды трактовались через призму марксистско-ленинского учения о сущности различных явлений. Сегодня же казахстанская наука «очистилась» от подобных идеологических догм. Это способствует объективности научных исследований, позволит познать истину, обогатит казахстанскую науку.

Свобода слова означает, что человек может свободно высказывать свое мнение о государственной власти, выразить все свои претензии, недовольства и негодование к правительству. По сути основным критерием разграничения деспотии и демократического правления является то, что в условиях второго недовольные граждане могут высказать свое отношение к ней не боясь преследований со стороны властей. При этом граждане могут использовать различные формы выражения своего недовольства, как-то митинги, шествия, демонстрации (кроме открытого военного столкновения).

Ценность свободы выражения мнений заключается в том, что в обществе, где реализуется данная свобода, люди редко прибегают к насилию, здесь у граждан вырабатывается такое качество как толерантность, терпимость к чужому мнению, духовное согласие. Кроме того, свобода слова, гласность сплочивает общество, позволяет быстро мирным путем решать назревшие общественные проблемы.

¹ Рихтер А. Г. Современное право средств массовой информации в США.— Алматы: Фонд XXI Век, 1999.

Таким образом, непреходящая ценность свободы слова заключается в том, что она предотвращает и смягчает разрушительные последствия социальных противоречий, разногласий, конфликтов, без которых невозможно общественное развитие.

Важнейшей гарантией свободы мнений является свобода получения и распространения информации. Для того, чтобы сформировать собственное мнение по поводу различных вопросов общественной жизни человек должен владеть объективной и достоверной информацией. Право на получение информации предполагает свободный доступ к источникам информации, т.е. человек имеет право беспрепятственно искать, выбирать, получать информацию. В некоторых случаях закон прямо возлагает обязанность на должностных лиц информировать граждан. Так, ст. 31 Конституции РК гласит, что «сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью людей, влечет ответственность в соответствии с законом». Здесь законодатель прямо обязывает должностных лиц информировать граждан об обстоятельствах, угрожающих их жизни и здоровью. Ярким примером тому является привлечение к ответственности руководителя Чернобыльской АЭС, которому вменялось в вину сокрытие информации об аварии на станции в течении 5 дней. В результате действий данного лица был причинен колоссальный ущерб жизни и здоровью многих миллионов людей, которые не владея точной информацией, не смогли принять меры предосторожности.

Таким образом, в случае если информация имеет общественное значение, затрагивает права и свободы человека и гражданина (например, информация о состоянии окружающей среды, санитарно-эпидемиологическом состоянии, о продуктах, о работах, услугах, их соответствии санитарным нормам и правилам и др.) должностные лица обязаны известить население. Данная обязанность непосредственно возлагается на местную администрацию, которая должна через средства массовой информации известить граждан об указанных обстоятельствах. Кроме того, должностные лица обязаны предоставить достоверную информацию непосредственно гражданам по их запросам. Сокрытием признается не только утаивание информации, но и распространение заведомо ложной информации.

В случае сокрытия информации должностные лица привлекаются к юридической ответственности. В Уголовном кодексе РК предусматривается ответственность за сокрытие или искажение информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей среды, совершенные лицом, обязанным обеспечивать население такой информацией. В соответствии со статьями 41—47, 82—88 Кодекса об административных правонарушениях предусматривается административная ответственность за нарушение правил по охране труда, санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемиологических правил и норм, за выброс загрязняющих веществ в окружающую среду с превышением предельно допустимых концентраций, за сокрытие источника заражения венерической болезнью и контактов больных, создающих опасность заражения.

Следующим аспектом реализации свободы мнений является свобода средств массовой информации и коммуникаций. Коммуникация — это общение, т.е. процесс передачи информации от одного индивида к другому. Под средствами массовой информации понимаются технические устройства и средства, используемые для массовой коммуникации, т.е. передачи информации большим аудиториям. Важнейшим видом средств массовой информации являются печатные СМИ. К ним можно отнести газеты, журналы, приложения к ним, периодические издания газетно-журнального типа, выпускаемые тиражом свыше 100 экземпляров и предназначенные для публичного распространения. По некоторым критериям Интернет также можно отнести к средствам массовой информации, так как в нем используется печатное слово.

Кроме печатных средств массовой информации существуют и широковещательные средства массовой информации. К ним относятся телевидение и радио.

Средства массовой информации представляют возможность для обнаружения различных взглядов и воззрений, т.е. они являются одной из форм выражения мнений. Исключительная важность свободы средств массовой информации обусловлена тем, что они являются связующим звеном между обществом и властью. Недаром сегодня в развитых демократических странах говорится о наличии четвертой ветви власти — средств массовой информации. Пред-

назначением средств массовой информации является оперативное предоставление достоверных сведений о деятельности государственных органов, должностных лиц, общественных объединений и граждан.

Свобода средств массовой информации означает, что не допускается незаконное ограничение деятельности средств массовой информации, всякое незаконное вмешательство и воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, а также недопущение цензуры — государственного контроля над содержанием передаваемой информации.

Так, антидемократическим режимам характерно наличие жесткой цензуры и строгой подконтрольности всей деятельности средств массовой информации. В недалеком прошлом нашего общества СМИ постоянно приукрашивали действительность, вещали только о положительных сторонах нашей жизни. Это было обусловлено наличием государственной идеологии, жестким контролем над предоставляемой информацией. Таким образом, при тоталитарном режиме средства массовой информации прямо и открыто контролируются государством.

Сегодня же в Казахстане имеется целый ряд независимых СМИ. К ним можно отнести газеты «Солдат», «XXI век», «Панорама», которые представляют обществу альтернативную официальным новостям сообщения. Оппозиционные СМИ информируют общество о негативных явлениях нашей жизни прямо и без прикрас.

Однако властные структуры могут влиять на деятельность средств массовой информации и не открыто, а с помощью косвенных рычагов. Так, во многих государствах предусматривается обязательная государственная регистрация большинства средств массовой информации. Если законодательством государства не предусмотрены достаточно четкие гарантии независимости средств массовой информации при осуществлении государственной регистрации, то здесь возможно не прямое, а косвенное преследование неугодных властям СМИ.

В законодательстве Казахстана предусматриваются определенные гарантии независимости СМИ при осуществлении государственной регистрации. Так, отказ в регистрации СМИ допускается только при наличии установленных законом оснований. При этом

отказ в регистрации СМИ либо нарушение государственным органом установленного для регистрации срока, а также решения о приостановлении или прекращении деятельности СМИ могут быть обжалованы учредителем или редакцией в суд.

Однако несмотря на законодательные гарантии пока в Казахстане не имеется полной свободы СМИ. Так, сегодня существует определенный запрет на печатание материалов о режиме личной власти в Казахстане, о проблемах экономического курса Казахстана. СМИ, предоставляющие такую информацию, подвергаются гонениям. Это говорит о том, что существует негласная цензура. Поэтому осуществляемые в Казахстане демократические реформы сегодня в значительной степени зависят от обеспечения свободы средств массовой информации.

Однако здесь нельзя бросаться и в другую крайность, когда СМИ вмешиваются в личную жизнь определенных граждан, передают такую информацию, которая грозит конституционному строю, разжигает различные виды розни и др. Многие современные демократические государства ограничивают свободу СМИ при наличии трех оснований, прямо предусмотренных специальными законами. К ним можно отнести следующие законы: против клеветы и вторжения в личную жизнь, защищающие людей от публикации материалов, которые могли бы угрожать их репутации; против мятежа и измены, направленные на предотвращение опубликования материалов, создающих угрозу национальной безопасности; против непристойных выражений, направленных на защиту морали общества¹.

В Казахстане законодательством четко установлены особые случаи неразглашения информации, а также информация, представляющая государственные секреты. Кроме того, ограничения свободы слова и СМИ распространяется и на некоторые негосударственные секреты.

Для того, что бы СМИ соответствовали своему предназначению необходимо создание профессиональной журналистики. Сегодня во многих странах сложилась особая профессиональная этика журналиста. Так, в Декларации принципов поведения журналистов Международной Федерации журналистов записано: «Дей-

¹ The World Book Encyclopedia. Freedom of press. Chicago, Volume 7.

ствуя в рамках законодательства своей страны, журналист при решении профессиональных вопросов признает только юрисдикцию коллег, в том числе и в случае вмешательства в такого рода вопросы правительства или других ответственных лиц». В Хартии профессиональных обязанностей французских журналистов (сейчас эта Хартия — самый старый из существующих в Европе профессиональных документов, последняя редакция ее проводилась в 1939 году) записано, что «в вопросах профессиональной чести» журналист «признает только юрисдикцию своих коллег».

Определенная угроза независимости СМИ здесь содержится в том, что свои представления о «профессионально правильном» в этике журналистам могут начать диктовать, во-первых, государство, во-вторых, само общество в лице наиболее жестких по конструкции общественно-политических формирований.

Если обратиться к международному опыту, то здесь следует напомнить о существовании Софийской декларации, выработанной Индоевропейским семинаром по укреплению независимых средств массовой информации (София, 1997) и одобренной затем — с соответствующей рекомендацией государств — Генеральной ассамблеей ЮНЕСКО. Пункт 6 Софийской декларации гласит: «Профессионально правильные методы журналистской работы являются наиболее эффективной гарантией от правительственных ограничений и давления со стороны особо заинтересованных групп». И далее: «Любые попытки установления норм и руководящих принципов должны исходить от самих журналистов».

Наше общество достаточно долго жило своей, отделенной от мира жизнью. Сегодня же мы должны внимательно присмотреться к международному опыту, в том числе и в вопросах обеспечения свободы СМИ.

Если обратиться к международному опыту, то можно отметить, что для журналиста необходимо максимально четко информировать общество о том, что признается им профессиональными нормами. Что должно быть в этих нормах и правилах? Мировая практика (обобщая уже переведенное и опубликованное) свидетельствует: журналисты-профессионалы, в первую очередь, должны четко придерживаться принципа законности способа получения им информации: она должна быть получена законным и честным путем.

Швейцарская Декларация прав и обязанностей журналиста дает такое толкование способа доступа к информации: журналисты «не используют нечестные методы получения фотографий, документов и информации». Литовский Этический кодекс содержит уточнения, связанные с конкретными правилами поведения журналиста: «Информация должна быть получена этическим и законным путем. Запрашивая информацию, журналист обязан представиться, сообщить, какое СМИ представляет, уведомить человека о том, что его слова могут быть опубликованы, за исключением тех случаев, когда речь идет о получении конфиденциальной или официально недоступной информации».

Литовский кодекс, говоря об этике, не заставляет журналиста замирать у первого же барьера, он считает этически допустимым отступление от базового правила в интересах информированности гражданина, оставляя на усмотрение самого журналиста ограничение одной ситуации от другой. Кодекс журналистов Республики Словения гласит, что «журналист, выполняя профессиональные обязанности, должен представиться и, при необходимости, предъявить свою журналистскую карточку. Сокрытие журналистом своего имени несовместимо с Кодексом».

Журналист в Словакии «должен сообщать источнику о своих информационных намерениях». Этический кодекс норвежской прессы гласит: «Использование скрытых камер или микрофонов или действие под вымышленным именем могут быть оправданы только особыми обстоятельствами. Условием этого может быть только то, что это единственно возможный способ для раскрытия фактов, имеющих большую общественную значимость».

Таким образом, практически во всех кодексах одним из стратегических, опорных пунктов является защита права гражданина на частную жизнь. Это безусловный компромисс между общественными интересами, между правом гражданина на информацию и его же правом на защищенность от досужего внимания журналистов в той сфере, которая является частной, личной, интимной. Кодекс журналистов Республики Словения гласит: «Расследование есть законный способ журналистской деятельности. При этом необходимо соблюдать ограничения, предусмотренные Конституцией и законодательством, а также уважать честь граждан. Обществен-

ный интерес, проявляемый к материалу, не может служить оправданием незаконных или безнравственных методов журналистского расследования».

Сегодня в Казахстане существует множество противоречий в создании системы гарантий свободы мнений, прежде всего законодательных. Однако несмотря на данные противоречия в нашем обществе наблюдается множество позитивных изменений в сфере обеспечения свободы мнений. Здесь следует отметить, что реализации естественных прав и свобод человека и граждан — это дело не одного дня. Так, формирование современных демократических государств осуществлялось в течении длительного времени. На этом пути встречалось множество трудностей, были взлеты и падения. Поэтому важно отметить, что свобода мысли и слова не реализуется сразу же после законодательного их провозглашения. Демократии и плюрализму общество должно учиться постепенно. Начавшиеся процессы реализации свободы мнений обусловили необратимость демократизации казахстанского общества, что является важнейшим требованием создания стабильного перманентно развивающегося государства и плюралистического общества.

4.4. Терпимость

Принцип терпимости закреплен в Уставе ООН в качестве одной из задач этой организации. Так, преамбула Устава ООН, закрепляя задачи организации, одну из них формулирует следующим образом — «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи».

Следует заметить, что некоторые принципы Устава ООН не выделены в качестве самостоятельных. Однако, ничто не мешает сделать это со временем. Например, Хельсинкский Заключительный акт, опираясь на комплекс принципов Декларации о принципах международного права 1970 года, сформулировал дополнительно три таких принципа: нерушимость границ, территориальная целостность государств и уважение прав человека и основных свобод.

Некоторые ученые выделяли приведенную выше формулу Устава ООН, правда, в качестве другого принципа — принципа добро-

соседства (И.Поп, Х.Хентз, Д.Попеску и др.). Но, по мнению многих ученых-международников, в большинстве подобных случаев речь идет о политических принципах международных отношений, не утвердившихся в качестве универсальных принципов международного права. Причину этого, чаще всего, связывают с трудностями кодификации содержания таких принципов из-за отсутствия на практике достаточно четкого понимания их нормативного содержания.

В то же время, долгое время отстаивавшийся советскими учеными международниками принцип мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими и политическими системами был, на наш взгляд, не чем иным, как выражением принципа терпимости в международных отношениях.

Одним из последних российских работ, сохранивших упоминание о принципе мирного сосуществования, был учебник под редакцией известного ученого-международника Г.И.Тункина, вышедший в 1994 году, в котором, в частности, говорилось — «в советской трактовке мирного сосуществования делался упор на борьбу между государствами двух систем, а не на сотрудничество. Между тем именно сотрудничество — главное в мирном сосуществовании, и степень сотрудничества является показателем уровня мирного сосуществования». Для обоснования существования этого принципа использовались формулировки Устава ООН, основную из которых мы уже приводили: государства призываются «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи», «развивать дружественные отношения между ними» и т.д.

Юридическое содержание этого принципа виделось в обязательстве государств признавать существующие в различных странах социальные, экономические и политические системы, т.е. признавать плюрализм в межгосударственных отношениях, не пытаться навязать другому государству свою политическую систему с помощью силы, экономического давления и т.п.

Завершая краткую характеристику принципа мирного сосуществования, приводимая работа содержит следующую интересную мысль — «не следует забывать, что дело не в термине, а в содержании понятия, которое обозначается данным термином... Может быть, следует подумать о замене термина «мирное сосуществова-

ние» другим, ярче выражающим то, что заложено в современном международном праве, и более приемлемым для всех».

Можно предположить, что принцип терпимости, являющийся составной частью концепции культуры мира, является в определенной степени проявлением принципа мирного сосуществования государств в новых, изменившихся условиях международных отношений и международной политики. В отличие от принципа мирного сосуществования принцип терпимости не несет в себе идеологической нагрузки и, кроме того, он более обширен, поскольку охватывает (во всяком случае, в составе концепции культуры мира) не только сферу межгосударственных отношений, но и отношения внутри государств, в частности, отношения между индивидами и их группами. Именно такую трактовку предполагает концепция культуры мира.

Еще один аспект, на который необходимо обратить внимание, это существование в международном праве наряду с нормативными принципами принципов-идей, функция которых заключается в выражении и закреплении главных идей этого права. Как замечают авторы «Курса международного права» «не будучи правовыми нормами, подобные принципы не порождают правоотношений, но они закрепляют представления о должном. Ими должны руководствоваться субъекты при создании и осуществлении норм, в том числе и основных нормативных принципов». В юридическом плане они реализуются через правовые нормы. Примерами принципов-идей могут быть, «принципы гуманизма и демократии, приобретающие особое значение в условиях, когда во имя спасения цивилизации необходимо гуманизировать, очеловечить отношения между государствами».

К числу таких принципов-идей можно отнести и принцип терпимости, необходимость более глубокого изучения которого не вызывает сомнений, поскольку реализация идей культуры мира предполагает эволюцию этого принципа из принципа-идеи в принцип-норму, т.е. превращение его в юридическую норму с четким правовым содержанием и формулировкой.

Принцип терпимости давно уже применяется в практике международных отношений. Хотя в XX веке эти отношения никогда не были безоблачными (достаточно вспомнить эпоху «холодной

войны»), тем не менее, государства в большинстве случаев находили в себе силы мирно «уживаться» и, чаще всего, прикладывали титанические усилия к тому, чтобы все-таки решить ту или иную проблему мирным путем, без применения насилия. Значение, которое придается терпимости в межгосударственных отношениях, можно заметить хотя бы по тому факту, что 1995 год по решению ООН был объявлен Международным годом терпимости, а 16 ноября отмечается каждый год мировым сообществом в качестве дня, посвященного терпимости. Кроме того, в 1995 году была принята специальная Декларация принципов терпимости.

В данном аспекте сфера внутригосударственных отношений выглядит куда более проблематичной, хотя и в межгосударственной сфере многие проблемы сохраняются. Тем не менее, наиболее кровопролитные конфликты конца уходящего XX века пришлось именно на сферу внутригосударственных отношений. Поэтому в реализации принципа терпимости ощущается явный дисбаланс, который нуждается в устранении, в первую очередь, путем приоритетного решения проблем, существующих внутри государств. Для того, чтобы вытравить явления агрессии и насилия из данной сферы (где они встречаются намного чаще, чем в межгосударственной сфере), нужна, как правильно утверждают некоторые ученые, борьба в сфере духа. Гуманизм должен органично войти в самосознание людей. Точно так же, как в мировой политике «аргументы силы» должны быть заменены балансом интересов, так и в сфере межнациональных общений духовного порядка (как наиболее конфликтогенной сфере) нужно и должно добиться гармонизации отношений и взаимосвязей. Это предполагает, в свою очередь, утверждение принципов толерантности как свойства внутренней культуры каждой человеческой личности. И в этом отношении формирование культуры мира смыкается с воспитанием, становлением культуры демократии.

Культура мира не отвергает конфликтов, которые иногда могут иметь и позитивный характер, но она требует их ненасильственного решения, что предполагает, прежде всего, наличие терпимого отношения сторон друг к другу. Иными словами, культура мира способствует превращению борьбы с элементами насилия в сотрудничество ради единых целей.

Таким образом, понятие терпимости является на сегодняшний день категорией политической, а не правовой. Под политической толерантностью (терпимостью) следует понимать позицию тех или иных политических сил, выражающую их готовность допускать существование инакомыслия в своих рядах. Если эти силы находятся у власти, политическая толерантность проявляется в их политике допускать деятельность оппозиции в конституционных рамках, толкуемых с максимальной широтой. Что касается отдельной личности, то термин политическая терпимость означает проявление готовности прислушаться к мнению политических противников, стремление их переубедить средствами логической аргументации.

В то же время, терпимость не приходит к человеку сама по себе. Важнейшее значение в становлении духа терпимости в обществе имеет воспитание и образование, на что постоянно обращает внимание ЮНЕСКО. Личность, которая с детских лет растет, воспитывается в атмосфере терпимости, присущей обществу и семье, впитывает ее и вырабатывает соответствующий рефлекс. Но, для создания такой атмосферы необходимы соответствующие усилия со стороны государства. Поэтому понятно то внимание, которое уделяется со стороны ЮНЕСКО правительствам. «Терпимое» общество, со своей стороны, переносит эталоны своего поведения на сферу межгосударственных, международных отношений.

Таким образом принцип терпимости проецируется на сферу межгосударственных отношений.

Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 52/15 2000 год был провозглашен Международным годом за культуру мира. Основой для такого выбора среди иных причин послужило и то, что 2000 год является вехой, имеющей особое значение, означающей завершение одного тысячелетия и начало другого. Он может восприниматься людьми как историческое событие, вокруг которого они могут сплотиться ради осуществления коренных преобразований. Как сказано в Программе года, это уникальная возможность привлечения людей к общему делу с целью отказа от вчерашних ценностей, взглядов, форм поведения, которые нередко вели к войне, насилию и социальной несправедливости, ради перехода к ценностям, взглядам и формам поведения, которые отвечают возможностям будущего, чья отличительная черта — культура мира.

В Программе действий в области культуры мира, подготовленной для реализации в рамках Международного года культуры мира, принципу терпимости уделяется большое внимание. Основной акцент в программе Года уделен активизации действий, направленных на уважение культурного многообразия и содействие терпимости, солидарности, сотрудничеству, диалогу и примирению. В программе, в частности, сказано, что для того чтобы изжить войну нужно избавиться от образа врага, на смену ему должны прийти идеалы *взаимопонимания, терпимости и солидарности* между всеми народами и культурами. Только проникнувшись уважением ко всей палитре нашего многообразия, к связывающим нас общим нитям людских надежд и социальной справедливости, только обеспечив справедливость и безопасность для всех, кто составляет основу этой социальной ткани, мы сможем с полным основанием говорить о том, что нами будет соткана культура мира.

В этом аспекте каждой стране предстоит устранить определенные проблемы, с тем, чтобы взгляды, подходы и практика, присущие культуре войны и насилию, уступили место взглядам, подходам и практике, характерным для культуры мира.

Конечно, все это не значит, что до объявления 2000 года — годом культуры мира, государства не предпринимали никаких мер в этой области. Например, в Венскую Декларацию и программу действий, принятых на Всемирной конференции по правам человека в 1993 году, были включены специальные положения, касающиеся необходимости принятия государствами безотлагательных мер по предотвращению различных форм нетерпимости, в том числе расизма, ксенофобии, связанных с нетерпимостью насилия на почве религии или убеждений, включая практику дискриминации женщин и осквернения мест отправления религиозных культов.

Из числа региональных актов в качестве примера можно привести положения Хельсинкского документа СБСЕ 1992 года под названием «Вызов времени перемен», где признается важнейшая роль терпимости, взаимопонимания и сотрудничества в деле создания и сохранения устойчивых демократических обществ, констатируется необходимость изучить возможности принятия соответствующих мер, которые обеспечивали бы для всех лиц, находящихся на их территории, защиту от дискриминации по расовым,

этническим и религиозным признакам, а также защищали бы всех лиц, включая иностранцев, от актов насилия, в том числе по любому из этих признаков. Кроме того, на государства возлагалась ответственность за изучение возможности разработки программ по созданию условий для развития принципов недискриминации и углубления взаимопонимания между представителями различных культур и т.д.

Таким образом, принцип терпимости непосредственно связан с правами человека. Кроме того, можно утверждать о тесной связи этого принципа с принципом сотрудничества, свободой выражения мнений, с постулатами международной и национальной безопасности.

Одна из главных проблем реализации принципа терпимости заключается в определении ее пределов. Как замечает один из исследователей данной проблемы, трудно определить возможности и целесообразности коллективных или односторонних акций, например против тиранических режимов, допускающих геноцид против собственного народа или национальных меньшинств. Толерантность как неперемный элемент культуры мира, не без давления общечеловеческого сознания и общечеловеческих ценностей, может распространяться — в силу глобального нравственного давления — на отношения как между государствами, так и между «титულными» нациями и национальными меньшинствами внутри отдельных государств.

Действительно, основная сфера «деятельности» принципа терпимости — это область межнациональных отношений. Именно в этой сфере чаще всего наблюдается нарушение принципа толерантности и, в основном, происходит это в форме национализма, растущей нетерпимости по отношению к национальным меньшинствам, усиления ксенофобии, жертвами которой становятся, прежде всего, беженцы, переселенцы и иностранная рабочая сила.

Как известно, неспособность установить нормальные отношения с национальным меньшинством, подогреваемым воинствующим национализмом, создает напряженную внутривнутриполитическую атмосферу. Дискриминация части населения в любых формах (экономической, социальной, административной, политической, языковой) порождает чувство отчужденности от политической

системы и государственности в целом, провоцирует сопротивление, стимулирует деятельность крайних, экстремистских элементов, создает для них массовую базу. В свою очередь, активизация этих элементов усиливает враждебность этнического большинства к меньшинству, толкает его на шовинистические позиции, ослабляет левые и либеральные политические движения, традиционно противостоящие националистам.

Кроме того, обострение отношений с национальным меньшинством чаще всего влечет за собой и внешнеполитические последствия. Дискриминация меньшинства вызывает сочувствие к нему у этнически родственных народов. Ослабление страны, оказавшейся не в состоянии урегулировать свои отношения с национальным меньшинством, создает искушение для соседних государств использовать создавшуюся ситуацию для достижения своих эгоистических целей.

Такое же воздействие на внутреннюю и внешнюю политику оказывает ксенофобия, и если ее жертвой становятся компактные группы выходцев из других стран, межэтнические отношения приобретают высокую степень напряженности.

Особое значение эти вопросы имеют для Казахстана, около половины населения которого, являются национальными меньшинствами. Поэтому, на всех этапах государственного строительства, сфере межнациональных отношений уделялось приоритетное внимание. Эта сфера занимала центральное место в Стратегии становления Казахстана как суверенного государства 1992 года и в качестве одного из безусловных приоритетов государства была закреплена в Стратегии «Казахстан — 2030». Важнейшим принципом обеспечения гармонизации межнациональных отношений является принцип терпимости.

Дополнительно следует отметить, что принцип толерантности имеет важнейшее значение и в сфере социальных отношений.

Каким же образом возможно решение вышеуказанных проблем?

Конечно, готовых рецептов не существует. Но, основополагающий принцип решения вопроса — принцип толерантности, на основе которого только и возможен диалог между противоборствующими сторонами и ненасильственное решение конфликта путем компромиссов и взаимных уступок.

Для того, чтобы в XXI веке не повторять кровавых уроков XX века и реализуется идея культуры мира, суть которой заключается в укоренении в сознании людей идеи мира, ненасильственного решения конфликтов. Эта задача может быть достигнута с помощью образования и воспитания, когда в сознание человека закладывается «гуманитарный рефлекс», который должен сработать в ситуации конфликта и подсказать мирные, ненасильственные пути его решения.

Принцип терпимости имеет тесную связь и с религией, поскольку все конфессии призывают своих сторонников жить в мире и согласии, не нарушая покоя других людей, призывают к прощению. Данные морально-нравственные императивы, непосредственно связанные с терпимостью, присущи всем основным религиям мира — христианству, исламу, буддизму и др. Конечно, возникает вопрос о том, как быть с исламскими фундаменталистами, проповедующими тактику насилия и террора и в то же время заявляющих о религиозных основах своей деятельности. Нужно сказать, что подобные политические течения и движения извращают суть ислама. Например, если обратиться к главной священной книге мусульман — Корану, в нем в 109 суре под названием «Неверные», сказано «Я ведь не поклонюсь тому, чему вы поклонялись, и вы не поклонитесь тому, чему я поклоняюсь. Вам — ваша вера, мне же — моя вера!». В этих строках в сжатой форме сформулирована формула веротерпимости. Кроме того, в строках Корана нет ни одного аята, который призывал бы к насилию.

То же самое можно сказать и о религиозных предписаниях христианства. Например, положение о том, что не возжелай ближнему того, чего не желаешь себе, свидетельствует о необходимости проявлять терпимость в отношениях с окружающими людьми.

В традиционном мировоззрении казахов идеи терпимости также нашли свое распространение. Историческим фактом является то, что по трассе Великого Шелкового пути, проходившего по Казахской степи, стояли мечети и церкви, синагоги и костелы. Народ степи никогда не позволял себе религиозного или иного фанатизма.

Выражением терпимости, присущей казахскому народу является пословица «*Таспен ұрғанды аспен ұр*», суть которой заключается в том, что «человеку, ударившему камнем, не отвечай тем же,

а сделай ему добро». Смысл данной народной мудрости заключается именно в необходимости проявлять терпимость и разрешать проблемы ненасильственным путем. Такую же смысловую нагрузку несет поговорка «*Сабыр түбі — сары алтын*», которую можно перевести как «Терпение — золото» в том аспекте, что никогда нельзя совершать поспешных поступков. Эти и некоторые другие изречения показывают, что в основе народной философии казахского народа лежат идеи терпимости и ненасилия.

Нужно сказать, что терпимость тесно связана с ненасилием. Развитие и утверждение практики ненасильственных действий осуществлялось на различных уровнях, в различных масштабах, различными людьми. Один из наиболее известных из них — Махатма Ганди, проповедник ненасилия и терпимости, мирных способов решения самых острых проблем, более тридцати лет возглавлявший национально-освободительное движение в Индии и приведший страну к независимости. Не призывая к вооруженному отпору агрессии, он различал агрессора и жертву, и уточнял, что необходимо встать на сторону жертвы агрессии в ненасильственной форме, т.е. отдать жизнь, защищая его.

Махатма Ганди не выдвинул всеобъемлющей, теоретически разработанной и практически развернутой программы борьбы за мир. Но, исходя из понимания ненасилия как всеобщего и имманентно присущего человеческой природе принципа, он сделал больше, чем кто бы то ни было, для всемерного внедрения его в практику международных отношений.

В ряду социальных реформаторов, придерживавшихся идей ненасилия и терпимости, следует назвать и выдающегося лидера негритянского освободительного движения в США Мартина Лютера Кинга — последовательного сторонника тактики ненасильственных методов борьбы, борца против расизма, угнетения и неравенства. Суть его взглядов заключалась в том, что свобода и равенство не могут прийти сами по себе, за них нужно активно бороться всем угнетенным. По признанию Кинга, тактика ненасилия позволила неграм выйти на улицы, активно выражая свой протест, и помешала открыть по ним огонь, так как даже расисты не могли стрелять среди бела дня в безоружных мужчин, женщин и детей. За свои взгляды и антирасистскую деятельность Мартин Лютер Кинг, как и Махатма Ганди, пал от руки убийцы в 1968 году.

Среди миротворцев — людей внесших вклад в преобразование мира можно назвать еще одного последователя Махатмы Ганди — южноафриканского борца против апартеида Нельсона Манделу. Главная его заслуга заключается в том, что он преобразовал государство апартеида — ЮАР в современное, демократическое государство. Будучи Президентом ЮАР Мандела сумел предотвратить крупные межрасовые конфликты и массовый исход белого населения из страны, что было характерным практически для всех африканских стран, получившим независимость. Нельсон Мандела всю жизнь, и находясь в тюремном заточении на протяжении четверти века и будучи избранным президентом ЮАР, последовательно придерживался идей Ганди о ненасилии.

К числу перечисленных поборников ненасилия и терпимости можно причислить и Сило (Марио Луис Родригес Кобос), создавшего гуманистические партии по всему миру и координационный центр этих партий под названием Гуманистический Интернационал. В центре его этической программы находятся ценности гуманистического ненасилия как философии и образа жизни, ориентация на творческое, освобождающее, действенное ненасилие. Странники Сило отождествляют себя с антисистемными движениями, выступающими за социальную справедливость.

Современное гуманистическое движение перешагнуло региональные и национальные границы и стало явлением общественной жизни более чем пятидесяти стран мира.

Появление и становление гуманистических партий и Гуманистического Интернационала расценивается многими исследователями как выход на мировую общественную арену новых социальных движений, основным методом деятельности которых является ненасилие и терпимость. Они бросают вызов формам власти, характерным для развитого индустриального общества. Как замечает французский политолог А. Турен, выступая против растущей концентрации власти, которая становится все более бесчеловечной и агрессивной, против проникновения бюрократии во все сферы социальной и культурной жизни, они выбирают в качестве главной цели не завоевание и преобразование государства с его аппаратом насилия, а напротив, защиту индивидов, межличностных отношений, малых групп, меньшинств от центральной власти и

государства. Они добиваются многообразных изменений, призванных гуманизировать общество, гармонизировать его отношения с природной средой, повысить «качество жизни», демократизировать процесс принятия социально значимых решений, обеспечить благоприятные условия для свободной реализации личностного потенциала каждого человека, его стремления к свободе, миру, искоренению насилия в отношениях между людьми.

Таким образом, принцип ненасилия, предполагающий и терпимость, постепенно преобразовывает мир.

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ПО ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Сведения о преподавателе: Габитов Т. Х.— доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и культурологии, на основании рабочих учебных планов согласно ГОСО, автор учебника: Этика юриста.— Алматы: Заң әдебиеті, 2004.

По дисциплине: Философия права

Специальность: 050301 — Юриспруденция

Технология обучения: Кредитная

Форма обучения: Очная

Курс — 2

Семестр — 4

Всего: кредитов — 2, часов — 90

Лекций — 15 часов;

Семинарских (практических) — 15 часов

СРСП — 30 часов,

СРС — 30 часов

Экзамен — 4 семестр

Система оценки знаний студентов:

Отлично:

Хорошо:

Удовл:

Общие данные по рабочей программе (Силабусу)

№ п/п	Количество Семестров (циклов) Обучения по рабочей программе	Количество кредитов	Всего часов	Лекции (кол-во часов)	Лабораторные занятия ЛБ (кол-во часов)	Семинарские или Практические занятия СПЛБ (кол-во часов)	Самостоятельная Работа студента СРС (кол-во часов)	СРСП (кол-во часов)	Вид и форма контроля		
									РК 1	РК 2	ИФК (итоговый)
1	2	2	4	5	6	7	8	9	10	11	12
4	семестр	2	90	15	-	15	30	30	тест	тест	экзамен

Общее описание рабочей программы (Силабуса)

Предисловие

Предлагаемый курс основывается на положениях современной методологии, достижениях отечественной и мировой историко-правовой науки, раскрывающей сущность права.

1. Цель курса: развитие правового творческого мышления бакалавров на основе изучения и усвоения ими знаний курсов по юриспруденции, формирование умений и навыков, необходимых для будущей профессиональной деятельности.

2. Задачи курса: 1) систематизация знаний бакалавров по истории права на основе изучения общих культурных особенностей 2) развитие умений и навыков, необходимых для будущей профессиональной деятельности; 3) знакомство с основными принципами, подходами и современными инновационными методами преподавания философии права в высшей школе.

Вы узнаете из курса:

- предмет, цели и задачи современной философии права;
- современные методы и приемы изучения истории философии права;
- особенности правовой культуры;
- особенности деятельности обучения философско-правовой истории в высшей школе;
- теоретические и практические основы методологии правового мастерства в конкретных формах профессиональной деятельности;
- анализировать и рефлексировать свою деятельность в качестве правоведа.

Вы получите навыки:

- поиска и отбора материала, необходимого для подготовки к семинарским занятиям;
- самостоятельной работы в процессе аудиторных и индивидуальных занятий;

3. Преквизиты: одним из определяющих факторов развития государства является, несомненно, уровень развития духовности, культуры. Большую роль в обществе играет философия, роль ко-

торой с развитием науки, самого человека неизмеримо выросла в наше время. Для усвоения курса требуется умение и желание нестандартно мыслить, уметь анализировать события окружающего мира и делать выводы. *Курс «Философия права» формирует мировоззрение студента, позволяет сформировать творческое мышление будущего юриста.*

4. Постреквизиты: Курс философии права как элективная вузовская дисциплина тесно связана с культурологией, логикой, юридическими предметами, а также с политологией и социологией.

5. Учебно-методическое обеспечение дисциплины:

Список литературы

Основная:

1. Аль-Фараби. Философские трактаты.— Алма-Ата, 1970.
2. Гегель. Философия права.— М., 1994.
3. Алексеев В. С. Философия права.— М., 1997.
4. Права человека.— М.: ООН, 1990.

Дополнительная:

1. Культурные контексты Казахстана: история и современность.— Алматы, 1998.
2. Габитов Т. Х. Этика юриста.— Алматы, 2000.
3. Нуржанов Б. и др. На пути к культуре мира.— Алматы, 2000.
4. Шахар. Журнал культуры и экологии.— Алматы, 1993, 1994.

5. Тематический план и виды занятий по часам

№ п/п	Название темы	Лекции	Сем.	СРСП	СРС	Лаб.
1	Цели, задачи и содержание философии права	1	1	2	2	-
2	Современные концепции философии права	1	1	2	2	-
3	Общая характеристика обычного права	1	1	2	2	
4	Каноническое право	1	1	2	2	
5	Правовые взгляды аль-Фараби, Ж. Баласагуни, К.А. Иасауи	1	1	2	2	
6	Естественное право	1	1	2	2	
7	Позитивное право	1	1	2	2	
8	Живое право	1	1	2	2	
9	Правовые взгляды Гоббса	1	1	2	2	
10	Правовые взгляды Гроция	1	1	2	2	
11	Правовые взгляды Гегеля	1	1	2	2	
12	Правовые взгляды мыслителей XX века	1	1	2	2	
13	Правовые взгляды советского периода	1	1	2	2	
14	Правовые взгляды в Республике Казахстан	1	1	2	2	
15	Значение государственной программы «Культурное наследие» для развития в правовой культуры в РК	1	1	2	2	
Итого		15	15	30	30	

6. График выполнения и сдачи самостоятельных заданий по дисциплине

№	Виды работ	Цель и содержание задания	Рекомендуемая литература	Прод. выполнения	Баллы	Форма контроля	Срок сдачи
1.	Посещение лекций и семинарских занятий	Подготовка к лекционным и семинарским занятиям	Материалы с сайта, учебники и словари по философии.	В течение семестра	10	Текущий контроль	Каждая вторая неделя месяца
2.	Эссе на тему «Роль и значение философии права в современном обществе»	Раскрыть на 2 стр. 1. актуальность; 2. цель и задачи; 3. социальные функции; 4. личное отношение. 5. Исползованная литература	Габитов Т.Х. Философия. А., 2002. Раздел 1. Мамардашвили М.К. «Как я понимаю философию». М., 1990.	1 неделя	4	Письменная работа	2 недели
3.	Словарь основных философско-правовых терминов	Детальная расшифровка понятий	Философский энциклопедический словарь. М., 2003	2 недели	4	Защита	3 недели
4.	Составление 20 тестов	Правильно сформулировать вопрос и варианты ответов по темам 1-3.	Основы философии в вопросах и ответах. Ростов/Дону, 1997. Философский энциклопедический словарь. М., 2003. Материалы сайта, конспекты лекций.	2 недели	4	Письменная работа	4 недели

5.	Доклад на тему «Философия права Гегеля»	Осветить идеи и этапы деятельности философа	Ермаков В. Справочник по истории философии. СПб., 2003.	2 недели	4	Защита	5 неделя
6.	Тестирование	Выполнение тестовых заданий из банка данных преподавателя.	Конспекты лекций, материалы занятий по контролируемым темам.	1 кон- такт - час	10	Реферат	6 неделя
7.	Диспут на тему «Общие черты и особенности западного и восточного образа жизни, культуры, способа философствования».	Составление краткой характеристики восточной/ западной (по выбору) философии.	Основы философии в вопросах и ответах. М., 1997. Конспекты лекций, материалы симлабуса.	3 недели	4	Защита	7 неделя
8.	Составление 2 кроссвордов по Прошедшим темам	Работа с основными философскими понятиями.	Философский энциклопедический словарь. М., 2003. Ермаков В. Справочник по истории философии. СПб., 2003 Конспекты лекций, материалы симлабуса.	2 недели	4	Реферат Рубеж- ный контроль	8 неделя
9	Реферат по теме «Принципы права».	Объём в пределах 10-15 страниц 1. Актуальность 2. План 3. Список литературы	Конспекты лекций, материалы симлабуса.	2 недели	4	Защита	9 неделя

10	Работа с кроссвордами	Уяснение основных философско-правовых понятий	Философский энциклопедический словарь. М., 2003. Ермаков В. Справочник по истории философии. СПб., 2003 Конспекты лекций, материалы слайбуса.	3 недели	4	Письменная работа	10 неделя
11	Ответы на вопросы к теме «Проблема человека в философии права».	Учиться точно и ясно формулировать свои мысли	Философия//п/р Трушкова В.В. М., 2001. Основы философии в вопросах и ответах. М., 1997. Габитов Т.Х. Философия. А., 2002 Конспекты лекций, материалы слайбуса.	1 неделя	4	Письменная работа	11 неделя
12	Реферат	Выполнение тестовых заданий из банка данных преподавателя.	Конспекты лекций, материалы занятий по контролируемым темам.	1 кон- такт - час	10	Реферат	12 неделя
13	Завершение работы с философско-правовым словариком	Усвоение основных философских понятий.	Философский энциклопедический словарь. М., 2003	2 недели	4	защита	13 неделя
14	Реферат. Тема «Глобальные проблемы современности и право	Объём в пределах 10-15 страниц 1. Актуальность, цели, задачи. 2. План. Выводы. 3. Список литературы.	Глобальные проблемы общечеловеческие ценности. М., 1991. Конспекты лекций, материалы слайбуса.	2 недели	4	Защита	9 неделя

15	Тестирование	Выполнение тестовых заданий из банка данных преподавателя.	Конспекты лекций, материалы занятий по контролируемым темам.	1 конт-акт-час	10	Итоговый контроль	15 неделя
16	Экзамен	Проверка усвоения материала дисциплины.	Основы философии в вопросах и ответах. М., 1997. Габитов Т.Х. Философия. А., 2002 Конспекты лекций, материалы слайдбуса.	1 день	30	Итоговый контроль Тесты	16-17 неделя

Турсын Хафизович Габитов

Философия права

Учебное пособие

Оператор Б. С. Нусипбекова

Дизайн А. В. Милованов

Компьютерная верстка А. А. Сляднева

Подписано в печать 24.05.2010 г.
Гарнитура «Таймс». Заказ № 73.

Издательство «NURPRESS»
050063, г. Алматы, мкр. Жетысу-3, д. 16.
Тел./факс: (727) 226-03-29.
E-mail: nurpress@mail.ru

Издательство «NURPRESS»

Издательство «NURPRESS» было образовано в результате слияния двух крупнейших издательств «Заң әдебиеті» и «Нұр-пресс». «NURPRESS» занимает лидирующие позиции по выпуску и продажам учебной и деловой литературы по различным отраслям знаний для студентов, научных и педагогических работников, предпринимателей, работников правоохранительных органов. Это результат качественного, высокопрофессионального подхода к издательскому делу. Наши издания соответствуют высочайшим стандартам качества и способны удовлетворить самый взыскательный вкус. Не случайно они пользуются огромной популярностью в стране.

Правильно выбранная стратегия развития издательства, постоянное исследование рынка книжной продукции, умение рисковать и принимать решения в ситуации неопределенности, развитие каналов распространения — это составляющие успеха «NURPRESS». Особое внимание в «NURPRESS» придается работе с вузами и колледжами, поскольку основные покупатели нашей учебной литературы — вузовские библиотеки, библиотеки средних специальных учреждений и непосредственно студенты.

Мы издаем книги разных направлений:

- бухгалтерский учет и финансы;
- право;
- информатика;
- психология;
- история;
- филология;
- педагогика;
- военное дело;
- законы,

а также эксклюзивные издания ограниченным тиражом по заказу.

«NURPRESS» является первым и единственным в Казахстане издательством качественно разработанных профессиональных электронных книг по различным отраслям знаний, которые предоставляют информацию в удобном электронном формате, включающие в себя систему поиска, навигацию по книге и т.д. Цель проекта — перевести книги в электронный вид, чтобы они не пропали и не обветшали вместе с бумагой, чтобы его можно было сохранить и передать будущим поколениям в «долговечной ЦИФРЕ»

Благодаря непрерывным, целенаправленным усилиям всего коллектива во главе с генеральным директором Жансеитовым Н. Н. книги «NURPRESS» всегда отличались и отличаются высоким профессиональным уровнем подготовки, многие из которых стали неотъемлемой частью деловой жизни их читателей.

Сегодня издательство находится в постоянном творческом поиске, знакомит читателей с новыми именами авторов, стремится сделать книгу полезной, красивой, доступной широкому кругу покупателей во всех регионах Казахстана.

Издательство «NURPRESS»

НОВИНКИ!!!

С. К. Журсимбаев
Правоохранительные органы Республики Казахстан. Учебник.— Алматы, 2010.— 400 стр.

Вводная дисциплина в юридическом учебном заведении, в рамках которого студенты получают основные сведения о деятельности правоохранительного и правоприменительных органов. Цель изучения курса — это обеспечение необходимой информацией будущих юристов о правовой основе, задачах, структуре и компетенции суда, прокуратуры и других органов, осуществляющих правоохранительную деятельность.

Е. Н. Бегалиев
Ш. Б. Маликова

Правовая статистика. Учебно-методическое пособие в схемах.— Алматы, 2010.— 48 стр.

Құқықтық статистика. Сұлбелер түріндегі үйретулік-әдістемелік септесулік.— Алматы, 2010.— 48 бет.

Учебное пособие включает в себя программу курса «Правовая статистика», которая состоит из сетки часов, планов лекционных и семинарских занятий, заданий для самостоятельной работы студентов и рубежного контроля, списка рекомендуемой литературы и вопросов на зачет.

Үйретулік септесулік өзіне «Құқықтық статистика» курсының программасын қосады. Ол сағаттардың торшаларынан, лекциялық пен семинарлық айналысулардың жоспарларынан, студенттердің өз бетті жұмысы үшін тапсырмалар мен рубеждік қадағалаудан, ұсынылушы әдебиеттің тізімі мен санға алуға сауалдардан тұрады.

К. М. Беркімбаев
Информатика. Оқулық. Екінші басылым.— Алматы, 2010.— 422 бет.

Оқулықта информатика курсының ақпараттану, алгоритмдеу негіздері, операциялық жүйелер, сервистік бағдарламалық жабдықтар, мәтіндік және кестелік процессорлар тақырыптары бойынша дайындалған теориялық материалдарға және негізгі операцияларды орындау тәсілдеріне талдаулар берілген.

Теориялық және практикалық жұмыстарды толық игеру мақсатында — бақылау-тест сұрақтары, көрнекі құрал ретінде-сұлбелер (схемалар) келтірілген.

С. К. Журсимбаев

Юридический словарь.— Алматы, 2010.— 272 стр.

Настоящий краткий юридический словарь представляет собой справочное издание, направленное на систематизацию основных терминов и понятий, которые наиболее часто встречаются в современной юридической науке и законодательной практике. В него включено более 1500 самых распространенных правовых понятий. Он может быть полезен лицам, выполняющим государственные функции, исследователям, студентам юридических и экономических вузов, а также всем, кто интересуется правом.

С. Алибеков, Р. Алимкулов

Таможенный Союз Евразийского Экономического Сообщества (сборник документов). Таможенный кодекс Евразийского Экономического Сообщества. Часть 1.— Алматы, 2010.— 256 с.

Подготовка сборника документов связана с созданием Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, в который включены как основополагающие документы, так и перечни международных таможенных и смежных договоров, в т.ч. ратифицированных Казахстаном.

Кроме того, в сборник помещен Таможенный кодекс ЕврАзЭС, вступающий в силу с 1 июля 2010 года.

С. Алибеков, Р. Алимкулов

Таможенный кодекс Евразийского Экономического Сообщества. Таможенный Союз Евразийского Экономического Сообщества (сборник документов). Часть 2.— Алматы, 2010.— 296 с.

Подготовка сборника документов связана с созданием Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, в который включены как основополагающие документы, так и перечни международных таможенных и смежных договоров, в т.ч. ратифицированных Казахстаном.

Кроме того, в сборник помещен Таможенный кодекс ЕврАзЭС, вступающий в силу с 1 июля 2010 года.

Издательство
«NURPRESS»

050063 г. Алматы, мкр. Жетысу-3, д. 16, т./ф.: (727) 226-03-29
E-mail: nurpress@mail.ru

*Издательство «NURPRESS» впервые в Казахстане
выпустило в свет аудиокнигу для детей
«Қазақ ертегілері»
со звуковым и музыкальным сопровождением.*

В нее включены такие сказки, как:

1. **Батыр қойшы** (Отважный пастух) — **10:34**;
 2. **Қасиетті құдық** (Волшебный колодец) — **7:44**;
 3. **Уәзір мен шал** (Визирь и старик) — **3:55**;
 4. **Бақыт іздеушілер** (Искатели счастья) — **7:22**;
 5. **Түлкі мен қырғауыл** (Лиса и фазан) — **3:58**;
- Общее время — 34:27**

Текст читает актер Казахского
государственного академического театра драмы
им. М. Ауэзова — *Бахтияр Қожя*